

801-13
236

E 46
E 435

СВѢТОЧИ ХРИСТІАНСТВА.

СОЧИНЕНІЕ

М. Хитрова.

МОСКВА.

Тип. Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина, Валуевая ул., свой домъ.
1895.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 20 февраля 1894 г.

Цензоръ священникъ *Иоаннъ Петропавловскій*.

22005-0

2011122282

ВВЕДЕНІЕ.

Держась того убѣжденія, что какъ для подрастающаго поколѣнія, такъ и для нашего народа слѣдуетъ позаботиться о такомъ чтеніи, которое давало бы не однѣ только свѣдѣнія по тѣмъ или другимъ отраслямъ знанія, а тѣмъ менѣе забаву или развлеченіе, но которое служило бы нравственному образованію, давало бы нравственное направленіе ума и сердца, мы постарались изобразить по возможности въ живыхъ разсказахъ возвышеннѣйшіе примѣры различныхъ христіанскихъ добродѣтелей. Могучее вліяніе высокаго примѣра на душу всѣмъ хорошо извѣстно. Предъ читателемъ одинъ за другимъ пройдутъ величавые образы свв. мужей и женъ, достигшихъ каждый въ родѣ своего призванія величайшаго духовнаго совершенства. И кто знаетъ—можетъ-быть, иное чуткое сердце при созерцаніи этихъ совершенствъ сильнѣе забьется, согрѣвшись искрой божественнаго пламени, одушевлявшаго избранниковъ Божіихъ... Святелю надлежитъ исполнять свое дѣло, а возвращеніе плодовъ—дѣло Божіе.

Книга задумана нами давно. Вошедшіе въ нее разсказы время отъ времени появлялись въ печати. Когда наконецъ исполнилось желаемое количество ихъ, мы рѣшились издать ихъ отдѣльнымъ изданіемъ.

СВѢТОЧИ ХРИСТІАНСТВА.

I. АПОСТОЛЪ ЛЮБВИ.

18 вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ вѣка апостольскаго. Какъ отдаленные звуки, изъ глубины минувшаго, дошли до насъ нѣсколько отрывочныхъ, скудныхъ преданій о жизни и дѣятельности апостоловъ, и это вполне понятно: они не думали о себѣ и всецѣло, съ полнымъ самоотверженіемъ, служили великому дѣлу благовѣстія. Живя въ мірѣ, апостолы были чужди міра, не искали себѣ въ немъ ни славы, ни богатства, ни спокойствія: они были какъ бы гражданами иного міра — небснаго. «Мы терпимъ голодъ и жажду, и наготу, и побои, и скитаемся и трудимся, работая своими руками! Злословятъ насъ, — мы благословляемъ; гонятъ насъ, — мы терпимъ; хулятъ насъ, — мы молимъ; мы какъ соръ для міра, какъ прахъ, всѣми попираемый донинѣ», говорилъ о себѣ одинъ изъ апостоловъ (1 Кор. IV, 11—13). Тѣмъ драгоцѣннѣе тѣ немногія свѣдѣнія объ апостолахъ, которыя сохранились до насъ. Мы желаемъ напомнить читателямъ объ одномъ дивномъ преданіи — объ апостолѣ Іоаннѣ, записанномъ Климентомъ и Евсеіемъ. «То не притча, а истинное повѣствованіе, переданное самимъ апостоломъ и сохранившееся въ памяти», замѣчаетъ Климентъ *).

*) Церк. ист. Евсеія Памфила. 134.

Перенесемъ мыслію въ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ центровъ греко-римскаго міра, въ Ефесъ. Городъ расположенъ въ прелестной равнинѣ, гдѣ тысячи лебедей и другихъ рѣчныхъ птицъ весело плескались въ волнахъ Каистра. Благодаря своему выгодному положенію на перекресткѣ большихъ дорогъ, ведущихъ на югъ къ Магнезій и Антиохіи, на сѣверъ—къ Сардамъ и Троядѣ, городъ богатѣлъ отъ кипучей торговой дѣятельности. Климатъ считался весьма здоровымъ, рѣки и озера изобиловали рыбой. Населеніе Ефеса было разнородно, но преобладающимъ элементомъ былъ греческій. Съ именемъ Ефеса соединялось множество воспоминаній изъ языческой мифологіи. Здѣсь, на берегахъ Кенхрея, въ прекрасной кипарисной рощѣ указывали мѣсто, гдѣ Латона произвела на свѣтъ Аполлона и Артемиду. Здѣсь же родился и Гермесъ. Здѣсь Вахкъ сражался съ амазонками; вообще это былъ городъ всевозможныхъ суевѣрій, колдовства, магіи, заговоровъ, амулетовъ. Но болѣе всего онъ славился своимъ храмомъ и культомъ Артемиды, носившимъ чисто восточный характеръ: оглушительный громъ барабановъ, пронзительный свистъ флейтъ, фантастическія процессіи и отвратительныя пляски, распущенные волосы, неистовые крики и сосновые факелы жрецовъ,— все служило къ тому, чтобы наэлектризовать языческую толпу. Нравственное состояніе города было ужасно. Нельзя было не придти въ негодованіе, «слыша,— по выраженію одного философа,— крики гнусныхъ жрецовъ-бродягъ, будучи свидѣтелемъ всѣхъ безчисленныхъ пороковъ, убійствъ, грабительствъ, сладострастія, обжорства и пьянства, господствовавшихъ вслѣдствіе противоестественныхъ ученій».

Но и среди развращенныхъ ефесянъ существовала, какъ цвѣтущій оазисъ среди пустыни, христіанская община, отличавшаяся строгою чистотою нравовъ. Здѣсь проповѣдывалъ евангеліе апостолъ Павелъ. Здѣсь долгое время жилъ любимый ученикъ Господа—Іоаннъ, здѣсь свято хранились хри-

стіанами воспоминанія о послѣднихъ годахъ его жизни. Его гробница въ день его кончины собирала вѣрныхъ изъ разныхъ странъ и городовъ...

Вечеромъ, окончивъ дневные труды, на берегу моря, близъ гавани, собралось небольшое общество христіанъ. То былъ чудный вечеръ. Тихая прохлада стояла въ воздухѣ. На безоблачномъ небѣ великолѣпно закатывалось солнце, озаряя небо послѣдними лучами. Море горѣло багрянцемъ. Зданія, сады постепенно погружались въ таинственный полумракъ. Взошла луна, южная луна, которая, по словамъ одного любителя южной природы, краше сѣвернаго солнца.

Сѣдовласый старецъ, какъ бы углубившись въ воспоминанія, сидѣлъ, склонившись къ дереву, между тѣмъ какъ молодой человекъ велъ одушевленный разговоръ, который внимательно слушало нѣсколько человекъ. Многимъ изъ нихъ, повидимому, этотъ разговоръ былъ уже извѣстенъ, но краснорѣчіе разсказывавшаго мало-по-малу привлекло и ихъ вниманіе.

«Возвратившись съ Патмоса въ Малую Азію, апостолъ посѣщалъ всѣ здѣшнія Церкви. Смирнская Церковь, какъ и другія всѣ, радостно встрѣчала блаженнаго старца. Множество народа вышло къ нему навстрѣчу, тѣснились около него, цѣловали его священные руки, края его одежды, слѣды его ногъ. Глаза его свѣтились отеческой любовью. Уста шептали: «Дѣти, милыя дѣти, любите другъ друга, какъ возлюбилъ насъ Христосъ, какъ я люблю васъ». И точно всѣ, въ его присутствіи, сливались въ одно чувство братской любви, и не было ни у кого ничего завѣтнаго, чего бы всякій не повергъ съ радостью къ стопамъ великаго старца, не пожалѣлъ бы и самой жизни. Въ толпѣ, окружавшей его, находился юноша, прекраснѣе котораго не запомнятъ старожилы. Въ большихъ глазахъ его свѣтилась дѣтски-чистая душа, горѣвшая, казалось, небеснымъ восторгомъ. И онъ не спускалъ своихъ чудныхъ

глазъ со старца, точно неотвратимая сила влекла юношу къ ученику Господа».

«Обративъ вниманіе на юношу, — продолжалъ разсказчикъ, — блаженный старецъ устремилъ на него пристальный, глубокой взглядъ, на минуту остановился, точно припоминая что-то... Затѣмъ, положивъ правую руку на голову юноши, проливавшего радостныя слезы, онъ обратился къ блаженному Поликарпу, епископу города Смирны:

— Смотри: я вѣрю тебѣ его съ особенной заботливостью, вѣрю тебѣ это сокровище предъ лицомъ Церкви и Господа І. Христа.

— Съ радостью готовъ исполнить твою заповѣдь, — отвѣчалъ Поликарпъ.

Юноша, между тѣмъ, рыдалъ навзрыдъ отъ полноты переполнявшихъ его чувствъ.

— Смотри же, ты взялъ на себя великій, священный обѣтъ, — подтвердилъ старецъ.

«Осчастлививъ смирскую Церковь своимъ посѣщеніемъ и любовно наставивъ ее, апостоль возвратился въ Ефесъ.

«Прошло нѣсколько времени. Епископъ Смирны взялъ юношу къ себѣ въ домъ, заботился о немъ съ отеческой любовью. Слово Божіе, казалось, падало на добрую почву. Тихо и кротко юноша повиновался во всемъ своему наставнику. Среди соблазновъ городской жизни онъ велъ себя, какъ цѣломудренная дѣвица. Наконецъ, онъ былъ просвѣщенъ святымъ крещеніемъ. Епископъ, повидимому, вполне исполнилъ данный имъ обѣтъ и нѣсколько ослабилъ свой бдительный надзоръ. Между тѣмъ юноша познакомился съ нѣкоторыми изъ своихъ сверстниковъ. Его красота, кротость, уступчивость многихъ привлекали къ нему. Поддаваясь мало-по-малу вліянію своихъ товарищей, онъ сталъ понемногу отдаляться отъ старца. Къ крайнему огорченію послѣдняго, однажды онъ явился домой, увѣнчанный цвѣтами и въ нетрезвомъ видѣ. Горько плакалъ онъ надъ

своимъ паденіемъ, когда епископъ сталъ укорять его, напоминая о блаженномъ Іоаннѣ. Но зло оболѣстительно: скоро его снова потянули роскошныя обѣды, веселыя рѣчи, общество женщинъ. Онъ оставилъ домъ епископа и окончательно подпалъ вліянію распутной молодежи. Средства на веселую жизнь часто у нихъ не хватало. Веселыя подружки молодыхъ людей требовали золота, нарядовъ. Молодые люди прибѣгли къ ночному грабежу... Впереди всѣхъ былъ молодой человѣкъ, вырвавшійся на волю изъ-подъ строгаго надзора. Онъ теперь уже пользовался неограниченнымъ вліяніемъ на своихъ сверстниковъ, онъ удивлялъ ихъ своими безумными выходками, для его удали не было препятствій. Точно дикий и сильный конь, рванулся онъ съ прямого пути и, закусивъ удила, помчался въ бездну».

«Скоро мелкіе грабежи по городу уже не удовлетворяли его. Онъ задумалъ сдѣлаться атаманомъ цѣлой толпы послушныхъ и на все готовыхъ людей. Горы и угелья въ окрестностяхъ города стали непроходимы. Жители приходили въ ужасъ отъ страшной, нечеловѣческой свирѣпости атамана. Вся окрестная страна гремѣла славой его подвиговъ надъ беззащитными. Молва преувеличивала, если можно было преувеличить, ужасы, совершавшіеся вокругъ Смирны; объ атаманѣ создавались легенды, говорили объ его сверхчеловѣческой силѣ, о чарахъ; суевѣрные считали его чуть не мстительнымъ божествомъ и готовы были приносить ему жертвы».

Разсказъ о страшномъ паденіи молодого человѣка произвелъ на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе. Слушали, затаивъ дыханіе. Сонъ, столь пріятный послѣ трудового дня, не приходилъ никому на умъ.

А ночь, южная ночь блистала во всемъ великолѣпніи. Возшедшая луна сіяла полнымъ блескомъ. Ночная прохлада становилась чувствительнѣе, но со стороны моря вѣялъ тихій ласкающій вѣтерокъ.

Разсказчикъ продолжалъ:

«Блаженному Иоанну снова пришлось посѣтить Смирну. Попрежнему столь же торжественно встрѣчала его смирская паства, но очи блаженнаго старца, казалось, были омрачены печалью и видимо кого-то искали... Наконецъ, онъ остановился, пристально посмотрѣлъ на епископа и сказалъ:

— Ну-ка, епископъ, представь же намъ залогъ, который Христось и я ввѣрили тебѣ предъ лицомъ Церкви. Я спрашиваю тебя объ юношѣ, порученномъ твоему попеченію.

Глубоко вздохнувъ, старецъ отвѣтилъ:

— Увы, онъ умеръ!

И сѣдая голова Поликарпа склонилась до земли.

— Какъ, какую смертью?—спросилъ Иоаннъ.

— Умеръ для Бога. Онъ развратился, сталъ злодѣемъ. вмѣсто церкви онъ съ шайкой разбойниковъ занимаетъ соседнюю гору.

«Невыразимая скорбь изобразилась на лицѣ Иоанна. Взоръ «сына грома» блеснулъ какъ молнія. Онъ рвалъ на себѣ одежду, ударялся головой о камень, раздались потресающіе стоны.

— Юноя, коня скорѣй мнѣ!—проговорилъ онъ, наконецъ, разбитымъ голосомъ. — Проводника мнѣ дайте, укажите мнѣ гору...

И прежде чѣмъ опомнились вѣрные, блаженный старецъ уже мчался со своимъ проводникомъ на гору. Точно юношескія силы воскресли въ немъ,—съ такой быстротою онъ исчезъ изъ виду.

Разбойники схватили его и потащили къ атаману, который ждалъ въ полномъ вооруженіи. Но лишь только онъ завидѣлъ Иоанна, тотчасъ обратился въ бѣгство. Старецъ погнался за нимъ, простирая свои руки. Его сѣдые волосы и борода развѣвались по вѣтру, разорванная одежда спадала съ плечъ; казалось, онъ ничего не видѣлъ предъ собой, кромѣ убѣгавшаго атамана.

— Чадо мое, зачѣмъ ты бѣжишь отъ меня, безоружнаго старика?!.. Сжался надо мной, дитя мое, пощади мою старость... Не бойся: Господь милостивъ... Остановись... Я душу готовъ положить за тебя... Самъ Христось послалъ меня...

«Молодой человекъ остановился, потупилъ взоры, затѣмъ быстро сорвалъ съ себя и бросилъ въ сторону оружіе, весь задрожалъ, зашатался и, наконецъ, бросился къ ногамъ Иоанна. Старецъ горячо обнялъ его и, прижавъ къ груди, цѣловалъ ему лицо и руки, обливая ихъ слезами.

— Для меня нѣтъ прощенія!—воскликнулъ юноша.—Эта рука...

— Дай, дай мнѣ ее,—воскликнулъ апостоль и припигъ къ ней своими священными устами *). Она уже очищена твоимъ раскаяніемъ и слезами. Клянусь тебѣ, я испрошу прощеніе у Бога... Только вернись, вернись со мной...

«И юноша вернулся. Велика была радость Иоанна. Онъ торжественно праздновалъ Пасху со смирскою паствою. Юноша возлежалъ у него на груди, какъ нѣкогда онъ самъ на груди Господа. Я видѣлъ этого человека. Онъ служить теперь лучшимъ украшеніемъ смирской Церкви».

Луна поднялась на самую середину неба, озаряя гавань, сады и видѣвшееся вдали безконечное море, сливавшееся съ небомъ въ серебристомъ туманѣ; звѣзды точно миллионы ясныхъ очей смотрѣли съ необъятной высоты. Воздухъ сдѣлался теплѣе, пахучѣе. Тишина попрежнему стояла невозмутимая, и только изрѣдка доносившійся со взморья тепловатый, легкій вѣтерокъ производилъ почти беззвучный, тихій шелестъ листьевъ.

Эта благодатная тишина, это-вѣчно-спокойное небо съ своей чудной далекой красой, это море, убѣгавшее въ туманную даль, отъ тревоженій житейскихъ неволью переносили къ мысли о вѣчности, объ иной—невозмутимой, безконечной жизни.

*) См. Исторію Евсевія.

— Блаженъ, кто, исплававъ бурное житейское море, достигнетъ спокойной пристани вѣчности,—сказалъ со вздохомъ съдвласый старецъ.—Блаженъ, кого Отецъ небесный приметъ въ Свои обители. Господи, спаси Твоихъ вѣрныхъ отъ паденія!

— Да, только тамъ,—сказалъ съ одушевленіемъ молодой человѣкъ, указывая на небо,—только въ царствіи небснаго Отца найдемъ невозмутимую отраду. Пока мы здѣсь, на землѣ, каждый день грозитъ намъ тяжелыми утратами, искушеніями... Но развѣ и здѣсь мы лишены утѣшеній отъ Господа? Развѣ Онъ не изрекъ Свое милостивое слово: «Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ» (Мѣ. 11, 28). И развѣ судьба спасеннаго юноши—не живой примѣръ Его попеченій о насъ?

— Святая истина,—замѣтилъ старецъ, поднимаясь съ мѣста.—Для насъ, учениковъ Господа, живущихъ въ надеждѣ воскресенія и вѣчной жизни, не можетъ быть отчаянія. Пройдутъ дни земныхъ испытаній, и всѣ мы и близкіе наши вкусимъ вѣчныхъ радостей... Однако, пора успокоиться. Ночь уже давно наступила. Завтра къ утренней работѣ, надѣюсь, мы не опоздаемъ.

Склонивши колѣна, старецъ тихо произнесъ святую молитву «Отче нашъ»... Его примѣру послѣдовали всѣ остальные. И нѣсколько разъ, удаляясь вслѣдъ за другими, старецъ повторялъ про себя съ особеннымъ чувствомъ: «и не введи насъ во искушеніе...»

II. Апостольскіе мужи.

Св. Игнатій Богоносецъ.

Игнатій возвращался въ Римъ послѣ долгаго отсутствія. Державный городъ готовился къ торжественной встрѣчѣ своего владыки, побѣдителя Децебала. Несчастный дакійскій государь убилъ себя, чтобы не идти плѣнникомъ въ цѣпяхъ на триумфъ врага. Слава о дакійскихъ походахъ гремѣла повсюду. Поэты готовились въ звучныхъ стихахъ поздравлять побѣдителя. «Предметъ новъ, богатъ, обширенъ, и сама истина похожа тутъ на чудеса,—писалъ Плиній одному изъ нихъ.—Ты опишешь намъ новыя рѣки, проведенныя человѣческими руками, построеніе мостовъ, станы на крутыхъ горахъ, будешь говорить о царѣ, потерявшемъ престолъ и жизнь, но не мужество». Кромѣ блестящаго триумфа, готовились къ неслыханымъ зрѣлищамъ. Тысячи звѣрей свозились въ Римъ изъ жаркихъ странъ Азіи и Африки. Цѣлыя партіи гладиаторовъ то-и-дѣло прибывали изъ разныхъ мѣстностей Италіи. Казалось, императорскій Римъ съ упоеніемъ готовился отпраздновать новыя побѣды и завоеванія, не предчувствуя, что это торжество будетъ въ то же время началомъ глубокаго, безвозвратнаго паденія...

Совсѣмъ съ иными чувствами смотрѣли христіане на готовящаяся торжества. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что они были вѣрнѣйшими подданными своего государя и, слѣдуя

заповѣди своей вѣры, въ теплыхъ молитвахъ испрашивали ему у Бога успѣховъ во всѣхъ начинаніяхъ на благо государства. «Мы оказываемъ императорамъ помощь божественную, потому что мы облечены во всеоружіе Божіе», говорили христіане. Но они, безъ сомнѣнія, не могли сочувствовать всей этой языческой мерзости, сопровождавшей тогдашнія празднества, этому пролитію христіанской крови для забавы черни. Чувство негодованія на этотъ разъ усиливалось еще болѣе тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ узниковъ, осужденныхъ на растерзаніе звѣрями въ циркѣ, находился, какъ всѣмъ было извѣстно, блаженный епископъ антиохійскій, непосредственный ученикъ апостоловъ,—св. Игнатій. Послѣ побѣды надъ даками Траянъ, сокрушивъ союзниковъ ихъ, парянъ и армянъ, посѣтилъ великолѣпную столицу Азіи—Антиохію. Вступленіе Траяна въ Антиохію, какъ и повсюду, сопровождалось возбужденіемъ народныхъ чувствъ и страстей и грозило великими бѣдствіями христіанамъ. Дѣйствительно, вскорѣ по прибытіи въ Антиохію Траянъ издалъ указъ о строжайшихъ наказаніяхъ тѣмъ, кто не будетъ участвовать въ торжественныхъ жертвоприношеніяхъ и празднествахъ въ честь боговъ—покровителей римской державы. Безъ сомнѣнія, этотъ указъ былъ вызванъ ненавистью къ христіанамъ языческаго населенія Антиохіи, да и самъ Траянъ, несмотря на все свое благодушіе, не могъ дружелюбно смотрѣть на людей, уклонявшихся отъ участія въ празднествахъ по случаю его побѣды. Игнатій, какъ добрый пастырь, не колеблющійся положить душу свою за овцы своя, явился къ императору съ ходатайствомъ за христіанъ. Траянъ высокоумѣреннымъ взглядомъ окинулъ старца, безтрепетно стоявшаго предъ нимъ.

— Кто ты, злобный демонъ?—воскликнулъ Траянъ.—И какъ ты осмѣливаешься пренебрегать нашими повелѣніями и учишь другихъ стремиться къ гибели!

— Никто не въ правѣ называть злобнымъ демономъ Бого-

носца,—возразилъ Игнатій.—Демоны въ рабахъ Божіихъ не обитаютъ. Если ты хочешь сказать тѣмъ, что я злобенъ для демоновъ, потому что веду съ ними брань, то охотно принимаю данное тобою названіе, потому что, имѣя своимъ Царемъ небеснымъ Христа, я сопротивляюсь кознямъ демоновъ.

— Кто же такой Богоносецъ?—насмѣшливо спросилъ Траянъ.

— Тотъ, кто носитъ Христа въ сердцѣ своемъ.

— Развѣ ты полагаешь, что мы не имѣемъ также въ сердцахъ своихъ боговъ, помогающихъ намъ противъ враговъ?

— Обольщаешься, называя богами демоновъ народныхъ, Только одинъ Богъ, сотворившій небо, землю, море и все, что въ нихъ,—одинъ только Христосъ Іисусъ, единородный Сынъ Божій. Да наслажусь я вскорѣ въ царствіи Его!—воскликнулъ Игнатій съ одушевленіемъ.

— Ты говоришь о Томъ, который распятъ былъ при Понтіи Пилатѣ?

— Да, о Томъ, который вознесъ на крестъ грѣхъ и сокрушилъ вмѣстѣ съ тѣмъ грѣхоначальника, о Томъ, кто, осуждая всякое заблужденіе и всякое зло, покорилъ ихъ подъ ноги тѣхъ, которые носятъ Его въ сердцѣ своемъ.

— Итакъ ты носишь въ сердцѣ Распятаго?

— Да, по написанному: «вселюся въ нихъ и похожду...»

Допросъ былъ конченъ, и Траянъ опредѣлилъ: «Повелѣваемъ, чтобы Игнатій, который говоритъ, что носитъ въ себѣ Распятаго, прикованъ былъ къ воинамъ и отведенъ въ великій Римъ на съѣденіе тамъ звѣрямъ для удовольствія народа».

Изъ Антиохіи Игнатій отправленъ былъ въ Смирну, гдѣ онъ имѣлъ радость свидѣться съ Поликарпомъ. Апостола Іоанна уже не было въ живыхъ. Онъ скончался, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ II столѣтія. Трогательно было свиданіе мужей апостольскихъ.

— Какъ я радъ, что увидѣлъ лицо твое!—воскликнулъ Игнатій.—Этимъ счастіемъ желалъ бы всегда наслаждаться!

О, какъ желалось бы хотя не надолго перенестись въ то блаженное время и послушать бесѣды этихъ мужей, внимавшихъ ученію апостоловъ! Церковь мужей апостольскихъ вполне погружена въ созерцаніе великаго дѣла искупленія, взоръ ихъ все еще неизмѣнно устремленъ къ небу, какъ бы все еще провожаетъ восходящаго Господа и горитъ отблескомъ Его славы... Возвышенное, неземное величіе окружаетъ Богоноснаго Игнатія, блаженнаго Поликарпа и другихъ носителей апостольскаго духа. Они обитаютъ на землѣ, но все земное, суетное какъ бы не дерзаетъ приблизиться къ нимъ и исчезаетъ, какъ тѣнь, предъ этими величавыми образами, предъ ихъ возвышеннымъ спокойствіемъ... Христіане въ Римѣ были уже извѣщены о скоромъ прибытіи Игнатія. Многіе выражали мысль о необходимости принятія мѣръ для предотвращенія готовившейся ему участи. Узнавъ объ этомъ, Игнатій обезпокоился и прислалъ римскимъ христіанамъ трогательное посланіе:

«Боюсь любви вашей, чтобы она не принесла мнѣ вреда... Не дѣлайте для меня ничего... Только просите мнѣ у Бога внѣшней и внутренней силы, чтобы я не назывался только христіаниномъ, но и на самомъ дѣлѣ былъ... Я пишу всѣмъ Церквамъ и всѣмъ свидѣтельствую, что добровольно умираю за Бога, если только вы не воспрепятствуете... Умоляю васъ: не оказывайте мнѣ неумѣстной любви. Оставьте меня сдѣлаться пищею звѣрей и посредствомъ ихъ достигнуть Бога, я—пшеница Божія: пусть измельчатъ меня зубы звѣрей, чтобы я сдѣлался чистымъ хлѣбомъ Божиимъ... Простите меня, я знаю, что для меня полезно... Ни видимое ни невидимое, — ничто не удержитъ меня придти къ Иисусу Христу. Огонь и крестъ, толпы звѣрей, разсѣченіе, расторженіе, раздробленіе костей, отсѣченіе членовъ, сокрушеніе всего тѣла, лютыя муки діавола пусть придутъ на меня, — только бы достигнуть мнѣ Иисуса Христа. Его ищу, умершаго за насъ, Его желаю, за

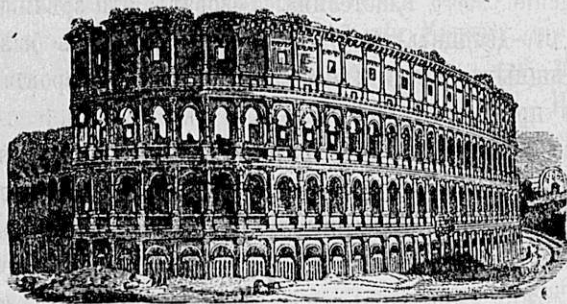
насъ воскресшаго... Хочу быть Божиимъ: не отдавайте меня міру. Пустите меня къ чистому свѣту... Живой пишу вамъ, гора желаніемъ смерти...»

Въ собраніяхъ римской Церкви съ благоговѣніемъ читали эти изумительныя строки, и римскіе христіане съ нетерпѣніемъ ждали Богоносца. Узнавъ о его пріѣздѣ, они поспѣшили къ нему навстрѣчу. Увидавъ его, со слезами бросились передъ нимъ на колѣна, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь св. Павла. Вскорѣ прибылъ въ Римъ и самъ Траянъ. Ослѣпительно-роскошны были и триумфъ побѣдителя даковъ, игры и зрѣлища, которыми державный городъ отпраздновалъ возвращеніе своего властелина. Говорятъ, эти зрѣлища продолжались сто-двадцать-три дня сряду; на нихъ было убито 11,000 хищныхъ звѣрей и билось 10,000 гладиаторовъ... Во время этихъ празднествъ пострадалъ и св. Игнатій.

Громадный амфитеатръ полонъ зрителей. На нижнихъ рядахъ непосредственно за ареной возсѣдаютъ главы древнихъ аристократическихъ родовъ и вельможи въ своихъ официальныхъ одеждахъ, жрецы и весталки. Среди нихъ—въ своей великолѣпной ложѣ императоръ съ блестящей свитой. Вотъ подлѣ него восточные князья въ высокихъ шапкахъ и широкихъ пестрыхъ одеждахъ, усѣянныхъ драгоценными камнями, нѣмецкіе конунги исполинскаго роста, посланники и т. д. Сотни тысячъ зрителей покрываютъ мраморныя скамьи, возвышающіяся надъ этими первыми рядами мѣстъ, широко расходящимися кругами. Глазомъ не оинешь этого громаднаго моря людей. Гулъ и шумъ многотысячной толпы стоитъ въ воздухѣ, и все звучитъ хвалебными возгласами виновнику торжества. Разноцвѣтный отблескъ разливается внутри зданія отъ солнечнаго свѣта, проникающаго чрезъ огромный цвѣтной навѣсъ изъ пестрой ткани. Фонтаны съ арены мечутъ вверхъ до изумительной высоты струи благовонной воды и, прохладящая воздухъ, наполняютъ его благоуханіемъ. Раздается шумъ

ная, оглушительная музыка. Все здѣсь соединено для того, чтобы опьянить, потрясти душу зрителя и усыпить всѣ нравственные побужденія. Для этой цѣли сдѣланы громадныя затраты, «рядомъ съ зрѣлищами самаго возмутительнаго свойства пущено въ ходъ волшебное великолѣпіе постановки, рядъ безпрестанныхъ эффектныхъ перемѣнъ, вся прелесть неизмѣримаго, своеобразнаго и грандіознаго, чтобы не только удовлетворить, но и превзойти ожиданія избалованнаго и въ высшей степени зазнавашагося населенія столицы».

Зрѣлище открывается торжественнымъ шествіемъ чрезъ арену гладиаторовъ въ праздничныхъ одеждахъ. Въ рядахъ ихъ

К о л и с е й.

громко раздается привѣтствіе властителю міра: «Хвала тебѣ, императоръ! Идущіе на смерть шлютъ тебѣ привѣтъ свой».

Однообразный звукъ трубъ даетъ знакъ къ битвѣ острымъ оружіемъ. Сверкаютъ мечи, льется человѣческая кровь при громѣ трубъ и роговъ, при пронзительномъ свистѣ свирѣлей и флейтъ... Сотни тысячъ зрителей напряженно слѣдятъ за ходомъ боя, движимые одною страстью, доходившею до неистовства. Они хлопаютъ въ ладоши, кричатъ изо всѣхъ силъ, наклоняются впередъ, машутъ платками и одеждами, скрежещутъ зубами, грозятъ, кривляются, спорятъ, бранятся, издають криги восторга и побѣды...

— Убей его, хлещи, жги!

— Чего онъ такъ боится меча!

— А это что такъ вяло наносить смертельный удары!?

— Зачѣмъ онъ такъ лѣниво умираетъ?

Вотъ новое зрѣлище. Являются звѣри. Природная свирѣлость ихъ увеличена сильно раздражающими средствами. Ихъ подгоняютъ хлопаніемъ бича, наносятъ раны острыми орудіями, горящими головнями. Львы и пантеры, медвѣди и зубры въ бѣшенствѣ терзаютъ другъ друга. Страшный ревъ заглушаетъ музыку... Вдругъ весь амфитеатръ точно замираетъ. На арену являются христіане... Взоры всѣхъ обратились къ восточной двери, чрезъ которую воины ввели престарѣлаго, стараго до изнеможенія, человека. Бѣлые, какъ снѣгъ, волосы его спадали на блѣдное лицо, но его взоръ ясенъ, твердъ, движения медленны, но величавы. Старецъ тихо приблизился къ императорской галлерей. Распорядитель игръ, пораженный его мужественнымъ героизмомъ, сказалъ ему почти ласковымъ тономъ:

— Какъ это ты остался живъ послѣ столь утомительнаго путешествія въ оковахъ? Послѣши хотя теперь исполнить волю императора, поклонись богамъ, и я немедленно прикажу освободить тебя.

— Я не боюсь смерти, — съ спокойнымъ величіемъ сказалъ старецъ, — не боюсь мукъ, какъ бы ни были онѣ ужасны, и ни за какія блага міра не измѣню моему Богу. Онъ — единый и великій. Ему одному поклоняюсь и Его единаго до послѣдняго моего вздоха буду славить и благодарить.

— Привязать этого горделивца и спустить на него львовъ! — раздался рѣзко-повелительный голосъ.

— Римляне, я умираю за истинную вѣру, не совершивъ никакого злодѣянія! — воскликнулъ Игнатій. — Вы же смотрите и помните, что Богъ даетъ силу умирать лютою смертію тѣмъ, которые знаютъ Его и любятъ Его.

И старецъ палъ на колѣна, скрестивъ руки на груди и возведя горѣвшій небесною радостію взоръ къ небу. Громад-

ные львы, прынувъ изъ темнаго карцера на озаренную яркимъ свѣтомъ арену, вдругъ остановились и прищурили глаза.

Весь амфитеатръ, среди гробового молчанія, точно тяжело вздохнулъ, пораженный зрѣлищемъ...

Звѣри бросились къ своей жертвѣ...

Ночь. Блѣдный ликъ луны озаряетъ кроткимъ сіяніемъ опустѣвшій и безмолвный циркъ. Таинственно глядятъ теперь на арену темные своды и галлерей. Три тѣни, крадучись, тихо пробираются по аренѣ. Почти на самой срединѣ ея, не далеко отъ императорской ложи, онѣ опустились на колѣни, разостлали бѣлую пелену и стали благоговѣнно собирать въ нее кости и песокъ, смоченный кровію... То были три христіанина—спутники Игнатія отъ Антіохіи до Рима... *)

Отрывки изъ посланій св. Игнатія.

Составляйте же изъ себя вы всѣ до одного хоръ, чтобы, согласно настроенные въ единомыслии, дружно начавши пѣснь Богу, вы единогласно пѣли ее Отцу чрезъ Иисуса Христа, дабы Онъ услышалъ васъ, и по добрымъ дѣламъ вашимъ призналъ васъ членами Своего Сына...

Никто да не обольщается! Кто не внутри жертвенника, тотъ лишаетъ себя хлѣба Божія. Если молитва двоихъ имѣетъ великую силу, то сколько сильнѣе молитва епископа и цѣлой Церкви? *Поэтому кто не ходитъ въ общее собраніе, тотъ уже возгордился и самъ осудилъ себя;* ибо написано: Богъ гордымъ противится.

Только бы найтись намъ во Христѣ Иисусѣ для истинной жизни!.. Безъ Него ничего да не будетъ у васъ. Ради Его и

*) Мученическая кончина св. Игнатія относится къ самымъ раннимъ годамъ второго столѣтія. Память его празднуется 20 декабря.

я несу на себѣ узы, этотъ духовный жемчугъ, въ которомъ желалъ бы я и воскреснуть по молитвѣ вашей.

Кто приобрѣлъ слово Иисусово, тотъ истинно можетъ слышать и Его безмолвіе, чтобы быть совершеннымъ, дабы и словомъ дѣйствовать и въ молчаніи открываться. Ничто не сокрыто отъ Господа, напротивъ и тайны наши близки къ Нему. Посему будемъ все дѣлать такъ, какъ бы Онъ Самъ былъ въ насъ, чтобы мы были Его храмами, а Онъ былъ въ насъ Богомъ нашимъ,—какъ Онъ и дѣйствительно есть, и нѣкогда явится предъ лицомъ нашимъ; потому мы справедливо и любимъ Его.

Мой духъ—впрахъ предъ крестомъ, который для невѣрующихъ—соблазнъ, а для насъ—спасеніе и вѣчная жизнь!.. Дѣвство Маріи и Ея дѣторожденіе, равно и смерть Господа—три достославныя тайны, совершившіяся въ безмолвіи Божиемъ. Какъ же онѣ открылись вѣкамъ? Звѣзда возсіяла на небѣ ярче всѣхъ звѣздъ, и свѣтъ ея былъ неизреченный, а новость ея произвела изумленіе. Всѣ прочія звѣзды, вмѣстѣ съ солнцемъ и луною, составили какъ бы хоръ около этой звѣзды, а она разливала свѣтъ свой на всѣ. И было смущеніе: откуда это новое, непохожее на тѣ звѣзды, явленіе? Съ этого времени стала упадать всякая магія, и всѣ узы зла разрываться, невѣдѣніе проходить, и древнее царство распадаться, такъ какъ Богъ явился по-человѣчески для обновленія вѣчной жизни, и получило начало то, что было приготовлено у Бога.

Одно изъ двухъ предлежитъ намъ: смерть или жизнь, и каждый пойдетъ въ свое мѣсто. Ибо есть какъ бы двѣ монеты, одна Божія, другая мірская, и каждая изъ нихъ имѣетъ на себѣ собственный образъ; невѣрующіе—образъ міра сего, а вѣрующіе въ любви—образъ Бога Отца чрезъ Иисуса Христа.

Единъ Иисусъ Христосъ, и лучше Его нѣтъ ничего. Поэтому всѣ вы составляйте изъ себя какъ бы одинъ храмъ Божій,

какъ бы одинъ жертвенникъ, какъ бы одного Иисуса Христа, который исшелъ отъ единого Отца и въ единомъ пребываетъ, и къ Нему единому отшелъ.

Прошу васъ—не я, но любовь Иисуса Христа,—питайтесь одной христіанской пищей, а отъ чуждаго растенія, какова ересь, отвращайтесь. *Къ яду своего ученія еретики примышляютъ Иисуса Христа*, чѣмъ и пріобрѣтаютъ къ себѣ довѣріе; но они подаютъ смертоносную отраву въ подслащенномъ винѣ. Не знающій охотно принимаетъ ее, и вмѣстѣ съ пагубнымъ удовольствіемъ принимаетъ смерть.

Не слушайте, когда кто будетъ говорить вамъ не объ Иисусѣ Христѣ, который произошелъ изъ рода Давидова отъ Маріи, истинно родился, ѣлъ и пилъ, истинно былъ осужденъ при Понтіи Пилатѣ, истинно былъ распятъ и умеръ, въ виду небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ,— который истинно воскресъ изъ мертвыхъ, такъ какъ Его воскресилъ Отецъ Его, который подобнымъ образомъ воскреситъ и насъ, вѣрующіихъ въ Иисуса Христа, ибо безъ Него мы не имѣемъ истинной жизни.

Для чего я самъ себя предалъ на смерть, въ огонь, на мечъ, на растерзаніе звѣрямъ?.. Кто подлѣ меча,— подлѣ Бога, кто посреди звѣрей,— посреди Бога: только бы это было во имя Иисуса Христа. Чтобы участвовать въ Его страданіяхъ, я терплю все это, и Онъ укрѣпляетъ меня, потому что содѣлался человѣкомъ совершеннымъ *).

*) Писанія мужей апостольскихъ. Перев. свящ. Преображенскаго

Св. Поликарпъ.

I.

Вотъ другой свидѣтель истины: это болѣе, чѣмъ столѣтній старецъ, блаженный Поликарпъ, епископъ смирнскій, непосредственный ученикъ Іоанна Богослова, которымъ онъ былъ и поставленъ епископомъ Смирны. Вліяніе его въ Церкви было громадно. Въ его лицѣ какъ бы продолжалось живое апостольское преданіе. Изъ глубины вѣковъ доносится до насъ слово блаженнаго старца, долго жившаго съ тѣми, которые идѣли Господа.

«Оставивъ тщетное пустословіе и заблужденіе многихъ, вѣруйте въ Того, Который воскресилъ изъ мертвыхъ Господа нашего Иисуса Христа и даровалъ Ему славу и престолъ одесную Себя, Которому все покорено небесное и земное, Которому все дышащее служить, Который придетъ судіей живыхъ и мертвыхъ... Воскресившій Его изъ мертвыхъ воскреситъ и насъ...»

«Кто слова Господни будетъ толковать по собственнымъ похотямъ и говорить, что нѣтъ ни воскресенія ни суда, тотъ первенецъ сатаны. Потому, оставивъ суетныя и ложныя ученія многихъ, обратится къ преподанному изначала слову».

Ученики Поликарпа живо помнили время своего пребыванія съ нимъ. Вотъ что писалъ св. Иринеи, епископъ ліонскій,

Флорину, бывшему также ученикомъ Поликарпа, но впоследствии впавшему въ заблужденіе: «Не таковое ученіе предали намъ отцы, предшествовавшіе намъ, которые слышали самихъ апостоловъ. Я былъ еще очень молодъ, когда видѣлъ тебя въ Малой Азіи у Поликарпа. Что было въ то время, я помню живѣе, чѣмъ недавно случившееся... Я могъ бы теперь указать мѣсто, гдѣ сидѣлъ блаженный Поликарпъ и бесѣдовалъ, могъ бы изобразить его походку, образъ его жизни и внѣшній видъ, его бесѣды къ народу, его дружеское обращеніе съ Иоанномъ, какъ онъ самъ рассказывалъ, и съ прочими самовидцами Господа,— то, какъ онъ припоминалъ слова ихъ и пересказывалъ, что слышалъ отъ нихъ о Господѣ, Его ученіи и чудесахъ... По милости Божіей ко мнѣ, я и тогда еще внимательно слушалъ Поликарпа и записывалъ слова его не на доскѣ, но въ глубинѣ моего сердца... Итакъ могу засвидѣтельствовать предъ Богомъ, что если бы этотъ блаженный и апостольскій старецъ услышалъ что-нибудь подобное твоему заблужденію, то онъ тотчасъ заградилъ бы слухъ свой и изъявилъ бы негодованіе свое обычною поговоркою: Боже благій! до какого времени Ты допустилъ меня дожить!»

Въ царствованіе Марка Аврелія настало и для него время припомнить обращенное къ нему въ Апокалипсисѣ наставленіе: «Не бойся ничего, что тебѣ надобно будетъ претерпѣть... Будь вѣренъ до смерти, и дамъ тебѣ вѣнецъ жизни» (Апок. II, 10).

II.

Если Церковь Божія видѣла спокойные дни въ правленіе Антонина, то можно было надѣяться, что спокойствіе продолжится и въ царствованіе его преемника, Марка Аврелія. Одинъ знаменитый историческій писатель (Гиббонъ) считаетъ его образцовымъ государемъ и утверждаетъ, что его правленіе доставило роду человѣческому возможную для человѣка полноту

счастія. Про него говорили, что онъ умѣетъ дурныхъ людей дѣлать добрыми, а добрыхъ доводить до совершенства. Строгій къ самому себѣ, онъ выказывалъ доброту и снисходительность къ другимъ. Онъ приказывалъ гладиаторамъ давать тупое оружіе для того, чтобы они не могли смертельно ранить другъ друга.

Однако христіане претерпѣли въ правленіе этого добродѣтельного государя величайшія гоненія.

Что же побудило Марка Аврелія преслѣдовать христіанъ и оказаться для нихъ болѣе страшнымъ, чѣмъ худшіе изъ римскихъ государей?

Мудрецу на тронѣ, Марку Аврелію очень желательно было бы, чтобы его царствованіе было спокойно. Но этого не было. Бѣдствія одно за другимъ поражали имперію. Римъ постигло наводненіе вслѣдствіе страшнаго разлитія Тибра. Землетрясенія то-и-дѣло разрушали города и селенія. Моровыя повѣтрія губили множество народа. Войны никогда не были такъ кровопролитны на Востокѣ, какъ и на Западѣ. Мрачный ужасъ овладевалъ сердцами. Во всѣхъ несчастіяхъ народъ обвинялъ христіанъ. Народныя страсти разнуздывались съ ужасающей силой, которой трудно было противиться. Язычники требовали крови христіанъ, какъ очистительной жертвы разгнѣваннымъ божествамъ. Но императоръ могъ бы обуздать кровожадные инстинкты черни. Сдѣлалъ ли онъ это?—Нѣтъ, да и не желалъ. Почему же?

Императоръ былъ мудрецъ, но есть мудрость Божія и есть мудрость человѣческая. Мудрость человѣческая, безъ руководства мудрости божественной, есть безуміе въ очахъ Божіихъ. Маркъ Аврелій считается стоикомъ. Стоиками назывались мудрецы, которые гордились тѣмъ, что они одни понимали истинный смыслъ жизни и болѣе всего надѣялись на свой разумъ.

«Всегда слѣдуй разуму и владычеству надъ всѣми желаніями и страстями», говорили эти мудрецы.

Ахъ, эта пресловутая вѣра въ разумъ! «Напрасно ищешь ты, о человѣкъ, въ себѣ самомъ избавленіе отъ своего бѣдственнаго сосоянія,—сказали бы мы словами одного истиннаго мудреца всѣмъ старымъ и новымъ мудрецамъ, полагающимся только на человѣческій разумъ.—Весь твой умъ можетъ довести тебя только до познанія того, что ты не можешь найти въ себѣ самомъ ни истины ни истиннаго блага».

Почему же? Да потому, что въ большей части случаевъ, если не всегда, не разумъ руководитъ человѣкомъ въ жизни. Разумъ подкупленъ. Онъ, въ сущности, служитъ желаніямъ сердца, а у сердца своя логика. «Система нашего мышленія часто есть только исторія нашего сердца. Все мое убѣжденіе исходитъ изъ расположенія, а не изъ разсудка» (Фихте). Это старая, очень старая истина. Но ужели человѣчеству суждено вѣчно погрѣшать противъ нея? Въ такомъ случаѣ пришлось бы согласиться съ Мефистофелемъ, который старался успокоить Фауста: «О, вѣрь мнѣ ты, пережевывающій эту жесткую пищу не одну тысячу лѣтъ, что ни одинъ человѣкъ не перевариваетъ, начиная съ колыбели и до гроба, этого стараго заквашеннаго тѣста».

Ничто такъ не возмущало нашего самодовольнаго мудреца, какъ мысль о раскаяніи, прошеніи грѣховъ, о спасеніи и божественной помощи. Для раскаянія необходимы сознаніе вины и сердечное сокрушеніе о грѣхахъ. Въ чемъ же будетъ раскаиваться гордый философъ-фарисей, вѣрующій только въ самого себя? Нѣтъ, онъ въ себѣ самомъ найдетъ достаточно силъ противъ зла и съ презрѣніемъ отвергнетъ всякую постороннюю помощь. Нуждаться въ помощи хотя бы и небесной... одна мысль объ этомъ для него уже составляетъ оскорбленіе. Для него альфа и омега, это—его «я». «Достаточно вѣровать,—говоритъ онъ,—въ генія, живущаго въ насъ, и его со всей искренностью почитать... Въ тѣлесной жизни все—быстро уходящій потокъ; въ душѣ—мечта и дымъ; жизнь есть борьба, задержка

на пути; слава въ потомствѣ—забвеніе». Что же прочно? На что опираться человѣку?—На свой разумъ. «Можно ли еще больше что-нибудь цѣнить въ этомъ мракѣ, въ этой грязи, въ этомъ мутномъ потокѣ, который уноситъ съ собою время? Я не вижу ничего. Напротивъ, я долженъ самъ себя утѣшать и успокоивать двоякой мыслью: съ одной стороны—со мной не случится ничего, что было бы не согласно съ пригодой вещей; съ другой—въ моей власти ничего не сдѣлать противъ моего бога и моего генія». При такомъ самодовольствѣ могъ ли Маркъ Аврелій сочувствовать идеѣ искупленія? «Въ своей личности скорѣе надлежитъ представить образецъ естественной праведности, чѣмъ возстановленія». Зачѣмъ же искупленіе? Можно обойтись и безъ него...

Самая наружность Марка Аврелія говорила о его невозмутимости, самоувѣренности. Съ молодыхъ лѣтъ онъ уже выглядѣлъ старикомъ. Ни радость, ни горе не волновали его сердца. Выраженіе его лица всегда было одинаково холодно и безстрастно. Порой, правда, проглядываетъ въ немъ болѣе человѣческое чувство, затаенное чувство недовольства, неудовлетворенности. «О душа моя! будешь ли ты когда-нибудь доброй, простой, всегда одинаковой? Вкусишь ли ты счастья—любить и цѣнить людей? Будешь ли сама въ себѣ настолько богата, чтобы не чувствовать ни потребностей ни огорченія?» Однако это чувство недовольства самимъ собой отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ чувствомъ раскаянія. «Кто согрѣшаетъ, согрѣшаетъ только противъ себя самого!» гордо восклицаетъ онъ. Въ его рѣчахъ гораздо чаще слышатся слова полного самодовольства, самоуслажденія. «Какъ ты велъ себя до этого дня?» спрашиваетъ онъ самъ себя. «Думай, что ты исполнилъ свою задачу, вспоминай о многихъ прекрасныхъ часахъ, которые ты видѣлъ, о радостяхъ и страданіяхъ, которыми ты пренебрегъ, о великихъ почестяхъ, къ которымъ ты былъ равнодушенъ, о многихъ благодарныхъ, къ которымъ ты от-

несся съ благожелательствомъ. Такъ и кажется, что извѣстные слова: «Боже! благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ другіе» — то-и-дѣло въ самыхъ разнообразныхъ тонахъ повторяются въ устахъ Марка Аврелія.

Какой гнѣвъ, какое презрѣніе долженъ былъ чувствовать этотъ самодовольный мудрецъ, этотъ праведникъ, посылающій на небо эту благодарность, какъ вызовъ, при видѣ людей, умоляющихъ небо о прощеніи и милости и безмолвно, слезами и вздохами, протестующихъ противъ этой горделивой праведности!

Императоръ издалъ указъ, направленный, очевидно, противъ христіанъ, которымъ повелѣвалось изгонять и казнить распространителей новыхъ религій, какъ людей, волнующихъ умы, тревожащихъ общество. Прегніе государи, по крайней мѣрѣ, запрещали разыскивать христіанъ и судить ихъ только при положительныхъ заявленіяхъ о нихъ. Маркъ Аврелій отмѣнилъ и это. При всѣмъ извѣстной ненависти императора къ христіанамъ, можно себя представить, до какихъ неистовствъ доходила чернь. По свидѣтельству современнаго отца Церкви, безсовѣстные доносчики, на основаніи строгихъ указовъ, днемъ и ночью врываются въ дома христіанъ и расхищали ихъ. Страшное гоненіе свирѣпствовало съ одинаковой силой на Востокѣ и на Западѣ.

III.

Перенесемся за длинный рядъ вѣговъ, отдѣляющихъ насъ отъ эпохи мужей апостольскихъ, и вообразимъ себя въ одномъ изъ блистательнѣйшихъ городовъ Малой Азіи — въ Смирнѣ. Возвышаясь въ видѣ амфитеатра надъ моремъ и гаванью, она со всѣхъ сторонъ представляла одинаково превосходный видъ, но видъ на нее издали былъ еще лучше, чѣмъ вблизи. Въ цѣломъ она казалась такой гармонически-прекрасной и цвѣтущей, какъ будто она не постепенно воздвигалась, а вне-

запно явилась на поверхности земли. То-и-дѣло встрѣчались театры, храмы, множество роскошныхъ бань, одна другой прекраснѣе, мѣста для прогулокъ, фонтаны и колодцы, роскошные дома, дворцы, улицы и площади, пересѣкавшіяся подъ прямымъ угломъ, выложенныя разноцвѣтнымъ мраморомъ. Ко всему этому — прекраснѣйшій климатъ, смягчаемый вѣявшимъ въ городѣ съ моря благодатнымъ западнымъ вѣтромъ. Сюда стегалось множество путешественниковъ, желавшихъ насладиться всѣми прелестями роскошной полуазіатской жизни.

Но на этотъ разъ мы застаемъ Смирну въ страшномъ возбужденіи по случаю разразившагося гоненія на христіанъ.

Предоставимъ разсказъ объ этомъ самимъ современникамъ — очевидцамъ. Они составили описаніе происшедшихъ въ Смирнѣ событій и послали ко всѣмъ Церквямъ.

«Церковь Божія, странствующая въ Смирнѣ, Церкви Божіей, странствующей въ Филомеліи, и всѣмъ частямъ святой католической Церкви, разсѣяннѣмъ по вселенной: возрастанія въ милосердіи, мирѣ и благодати отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа! *)

«Братія, мы возвѣстили вамъ о мученичествѣ многихъ изъ нашихъ, а въ особенности блаженнѣйшаго Поликарпа, который, какъ кажется, смертію своею положилъ конецъ гоненію. Все случившееся допущено было Богомъ какъ бы для указація намъ, что такое мученикъ, достойный евангелія. Поликарпъ былъ преданъ такъ же, какъ Господь, чтобы послужить намъ не только образцомъ, но также для того, чтобы мы могли предложить его, какъ образецъ ближнимъ, что истинная и твердая любовь заключается не только въ желаніи собственнаго спасенія, но въ желаніи спасенія всѣхъ братій.

«Всѣ мученичества были благоуспѣшны и перенесены му-

*) Мы приведемъ этотъ памятникъ по русскому переводу изъ книги Вл. Геттэ: „Исторія Церкви отъ рождества Господа нашего Иисуса Христа до нашихъ дней, написанная по подлиннымъ и достовѣрнымъ памятникамъ“. Томъ I, стр. 488.

жественно. Вѣра поставляетъ намъ въ обязанность всю честь въ томъ относить къ самому Богу. Кто не подивится мужеству, терпѣнію и любви къ Богу сихъ мучениковъ, которыхъ бичевали столь жестоко, что видны были ихъ жилы, суставы и внутренности? Самые зрители сострадали имъ и сожалѣли, тогда какъ сами мученики были воодушевлены такимъ мужествомъ, что не издали ни одного стenanія, не выразили никакого ропота и доказали всѣмъ, что мученики Христовы во время своихъ мукъ уже не имѣютъ болѣе тѣла или, скорѣе, что самъ Господь близъ нихъ и ихъ подкрѣпляетъ. Не помышляя ни о чемъ, какъ только о благодати Христовой, они презирали вѣшнія мученія, зная, что часомъ страданій искупаются отъ муки вѣчной. Огонь жестокихъ палачей казался для нихъ прохладою, потому что предъ взорами ихъ былъ тотъ огонь вѣчный, котораго они избавлялись; очами сердца взирали они на блага, превосходящія все, что ухо можетъ слышать, око видѣть и человекъ когда-либо себѣ представить. Все это Богъ показывалъ имъ, потому что они были уже не людьми, но ангелами. Приговоренныхъ же на растерзаніе дикими звѣрями подвергали всякаго рода мукамъ, въ надеждѣ заставить ихъ отречься отъ Христа.

«Діаволь прибѣгалъ противъ нихъ ко всѣмъ коварствамъ, но, благодареніе Богу, не могъ побѣдить ни одного. Мужественный Германикъ укрѣплялъ сподвижниковъ своихъ, презирая звѣрей, которые должны были ихъ растерзать. Проконсулъ старался поколебать его, убѣждая пожалѣть юность свою, но вмѣсто отвѣта мученикъ раздражилъ одного изъ звѣрей и привелъ въ ярость, чтобы скорѣе оставить міръ, исполненный несправедливостей и нечестій. Толпа, изумленная такимъ мужествомъ, кричала: «Умертви нечестивцевъ этихъ, и пусть идутъ за Поликарпомъ!»

«Фригіецъ, именемъ Квинтъ, недавно прибывшій съ родины, одинъ только устранился дикихъ звѣрей. Онъ добро-

вольно явился къ проконсулу и уговаривалъ многихъ подражать ему, но проконсулъ, воспользовавшись его слабостію, убѣдилъ его совершить жертвоприношеніе. Это служить, братія, доказательствомъ, что самому вызываться на подвигъ не должно: евангеліе насъ этому не учитъ.

«Поликарпъ, мужъ въ высшей степени удивительный, хотѣлъ оставаться въ городѣ и нисколько не смущался извѣстіемъ о гоненіи, однако уступилъ совѣтамъ просившихъ его и удалился въ селеніе неподалеку отъ города. Съ нимъ было небольшое число вѣрующихъ, и онъ проводилъ дни и ночи, по обычаю своему, въ молитвахъ за всѣ Церкви вселенной. Однажды во время молитвы имѣлъ онъ видѣніе, что постель его горитъ. Тогда, обратившись къ спутникамъ, пророчески изрекъ онъ: «Я буду сожженъ живымъ».

«Узнавъ, что его ищутъ, онъ удалился въ другое селеніе, но едва успѣлъ выйти изъ дома, какъ пришли его преслѣдователи. Не найдя Поликарпа, они подвергли пыткамъ двухъ мальчиковъ, ему служившихъ. Одинъ изъ нихъ, уступая боли, открылъ убѣжище господина своего. Какъ скоро домашніе измѣнили, то Поликарпу невозможно было долѣе скрываться. Иренархъ *), по имени Иродъ, старался, чтобы онъ былъ схваченъ и отведенъ въ амфитеатръ и, подобно Христу, совершилъ бы жертву. Да подвергнутся же жребію Іуды предавшіе его!

«Была пятница, когда слуги, преслѣдовавшіе Поликарпа, въ сопровожденіи всадниковъ и по указанію мальчика отправились схватить его, какъ разбойника. Прибыли они вечеромъ. Поликарпъ лежалъ въ верхней комнатѣ небольшого дома и могъ бы еще скрыться, но отказался отъ того, говоря: «да будетъ воля Божія!» Онъ сошелъ внизъ и сталъ разговаривать съ преслѣдователями, а тѣ, видя, какъ онъ старъ, удивлялись твердости его и тому, что имъ стоило столько трудовъ

*) Властитель общественнаго спокойствія.

его взять. Поликарпъ приказалъ подать имъ ѣсть и пить, сколько хотять, выпросивъ себѣ дозволеніе помолиться часъ на свободѣ. Ему позволили. Тогда, исполненный благодати Божіей и стоя часа два, онъ громко молился такъ, что сами преслѣдовавшіе пришли въ удивленіе и сожалѣли, что пришли взять такого благочестиваго старца.

«Въ молитвѣ своей упоминалъ онъ всѣхъ, кого зналъ, великихъ и малыхъ, знатныхъ и простыхъ, а также каволическую Церковь всего міра. Когда же окончилъ молитву, и часъ отправления насталъ, то посадили его на осла и повезли въ городъ. Была Великая суббота. Иренархъ Иродъ и отецъ его Никита выѣхали ему на встрѣчу и посадили къ себѣ въ колесницу. Дорогою они говорили ему: «Что же дурного сказать: *Господь Кесарь* и принести жертвоприношеніе, чтобы спасти жизнь?» Поликарпъ сперва не отвѣчалъ имъ ни слова, но когда стали настаивать, то сказалъ: «Не сдѣлаю того, что совѣтуете». Обманутые въ надеждѣ своей преклонить его, они осыпали старца оскорбленіями и столкнули съ колесницы. Упавши, онъ повредилъ себѣ ногу, но, нисколько не смутившись и какъ будто не чувствуя никакой боли, онъ радостно продолжалъ путь до амфитеатра. Тамъ было такое смятеніе, что никого невозможно было разслушать.

«Когда Поликарпъ вошелъ въ амфитеатръ, то былъ ему гласъ съ небеси: «Мужайся, Поликарпъ, будь непоколебимъ!» Произнесшаго слова эти никто не видѣлъ, но тѣ изъ нашихъ, которые находились вблизи, ясно ихъ слышали. Волненіе удвоилось, когда узнали, что приведенный—самъ Поликарпъ. Проконсулъ по обычаю спросилъ его, дѣйствительно ли онъ Поликарпъ, и послѣ утвердительнаго отвѣта говорилъ ему: «Пощади старость свою» и другія обычныя слова. «Поклянись Фортуну Кесаря, одумайся и воскликни: смерть безбожникамъ!» Тогда Поликарпъ, спокойнымъ, но строгимъ взоромъ огинувъ преступную толпу идолопоклонниковъ, которая вол-

новалась въ амфитеатръ, и поднявци къ небу взоръ, со вздохомъ сказалъ: «Погуби безбожныхъ!»

— Клянись,—говорилъ проконсулъ,—и я оправдаю тебя. Прокляни Христа!

Но Поликарпъ отвѣчалъ:

— Восемьдесятъ-шесть лѣтъ служу я Христу, и Онъ никогда не сдѣлалъ мнѣ никакого зла; какъ же хочешь, чтобы я проклиналъ Царя, который спасъ насъ?

— Клянись,—продолжалъ проконсулъ,—Фортуну Кесаря!

Поликарпъ отвѣчалъ:

— Если ты поставляешь себѣ въ томъ славу, чтобы заставить меня поклясться, какъ говоришь, Фортуну Кесаря, и представляешь видъ, будто меня не знаешь, то знай же, что я—христіанинъ! Если же хочешь знать ученіе христіанское и будешь слушать, то для этого достаточно одного дня.

— Говори это народу,—возразилъ проконсулъ.

— Хочу говорить тебѣ, потому что уважаю санъ твой: мы научены воздавать почестъ царямъ и всѣмъ властителямъ, установленнымъ отъ Бога, насколько то дозволяетъ совѣсть; что же касается до нихъ, то я отъ нихъ не завишу и отчета имъ отдавать не обязанъ.

— У меня есть дикіе звѣри,—сказалъ проконсулъ,—и я брошу тебя имъ, если не измѣнишь своихъ убѣжденій.

— Можешь послать за ними,—отвѣчалъ Поликарпъ,—мнѣ же измѣнять свои добрыя убѣжденія на худыя невозможно, напротивъ, полезно отъ худыхъ переходить къ добрымъ.

— Если не страшишься дикихъ звѣрей,—сказалъ проконсулъ,—то могу велѣть сжечь тебя живымъ, когда не измѣнишь убѣжденій.

— Ты угрожаешь, — отвѣчалъ Поликарпъ, — огнемъ, горячимъ только часъ и вскорѣ потухающимъ; развѣ не знаешь ты, что для нечестивцевъ есть огонь вѣчный, послѣ будущаго суда? Впрочемъ, чего ожидаешь? Дѣлай, что хочешь.

«Поликарпъ, произнося эти слова и еще другія, исполнился увѣренности и веселія; лицо его просіяло. Убитымъ казался не онъ, а скорѣе проконсулъ, который не могъ скрыть своего удивленія. Чтобы выиграть время, онъ три раза посылалъ провозвѣстника своего повторять среди амфитеатра: «Поликарпъ признаетъ себя христіаниномъ». При каждомъ провозглашеніи толпа евреевъ и язычниковъ, жившихъ въ Смирнѣ, приходила въ ярость и кричала: «Это учитель нечестія, это отецъ христіанъ, истребитель боговъ нашихъ; тотъ, который учить не приноситъ жертвъ, не чтить боговъ!» Они съ воплемъ призывали азіарха (распорядителя зрѣлищъ) Филиппа и просили выпустить на Поликарпа льва, но Филиппъ отвѣчалъ, что сдѣлать сего нельзя, потому что зрѣлище звѣрей уже окончено. Тогда всѣ начали кричать: «сжечь Поликарпа живымъ!» Пророчество его, послѣ видѣнія, что будетъ сожженъ живымъ, должно было исполниться.

«Едва народъ произнесъ слова эти, какъ побѣжали въ склады и въ бани за дровами. Евреи казались ревностнѣе и торопливѣе болѣе обыкновеннаго. Костеръ былъ готовъ. Поликарпъ снялъ мантию, развязалъ поясъ и старался снять обувь. Обыкновенно онъ этого самъ никогда не дѣлалъ, а каждый изъ вѣрующихъ стремился оказать ему эту услугу, чтобы только имѣть случай прикоснуться къ тѣлу его, потому что, по святости своей, Поликарпъ еще до мученичества своего былъ исполненъ всякихъ благъ. Поликарпа, окруженнаго всѣми орудіями казни, хотѣли было пригвоздить на костръ, но онъ сказалъ: «Не безпокойтесь. Тотъ, Кто даетъ мнѣ силу претерпѣть огонь, подастъ мнѣ и на то, чтобы остаться неподвижнымъ безъ пригвожденія».

«Его не пригвоздили, а только привязали. Поликарпъ съ руками, связанными за спиною и скованными, походилъ на агнца, избраннаго въ жертву, благопріятную Богу. Тогда, поднявъ глаза къ небу, сказалъ онъ: «Господи Боже Всемогущій! Отче возлюбленнаго Сына Твоего Иисуса Христа, научившаго насъ познать Тебя! Боже ангеловъ, властей, всей твари и всего сонма праведныхъ, живущихъ предъ Тобою! Благодарю, что, включивъ меня въ число мучениковъ, Ты удостоилъ меня нынѣ быть причастникомъ чаши Христа Твоего, на воскресеніе въ жизнь вѣчную души моей и тѣла въ нетлѣніи, дарованномъ Духомъ Святымъ! Да буду же сопричтенъ къ числу мучениковъ, какъ жертва благопріятная, избранная по предопредѣленію Твоему, которое изрекъ мнѣ, а нынѣ исполняешь, о, Боже истинный, не знающій неправды! Славлю Тебя за все, благословляю и прославляю со предвѣчнымъ Иисусомъ Христомъ, возлюбленнымъ Сыномъ Твоимъ, Которому со Святымъ Духомъ слава нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь!» Когда Поликарпъ окончилъ молитву и сказалъ аминь, то служители зажгли костеръ. Огромное пламя немедленно запылало, но въ то же самое время увидѣли мы великое чудо, мы всѣ, удостоившіеся быть свидѣтелями мученичества, и которымъ поручено было возвѣстать оное прочимъ. Пламя изогнулось какъ бы въ пещи или скорѣе вздулось какъ вѣтрило отъ напора вѣтра и облекло мученика какъ бы сіяніемъ. Среди пламени тѣло его не походило на плоть, которую жарятъ, а скорѣе на пекущійся хлѣбъ, на золото или на серебро въ горнилѣ. Всѣ мы чувствовали запахъ, походившій на ладанъ или другое драгоценное благовоніе.

«Зрители, раздраженные тѣмъ, что тѣло Поликарпа не горитъ, требовали отъ палачей, чтобы пронзили его оружіемъ. Тѣ повиновались. Немедленно увидѣли мы вылетѣвшаго голубя, а изъ тѣла вытекло столько крови, что она совершенно угасила огонь. Народъ былъ пораженъ этимъ и увидѣлъ раз-

личіе между невѣрующими и избранными. Конечно, однимъ изъ избранныхъ этихъ—дивный священномученикъ Поликарпъ, бывшій въ наше время учителемъ по наслѣдію апостоловъ и пророковъ, епископъ каѳолическія Церкви въ Смирнѣ. Все сказанное имъ сбылось или сбудется.

«Врагъ праведныхъ, въ зависти и злобѣ своей, видя дивнаго мученика сего добродѣтель, въ которой подвизался святитель съ юности своей, вѣнецъ безсмертія, имъ заслуженный, и награду, его ожидающую, рѣшился воспрепятствовать намъ сберечь остатки тѣла Поликарпа, которые многіе желали бы взять. Діаволь внушилъ Никитѣ, отцу Ирода, и брату его Алкису просить проконсула не давать тѣла мученика на погребеніе. «Христіане готовы, — говорили они, — оставя своего Распятаго, поклоняться ему». Говорили же это по внушенію евреевъ, замѣтившихъ, что мы хотимъ взять тѣло изъ огня. Они не понимали, что мы не можемъ оставить Христа, претерпѣвшаго распятіе за спасеніе всѣхъ тѣхъ, кто спасается, и что боготворить другого не станемъ, потому что поклоняемся Ему, какъ Сыну Божію, но что любимъ по справедливости мучениковъ и подражателей Господа за ихъ пламенную любовь къ Царю нашему и Спасителю. Да послѣдуемъ примѣру ихъ и раздѣлимъ ихъ участь!

«Сотникъ, услышавши разсужденія евреевъ и желая прекратить ихъ, приказалъ сжечь тѣло, но мы собрали кости, считая ихъ дороже золота и драгоценныхъ камней, и положили въ приличное мѣсто. Какъ только будемъ имѣть возможность, то съ радостію соберемся туда, и, вѣроятно, Господь допуститъ насъ отпраздновать мученику сему въ память тѣхъ, которые подвизались или впоследствии будутъ подвизаться.

«Вотъ все, относящееся до блаженнаго Поликарпа. Хотя претерпѣлъ онъ мученичество вмѣстѣ съ двѣнадцатю изъ вѣрующихъ филиладельфійскихъ, но говорится только о немъ,

сами язычники о немъ только и говорятъ. Дѣйствительно, онъ былъ не только знаменитымъ учителемъ, но и великимъ мученикомъ. Смерти его, столь согласной съ евангеліемъ Христовымъ, должны желать всѣ. Терпѣніемъ своимъ преодолевъ несправеднаго судію, получилъ въ награду безсмертіе и блаженствуетъ нынѣ съ апостолами и всѣми праведными, прославляя Бога Отца и благословляя Господа нашего Иисуса

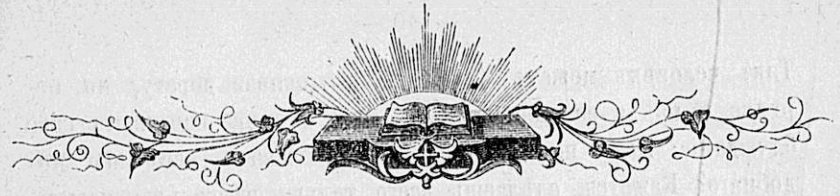
Мученія христіанъ въ циркѣ.

Христа, Спасителя душъ нашихъ, Руководителя тѣлъ и Пастыря Церкви каѳолической во всемъ мірѣ.

«Вы просили писать вамъ подробно обо всемъ случившемся. Посылаемъ же вамъ только краткое письмо чрезъ брата нашего Марка. Получивъ посланіе это, отошлите его къ братіи болѣе отдаленной, да и они славятъ Господа за избраніе, сдѣланное Имъ изъ числа Его служителей. Богу же, по благодати Своей и челоувѣколюбію, могущему чрезъ едиnorodнаго Сына Своего Господа нашего Иисуса Христа воспріять насъ въ

царствіи Своемъ, да будетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь».

«Цѣлуйте всѣхъ святыхъ, цѣлуютъ васъ всѣ, кто съ вами, особенно же Еварестъ, писавшій посланіе это съ своими присными».

III. Христіанскій мудрецъ.

Стремленіе къ истинѣ—безспорно одна изъ сильнѣйшихъ потребностей духа человѣческаго. Никакія заблужденія, никакія пристрастія не въ силахъ заглушить этого стремленія. Во всѣ времена и эпохи мы встрѣчаемся съ попытками отыскать истину, разгадать тайну жизни и назначенія человѣка. Но вотъ что поразительно: нигдѣ, кажется, людямъ не суждено было испытать такъ много горькихъ разочарованій, какъ на этомъ пути! «Что есть истина?» Этотъ вопросъ Пилата справедливо считается невольнымъ выраженіемъ печальнаго конца безчисленнаго множества сдѣланныхъ усилій найти истину. Дѣло въ томъ, что истина должна была явиться не плодомъ изможденной въ безплодныхъ попыткахъ силы человѣческаго духа, но должна была вступить въ жизнь какъ дѣло Божіе, явиться въ лицѣ Того, кто могъ сказать о себѣ: Я есмь истина!

Искали истину до явленія Истины въ міръ, не перестаютъ искать ее и теперь, когда она свѣтитъ міру ярче солнца, когда стѣбитъ только человѣку поднять голову вверхъ и прямо устремить свой взоръ къ источнику свѣта. Природа человѣка во всѣ времена одинакова. Какъ нѣкогда грѣхъ омрачилъ человѣка и, отдаливъ отъ Бога, ввергнулъ въ бездну заблужденій, такъ и теперь предрасудки, страсти и нечистыя побужденія застилаютъ духовныя очи человѣка и препятствуютъ ему смотрѣть прямо въ лицо лучезарной истины.

Такъ человѣкъ можетъ блуждать, отыскивая дорогу, но нерѣдко и найдя ее, сбивается съ пути и снова начинаетъ свое блужданіе. Кому не приходилось испытывать чего-либо подобнаго? Кажется, сдѣлаешь всего только нѣсколько шаговъ, отойдя отъ дороги—слѣдующіе шаги удалять отъ нея еще болѣе въ сторону, а затѣмъ—продолжительное блужданіе, нерѣдко до полного утомленія, и хорошо еще, если снова попадешь на то мѣсто, съ котораго удалился. Вотъ такимъ-то путникамъ и хотѣлось бы помочь: вѣдь никто не откажетъ сбившемуся съ дороги путнику указать надлежащее направленіе, тѣмъ болѣе нельзя оставаться равнодушнымъ при видѣ множества собратій и въ высшихъ и низшихъ слояхъ общества, и простецовъ и многученыхъ, блуждающихъ въ бесплодныхъ изысканіяхъ того, что для каждаго дороже всего на свѣтѣ—истины.

То, о чемъ мы желаемъ бесѣдовать на этотъ разъ, происходило очень давно. Но поучительность примѣра нисколько отъ этого не страдаетъ, даже скорѣе выигрываетъ, и вотъ почему. Провидѣнію благоугодно было предоставить людямъ полную свободу въ попыткахъ найти истину, а вмѣстѣ съ тѣмъ и умиротвореніе духа и избавленіе отъ золъ и бѣдствій—неразлучныхъ спутниковъ жизни, исходить всѣ пути, которые могли бы привести къ желанной цѣли, исчерпать всю полноту своихъ способностей и силъ. Опытъ, на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ, сдѣланъ былъ въ размѣрахъ, столь величественныхъ, что о повтореніи его въ настоящее время, особенно при нашей современной жизни, разбросавшейся на безчисленное множество частныхъ и мелочей, невозможно и подумать. Тѣмъ поучительнѣе плоды этого опыта.

Эти плоды всѣмъ хорошо извѣстны, и мы не станемъ о нихъ распространяться. Люди перестали вѣровать въ древнія божества, перестали бояться ихъ. Тогда съ необузданной силой проявились всѣ дурныя страсти. Какъ всегда, для удовлетворенія порочныхъ стремленій понадобились деньги. «Гру-

бая масса металла, говоритъ Петроній, кажется всѣмъ несравненно привлекательнѣе и изящнѣе, чѣмъ все, что произведено искусствомъ Аппеллеса и Фидія. Никто не вѣритъ въ небо, никто не соблюдаетъ клятвъ, никто не молить Юпитера, но всѣ рассчитываютъ только на владѣніе и выгоду; всѣ исполнены страсти любостыжанія. Кто имѣетъ золото, у того въ сундукѣ Юпитеръ. Самое священное между нами есть святость богатства, хотя золоту не воздвигнуто еще ни алтарей ни храмовъ» *).

Но были между язычниками и такіе, которые не могли примириться съ столь неприглядной дѣйствительностью и, утративъ вѣру въ старые идеалы и въ старыхъ боговъ, не утратили жажды вѣры, стремленія къ истинѣ, къ высшему благу. Вотъ для такихъ-то лицъ вся жизнь была однимъ только тревожнымъ исканіемъ истины. Въ одномъ религіозно философскомъ сочиненіи, появившемся во II вѣкѣ, превосходно изображено это мучительное состояніе, это непрерывное исканіе нравственнаго умиротворенія. Мы разумѣемъ Климентина (τὰ Κλημέντια или Κλημεντίνα). То, что пережило главное лицо, выведенное въ сочиненіи, пережили въ то время многие. «Съ самой ранней юности,—говоритъ Климентъ,—меня одолѣвали сомнѣнія, неизвѣстно откуда зашедшія въ душу: окончится ли со смертію мое существованіе и не исчезнетъ ли самая память обо мнѣ, такъ какъ безконечное время всѣмъ человѣческимъ дѣла погружаетъ въ забвеніе? Но въ такомъ случаѣ не стоило мнѣ и родиться на свѣтѣ. Когда былъ сотворенъ міръ, и что было раньше его появленія? Если міръ существуетъ отъ вѣчности, то онъ долженъ и существовать вѣчно. Если же онъ имѣетъ начало, то долженъ имѣть и конецъ. И будетъ ли что-нибудь послѣ кончины міра, кромѣ безмолвія и покоя смерти? Или, можетъ-быть, явится нѣчто

*) Что невѣріе было распространено и среди низшихъ классовъ, см. Gibbon Geschichte d. verfa. und Unterg. Römisch. Welt. II, 33, XV, 395, 396, 397.

такое, о чем теперь нельзя и помыслить? Нося безпрестанно въ себя эти вопросы, неизвѣстно откуда возникшіе, я много страдалъ, поблѣднѣлъ, исхудалъ. И всего ужаснѣе было то, что когда во мнѣ рождалось желаніе отвязаться отъ этихъ вопросовъ, какъ праздныхъ, ни къ чему не ведущихъ, они съ удвоенной силой врываются въ душу и вновь мучили меня. Волнуемый такими мыслями, я обратился къ различнымъ философамъ, чтобы получить отъ нихъ разрѣшеніе своихъ недоумѣній, но и у нихъ я не нашелъ ничего другого, кромѣ построения и разрушенія различныхъ философскихъ мнѣній, безконечныхъ споровъ, въ которыхъ, напримѣръ, то утверждали, что душа безсмертна, то—что она исчезаетъ вмѣстѣ съ разрушеніемъ тѣла. Поблѣждало первое мнѣніе—и я чувствовалъ радость; торжествовало второе—и я погружался въ мрачное уныніе... И шла голова у меня кругомъ, и страдалъ я всею душою...

Но намъ нѣтъ надобности обращаться къ произведеніямъ литературнаго творчества, когда мы знаемъ многихъ—не воображаемыхъ, но дѣйствительно жившихъ людей,—для которыхъ исканіе истины и высшаго блага составляло существенный вопросъ жизни. Таковъ былъ, напримѣръ, св. Іустинъ.

Іустинъ былъ вполнѣ человекъ своего времени. Онъ испыталъ все его заблужденія и страданія, хотя и остался совершенно непричастенъ его испорченности. Свободный отъ всякой нечистой примѣси, въ своей личности, въ своемъ нравственномъ образѣ, онъ представляетъ лишь лучшія стороны своего времени. Безотрадная пустота, образовавшаяся вслѣдствіе утраты религиозныхъ вѣрованій, безпокойное томленіе духа, горячая жажда утраченной истины—все это отразилось вполнѣ на молодомъ восточномъ грекѣ, строгая и пламенная душа котораго презрѣла все суетныя развлеченія и интересы блестящей, но нравственно испорченной цивилизаціи. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ поставилъ себя единственной цѣлью обладаніе истиной.

Онъ рѣшился искать ее до тѣхъ поръ, пока не найдетъ, хотя бы для этого пришлось пройти до предѣловъ вселенной. Переходя отъ одного мудреца къ другому, отъ одной философской школы къ другой, онъ непрерывно и неустанно продолжаетъ свое безпокойное странствованіе, которое, однако, не приводитъ его къ желанной цѣли. Съ краснорѣчивой простотой и искренностію рассказываетъ намъ Іустинъ объ этомъ времени своей жизни, когда каждый новый опытъ готовилъ ему новое разочарованіе. Прежде всего Іустинъ обратился къ стоикамъ.

Во время господства страшной безнравственности, грозившей затопить въ мутномъ, грязномъ потоцѣ малѣйшую искру добра, при потерѣ всякой надежды на обновленіе, стоическая философія привлекала тогда многихъ лучшихъ людей тѣмъ, что призывала позаботиться по крайней мѣрѣ о поддержаніи своего личнаго достоинства. При сознаніи бесплодности всѣхъ усилій въ борьбѣ со зломъ, стоики проповѣдывали невозмутимое спокойствіе, холодное самоотреченіе и внушали постоянную готовность найти въ смерти вѣрное освобожденіе отъ недостойной жизни, отъ презрѣнной дѣйствительности. Безспорно, стоическое ученіе имѣло свою долю правды, поскольку утверждало, что главную опору человекъ долженъ искать не во внѣшнихъ обстоятельствахъ, но въ силахъ своего духа, своего разума. Но нужно было имѣть слишкомъ большую увѣренность въ себя и въ своихъ силахъ, слишкомъ большой запасъ гордости и самолюбія, чтобы серьезно думать о возможности достигнуть совершенства и полного спокойствія духа только собственными усиліями. Стоикъ-мудрецъ дѣйствительно воображалъ себя равнымъ Божеству и ни въ чемъ не думалъ уступать Ему *). Онъ—олицетвореніе разума—не связанъ никакимъ внѣшнимъ закономъ, отвѣтственъ только передъ самимъ собой и есть полный господинъ и владыка своихъ дѣйствій **).

*) Plutarch. de Stoicorum repugnantis. 13.

***) Hihil cogor, nihil patior, non servio Deo, sed assentio. Senec. De Provid. Y

Какъ такой, онъ имѣеть безусловную власть надъ своею жизнію и спокойно прекращаетъ ее, какъ скоро находитъ это нужнымъ *). Закутавшись въ мантию недоступнаго простымъ смертнымъ философскаго безстрастія, стоики думали спасти себя отъ всякаго вліянія на нихъ позорной дѣйствительности; но это имъ не всегда удавалось. Маркъ Аврелій былъ безспорно однимъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ послѣдователей стоическихъ правилъ, но и у него, несмотря на множество фразъ о необходимости вѣры только въ самого себя и довѣрія къ своему разуму, къ своимъ естественнымъ силамъ, въ минуты, можетъ-быть, бесплодной борьбы съ самимъ собою, прорываются иногда горькія слова, изъ которыхъ видно, что того невозмутимаго спокойствія, недоступнаго страстямъ и увлеченіямъ совершенства, о которомъ такъ мечтали стоики, не такъ-то легко достигнуть. Но лучше всего эту слабую сторону стоицизма понялъ и выразилъ Эпиктетъ. «Покажите мнѣ,—говоритъ онъ,—хотя одного, который былъ бы счастливъ въ болѣзняхъ, счастливъ во время опасности, счастливъ предъ наступленіемъ смерти, счастливъ, терпя безчестіе. Покажите мнѣ ради боговъ! Я желаю видѣть подобнаго стоика. Вы не нашли такого человѣка? Покажите же мнѣ по крайней мѣрѣ такого подвижника, кто бы началъ это дѣло. Сдѣлайте мнѣ эту услугу! Не онимайте у старика случая видѣть зрѣлище, котораго онъ никогда не видалъ. Вѣдь я прошу васъ не объ Юпитерѣ или Минервѣ, не о статуѣ изъ золота и слоновой кости. Покажите мнѣ душу человѣка, который бы соображался съ волею Божіей, который бы не ропталъ ни на Бога ни на людей, который бы не тревожился ничѣмъ, который бы не имѣлъ ни гнѣва, ни зависти, ни ревности, — словомъ, который бы отказался отъ желаній человѣческихъ, дабы угодить Богу. Но, — увы! — вы не покажете мнѣ!» **)

*) Плин. Млад. Epist. Lib. I, 12, 22, III, 7, V, 24.

**) Dissert. Arrian. II. 19. Философія отцовъ и учит. Церкви, Скворцова.

Надменное самомнѣніе стоиковъ, опиравшееся на преувеличенномъ понятіи о силахъ человѣческаго духа, конечно не укрылось отъ зоркаго взгляда Іустина. Но была и еще одна сторона въ стоическомъ ученіи, которая могла оттолкнуть молодого грека. Это — презрѣніе ко всѣмъ вопросамъ о Божествѣ, Его природѣ и отношеніи къ міру и человѣку. Стоическій богъ — это мировой духъ или разумъ, неотдѣлимый отъ матеріи. Изъ него по закону необходимости истекаетъ всякое отдѣльное бытіе и по прошествіи опредѣленнаго времени вновь въ него возвращается *). Сильно возставалъ впослѣдствіи св. Іустинъ противъ такихъ взглядовъ. «Эти философы, говорилъ онъ, совершенно равнодушны къ тому, одинъ или много боговъ, и простирается ли ихъ провидѣніе на каждаго изъ насъ или нѣтъ, какъ будто это познаніе нимало не ведетъ къ счастью».

Къ добру и злу въ мірѣ стоики также были одинаково равнодушны **). Зло признавалось у нихъ необходимымъ, какъ и добро, какъ въ музыкѣ иногда необходимъ диссонансъ или темныя краски въ картинѣ. Поэтому и сопротивленіе злу бесполезно. Въ брезгливомъ презрѣніи къ людямъ и къ мутному потоку жизни, стоическій мудрецъ заботился только о томъ, чтобы мутная волна какъ-нибудь не запятнала его высокоумной добродѣтели. Живое нравственное чувство Іустина рѣшительно воспротивилось такому отношенію къ людямъ, къ добру и злу, къ ошибкамъ и страданіямъ человѣческимъ. Люди свободны и, слѣдовательно, отвѣтственны за свои поступки. А если такъ, то долженъ быть и есть Судія и Мздовоздатель. Если жъ нѣтъ, то нѣтъ и Бога, или если

*) Хривиппъ. *Περὶ προνοίας: τὸν Δία αἰξέσται, μέχρις ἂν εἰς αὐτὸν ἅπαντα καταναλύσῃ.* Plutarch. de stoicorum repugnantiiis. 39.

**) Хривиппъ. *Τίναται καὶ αὐτῆ (ἡ κακία) πως κατὰ τὸν φύσεος Ἀβροῦν καὶ, ἐν οὕτως εἶπω, οὐκ ἀχρήστως πρὸς τὰ ἅλα.* Plutarch. de stoicorum repugnantiiis 35.

Онъ и существуетъ, но не заботится о людяхъ, и законодатели не правы, карая преступленіе. Но это противорѣчитъ простому здравому смыслу...

Стоики учили относиться съ полнымъ равнодушіемъ и къ самой смерти. «Душа должна каждое мгновеніе быть готовой покинуть тѣло для того, чтобы угаснуть, уничтожиться или пребывать въ тѣлѣ, говоритъ М. Аврелій. Но эта готовность должна быть результатомъ спокойнаго и свободнаго размышленія, а не простого упрямства, какъ у христіан!» *) Далекое не такъ отозвалось въ сердцѣ Іустина зрѣлище того дивнаго одушевленія, восторга, радости, съ какою христіане шли на мученія. Священная ревность мучениковъ сообщила и сердцу Іустина часть своего пламени: черта очень характерная! Но она же показываетъ, что онъ вовсе не былъ рожденъ для стоицизма.

Какимъ образомъ разрѣшали стоики вопросъ о конечной судьбѣ человѣка? «Какимъ образомъ, — спрашиваетъ М. Аврелій, — боги, устроившіе все такъ прекрасно и съ такою любовью къ людямъ, просмотрѣли то обстоятельство, что нѣкоторые очень добрые люди, разъ прекративъ свое существованіе, вновь уже не возвращаются къ жизни, но вполнѣ навсегда исчезаютъ?» «Если это такъ, знай, что, если бы могло быть иначе, то, безъ сомнѣнія, и было бы сдѣлано. Будь это справедливо, будь это возможно, будь сообразно съ природой, — природа непременно устроила бы такъ. Если же этого нѣтъ, — явное доказательство, что этого и не могло быть» **). Іустинъ былъ слишкомъ проникнуть вѣрой въ полное торжество добра и истины, чтобы успокоиться подобными разсужденіями. «Мы желаемъ вѣчной и чистой жизни, — такъ въ послѣдствіи высказывалъ Іустинъ-христіанинъ свои задушевныя вѣрованія, — мы

*) Μάρκου Α. εις εαυτὸν βιβλία. XII. 3.

***) Ibidem. XII. 5.

стремимся къ пребыванію съ Богомъ, Отцомъ и Создателемъ всего міра: мы убѣждены, что такой награды могутъ достигнуть тѣ, кои дѣлами своими засвидѣтельствовали предъ Богомъ вѣрность въ служеніи Ему и любовь къ жизни у Него, недоступной для зла. Мы держимся того ученія, что ни злодѣю, ни корыстолюбцу, ни злоумышленнику, ни добродѣтельному невозможно скрыться отъ Бога, и что каждый по качеству дѣлъ своихъ получить вѣчное мученіе или вѣчное спасеніе».

Кратко, но мѣтко и сильно выразилъ Іустинъ всѣ причины, въ концѣ-концовъ отдалившія его отъ стоиковъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Когда я пожилъ съ нимъ довольно времени, — говоритъ онъ о своемъ знакомствѣ со стоикомъ, — и мое познаніе о Богѣ нисколько не возросло (ибо онъ самъ не имѣлъ, да и не считалъ такого познанія необходимымъ), то я отсталъ отъ него и обратился къ другому, называвшемуся перипатетикомъ».

Перипатетики считали себя учениками великаго Аристотеля. Но практическій философъ на первыхъ же порахъ прямо объявилъ Іустину, что ему нужны деньги, и потребовалъ назначить плату, «чтобы собесѣдованіе не было бесполезно». Ничто не могло скорѣе охладить человѣка, такъ пламенно стремившагося къ истинѣ, и оттолкнуть отъ расчетливаго наставника. Разрывъ послѣдовалъ немедленно.

Пифагорейцы, въ противоположность стоикамъ, обѣщали желающимъ посвятить ихъ въ высшія тайны бытія. Іустинъ толкнулся и къ нимъ.

«Такъ какъ душа моя жаждала узнать то, что составляетъ сущность и главнѣйшій предметъ философіи, — разсказываетъ далѣе Іустинъ, — то я пришелъ къ знаменитому пифагорейцу. Когда я объявилъ ему о своемъ желаніи сдѣлаться его слушателемъ и ученикомъ, онъ спросилъ меня: «А учился ли ты музыкѣ, астрономіи и геометріи? Или думаешь, что можно понять что-нибудь изъ науки, ведущей къ счастью, если ты

прежде не занимался основательно тѣмъ, что отвлекаетъ душу отъ чувственнаго и приготовляетъ къ умственному, такъ чтобы она была способна созерцать красоту и добро въ ихъ сущности?» Но Іустина влекла къ философіи не любознательность: его духъ жаждалъ вѣры и богопознанія. Наука о звѣздахъ и музыкальномъ ритмѣ имѣла въ его глазахъ несравненно меньшую важность, чѣмъ то, что онъ стремился познать. Поставивъ себѣ цѣлью постиженіе пифагорейскихъ тайнъ, онъ обрекъ бы себя вѣчно оставаться въ преддверіи храма истины безъ надежды когда-нибудь проникнуть во святилище. «Среди такого затрудненія,—говоритъ Іустинъ,—мнѣ пришло на мысль попытаться также платониковъ, потому что и они пользовались великою славой».

Дѣйствительно, платоновская философія пользовалась въ то время великою и, правду сказать, вполне заслуженною славой. Эта философія напоминала великое имя человѣка, которому суждено было Провидѣніемъ быть какъ бы предвѣстникомъ великаго будущаго, въ которомъ духъ древняго міра, какъ бы возвысившись надъ самимъ собою, изъ глубины вѣговъ стремился навстрѣчу своему Спасителю. Мы разумѣемъ Сократа, который въ эпоху, когда среди софистическихъ разглагольствій и игры словъ, казалось, погибало все, что дорого и священно для человѣка, безстрашно свидѣтельствовалъ о силѣ истины, о дѣйствительности духовнаго міра, о правдѣ, о добрѣ... Великій ученикъ Сократа, Платонъ, своимъ творческимъ духомъ возсоздалъ образъ своего учителя и упрочилъ вліяніе замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ древнихъ ученій на все послѣдующее дохристіанское развитіе человѣчества. Платоновская философія не отождествляла, подобно стоикамъ, божества съ міромъ; напротивъ, она понимала божественное, какъ безконечно возвышенное надъ міромъ, надъ ограниченнымъ бытіемъ, какъ вѣчное, всесовершенное и неизмѣняемое бытіе. Божество—это высочайшій Духъ, стоящій внѣ и выше

матеріи, если не безусловно свободный творецъ міра, то—во всякомъ случаѣ—образователь, устроитель, художникъ. Вызывая въ душѣ человѣка представленіе о сверхчувственномъ, божественномъ, это ученіе въ то же время внушало человѣку, что его душа причастна божественному. Поэтому человѣкъ можетъ возвышаться до созерцанія Божества, по крайней мѣрѣ—до Его постиженія.

«Сильно восхищало меня Платоново ученіе о Бездѣльномъ, и теорія идей придавала крылья моей мысли,—говорилъ Іустинъ, продолжая раскрывать намъ исторію своего развитія.—Въ скоромъ времени, казалось мнѣ, я сдѣлаюсь мудрецомъ, и въ своемъ безразсудствѣ надѣялся скоро созерцать Самого Бога, ибо такова цѣль Платоновой философіи».

Лицезрѣніе Божіе—конечная цѣль всѣхъ желаній христіанина. Но дѣло—въ средствахъ; вопросъ въ томъ, какъ достигнуть этой завѣтной цѣли. Идеальный міръ, такъ восхищавшій Іустина, не могъ доставить удовлетворенія его стремленіямъ. Едва мерцающій, холодный свѣтъ его не согревалъ сердца и не могъ возродить человѣка къ новой жизни. *Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тма его не обзятъ.* Свѣтъ высшаго озаренія, высшаго прозрѣнія божественной истины свѣтитъ въ этой темной жизни, но только обличаетъ ея тьму, а не проникаетъ въ нее и не преображаетъ ея. Съ прозрѣніемъ идеальнаго, высшаго, божественнаго міра для человѣка являются два порядка бытія: дѣйствительный міръ (γένεσις),—злой, несовершенный, и міръ чистыхъ идей (τὸ ὄντως ὄν), міръ совершенный, божественный. Но эти два міра въ философіи Платона такъ и остаются другъ противъ друга, безъ всякаго примиренія. Міръ вѣчнаго совершенства пребываетъ въ невозможномъ покоѣ вѣчности, высоко надъ нашимъ грѣшнымъ міромъ, отражаясь въ немъ, какъ солнце въ мутномъ потокѣ, не очищая его, оставляя безъ измѣненія. Отъ человѣка тре-

буется только, чтобы онъ ушелъ изъ этого міра, выплылъ изъ этой муты на свѣтъ духовнаго солнца, чтобы онъ освободился отъ узъ тѣлеснаго бытія, какъ изъ темницы или могилы. Но что значить для человѣка уйти изъ этого грѣшнаго міра, въ которомъ все зло произошло отъ воли самого человѣка? Не значило ли это уйти отъ самого себя, отъ своей собственной души? Высшій идеальный міръ, при всей божественной своей красотѣ, какъ предметъ созерцанія, можетъ на время отвлекать человѣка отъ его злой воли, но не измѣнить, не переродить ея... Іустинъ скоро долженъ былъ почувствовать все безсиліе высочайшаго изъ ученій человѣческихъ возродить его къ новой духовной жизни. Онъ имѣлъ уже предчувствіе христіанской истины. «Когда я еще услаждался ученіемъ Платона, то слышалъ, какъ обносятъ христіанъ; но видя, какъ они безстрашно встрѣчаютъ смерть и все, что почитается страшнымъ, почелъ невозможнымъ, чтобы они были преданы пороку и распутству». Это впечатлѣніе не пропало даромъ для восприимчивой и впечатлительной души Іустина. Въ добрую почву запало сѣмя, которое рано или поздно должно было принести плодъ сторицею.

Платоновская философія рекомендовала удаляться отъ міра. Дыша отвращеніемъ къ жизни и ея суетѣ, она проповѣдывала пользу уединенія, сосредоточеннаго размышленія и тихаго, благочестиваго настроенія духа. Цѣль этого самоуглубленія, этого разобщенія съ міромъ, какъ съ царствомъ зла, состояла въ очищеніи души, въ уподобленіи ея чистому духовному бытію, тому идеальному міру, въ созерцаніи котораго платоникки думали найти свое блаженство. Сообразно съ наставленіями своей философіи, Іустинъ въ глубокомъ уединеніи, въ тайной бесѣдѣ съ самимъ собою старался довершить свое духовное развитіе. Но тихо, незамѣтно готовъ уже былъ совершиться въ его душѣ рѣшительный переворотъ, который и положилъ конецъ безконечному, повидимому, исканію исти-

ны и въ то же время послужилъ началомъ полнаго успокоенія его духа.

«Однажды, когда разсудилось мнѣ предаться глубокому покою и удалиться отъ всякаго слѣда человѣческаго,—такъ разсказываетъ Іустинъ объ этомъ знаменательномъ моментѣ своей жизни,—я отправился въ одно мѣсто, неподалеку отъ моря. Когда я приближался къ тому мѣсту, гдѣ я хотѣлъ остаться наединѣ съ самимъ собою, мнѣ явился древній старецъ, почтенный видомъ, съ пріятной и важной осанкой, который слѣдовалъ за мною въ недалекомъ разстояніи. Обратившись къ нему, я остановился и пристально посмотрѣлъ на него.

— Знаешь ли ты меня?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Что же ты такъ смотришь на меня?—снова спросилъ старецъ.

— Удивляюсь,—отвѣчалъ я,—что ты встрѣтился здѣсь со мною: я не надѣялся увидѣть здѣсь кого-либо изъ людей.

— Я безпокоюсь,—возразилъ мой собесѣдникъ,—о своихъ домашнихъ: они отлучились, и я прихожу сюда на берегъ моря смотрѣть, не покажется ли корабль. А ты зачѣмъ здѣсь?

— Я люблю такія прогулки, гдѣ ничто не развлекаетъ ума, и я могу бесѣдовать съ самимъ собою, не опасаясь прерыва: эти мѣста весьма удобны для умственныхъ занятій.

— Такъ ты — любитель умствованій, а не дѣла и истины, и не стараешься быть скорѣе дѣятельнымъ мудрецомъ, чѣмъ софистомъ?

Незнакомецъ не могъ сдѣлать удачнѣе возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, основной недостатокъ платонизма былъ тотъ,

что эта философія, какъ и всякая другая, впрочемъ, имѣетъ лишь только теоретическій характеръ. Не умозрѣніе, хотя бы и доведенное до крайнихъ предѣловъ напряженія, могло дать человѣку общеніе съ Богомъ, а свободный актъ воли, отреченіе отъ духа гордыни и самонадѣянности, которымъ были проникнуты философы, — покаяніе и затѣмъ возрожденіе водою и Духомъ...

— Какое же занятіе можетъ быть важнѣе, чѣмъ размысленіе? — воскликнулъ я. — Каждый долженъ философствовать и почитать это дѣло важнѣйшимъ, а все прочее — вторымъ и третьимъ...

— Но приводитъ ли философія къ блаженной жизни?

— Философія есть наука о сущемъ, и познаніе истины, счастье служить наградою за такое знаніе и мудрость.

— Какимъ же образомъ философы могутъ говорить истину о Богѣ, когда они не видѣли Его, не слышали о Немъ?

— Какому же учителю послѣ этого можно довѣряться, откуда ожидать помощи, если и у философовъ нѣтъ истины?

— Божественное откровеніе дѣлаетъ насъ причастными божественной истины, — отвѣчалъ старецъ и раскрылъ предъ изумленнымъ слушателемъ исторію божественнаго домостроительства нашего спасенія. — Но ты прежде всего молись, — такъ заключилъ старецъ, — чтобы открылись тебѣ двери свѣта, ибо этихъ вещей никому нельзя видѣть или понять, если Богъ и Христосъ Его не дадутъ разумѣнія.

Отъ юности Іустинъ не имѣлъ другого желанія, другой молитвы. Старецъ указалъ ему, гдѣ для него должны были раскрыться сіяющія двери истины. Послѣ философовъ онъ долженъ былъ внимать Тому, Кто возвышается надъ всѣми философами, какъ небо надъ землей, — вѣчному Слову, не-

утомимымъ и безстрашнымъ свидѣтелемъ Котораго онъ долженъ былъ стать отнынѣ.

Неизвѣстно, кто былъ христіанскій старецъ, бесѣдовавшій съ Іустиномъ. Но кто бы онъ ни былъ, несомнѣнно, что это былъ одинъ изъ высокообразованныхъ и созрѣвшихъ къ духовной жизни христіанъ того времени.

«Въ сердцѣ моемъ возгорѣлся огонь, и меня объяла любовь къ пророкамъ и тѣмъ мужамъ, которые суть други Христовы», такъ передавалъ потомъ Іустинъ свои первыя чувства послѣ знаменательной бесѣды. Долгое странствованіе кончилось, и начался подвигъ неустаннаго свидѣтельства обь истинѣ и мужественной защиты ея предъ царями и народами, великій подвигъ цѣлой жизни, увѣнчавшійся «святымъ мученичествомъ» *). Это произошло въ правленіе М. Аврелія и Люція Вера. (161—169 **).

Братія и сестры, блуждающіе по распутіямъ человѣческихъ новоизмышлений, общающихся дать вамъ будто бы новыя откровенія, все еще ищущіе истины, послѣдуйте примѣру пламеннаго ея ревнителя! Послушайте, что говоритъ одинъ древній учитель Церкви, близкій по времени къ св. Іустину и съ ревностію продолжавшій его дѣло: «Вы, которые все еще ищите, не находя, не ищите ли тамъ, гдѣ никогда не находятъ? Вы, которые стучитесь тамъ, гдѣ вамъ не отворяютъ, не стучитесь ли тамъ, гдѣ нѣтъ никого? Вы, которые просите такъ, что вамъ не даютъ, не просите ли у тѣхъ, кто не можетъ ничего дать?»

«Ищите Христа (такъ какъ безъ Христа нѣтъ истины), если вы Его еще не знаете, ищите твердое и неизмѣнное выраженіе Его ученія. Вы хотите знать то, чему училъ Хри-

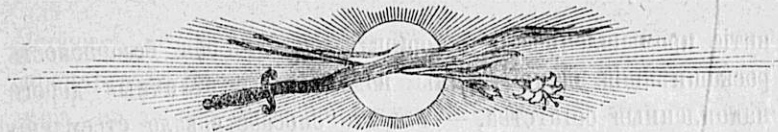
*) Евсев. IV, 16.

***) Полный рассказъ о мученичествѣ св. Іустина находится въ актахъ мученичества, сохранныхъ Симеономъ Метафрастомъ. Лучшіе авторитеты исполнѣ признають ихъ достоверность.

стось: хорошо, это ваше право, вашъ долгъ. Но будьте внимательны, не ошибитесь въ дорогѣ!»

«Но разъ вы уже нашли то, чему учить Христось, остановитесь, положите предѣлъ вашимъ поискамъ, успокойтесь въ увѣренности, которую даетъ божественное откровеніе!»

Истина же Христова всецѣло хранится въ Церкви. «Церковь приняла ее отъ апостоловъ, апостолы отъ Христа, Христось отъ Бога!» (Тертуліанъ).

IV. Мученики за вѣру.

I.

Исступительный приемъ встрѣтила христіанская истина въ мірѣ. Онъ вооружился противъ нея со всѣми своими силами: правительство, философія, общественное мнѣніе, — все возстало противъ послѣдователей Христа. Да и какъ же было не возстать язычникамъ съ ихъ вѣковой образованностью противъ неученыхъ, простыхъ исповѣдниковъ новой, дотолѣ неизвѣстной, вѣры? Могъ ли императоръ, предъ волею котораго трепетали цари и сильные міра сего, благосклонно смотрѣть на христіанъ, которые, правда, были примѣрными подданными, тѣмъ не менѣе не хотѣли, въ угоду его высокоумію, поступать вопреки своей совѣсти? Могъ ли онъ щадить людей, — людей, которые отказывались поклониться ему какъ Богу, когда слава и гордость Рима — сенатъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ низкопоклонства? Могли ли философы, считавшіе себя наследниками всей вѣками нажитой языческой мудрости, преклониться предъ ученіемъ, вышедшимъ изъ Галилеи? Могло ли, наконецъ, оцѣнить правила и стремленія христіанъ языческое общество, которое ставило выше всего удовольствія жизни? Богатъ и великъ былъ въ своемъ развитіи языческій міръ. Прекраснѣйшія земли, облежавшія Средиземное море, съ ихъ чуднымъ, сине-голубымъ небомъ, пріятнѣйшимъ климатомъ, цвѣтущее состояніе земледѣлія и скотоводства, широкое раз-

витіе промышленности и торговли, полнѣйшая безопасность роскошнѣйшихъ зданій, храмы, водопроводы, отличныя дороги накопленныя богатства, — все это способствовало стремленію вѣка пожить веселѣе, манило къ наслажденію жизнью. А тутъ, подъ богомъ, вдругъ появляются и усиливаются люди, которые считаютъ первымъ своимъ долгомъ отчужденіе отъ прелестей этого міра, соглашаются скорѣе подавить въ себѣ нѣкоторыя наклонности, лишь бы только уклониться отъ участія въ общемъ праздникѣ жизни... Не враги ли они, не изверги ли рода человѣческаго? — Богата была образованность языческаго міра! Два языка, — греческій на Востокѣ, латинскій на Западѣ, — съ классическою литературой господствовали въ имперіи. Книжная торговля достигла колоссальныхъ размѣровъ. Библіотеки считались принадлежностью каждаго хорошо устроеннаго дома. Знаніе и утонченность вкуса блистали полнымъ блескомъ... А между тѣмъ, къ стыду просвѣщеннаго вѣка, распространяется религія, не признающая языческой мудрости, не ожидающая отъ нея ничего добраго! Да, великъ и пышенъ былъ языческій міръ! Бѣдно, ничтожно было вначалѣ въ его глазахъ христіанское общество, таившееся или въ мрачныхъ подземельяхъ или искавшее себѣ убѣжища въ пустыняхъ! И чего только ни говорили о христіанахъ! Какіе слухи ни распространялись объ ихъ таинственныхъ собраніяхъ!

Но правда и истина, а слѣдовательно и неминувое торжество, были не на сторонѣ языческаго міра.

II.

Бываютъ времена, когда съ накопленіемъ матеріальнаго и умственнаго богатства оскудѣваетъ въ обществѣ творческая сила. Внѣшній блескъ можетъ ослѣпительно украшать общественный организмъ, но душа въ немъ исчезла, духъ жизни

оставилъ его и болѣе не возвратится... Такого было время процвѣтанія Римской державы. Имперія была еще владычицей міра, но за нее сражались уже не сыны ея, какъ въ былыя времена, когда Римъ справедливо назывался еще мужичьимъ городомъ, а наемники... Исчезла идея, одушевлявшая римскій народъ, угасъ тотъ безпредѣльный патріотизмъ, та беззабѣтная любовь къ родинѣ, которая вызывала на исполинскіе, до сихъ поръ удивляющіе міръ, подвиги! Ея мѣсто заступилъ эгоизмъ и всевозможные естественные и неестественные пороки. «Исполнены, — говоритъ апостолъ о своихъ современникахъ, — всякія неправды, блуда, лукавства, корыстолюбія, злобы, исполнены зависти, убійства, распрей, обмана, злонаравія, злорѣчивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобрѣтательны на зло, непослушны родителямъ, безразсудны, вѣроломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1, 29. 30, 31) и т. д. Словомъ, полнѣйшее нравственное разложене!

Бѣдно, презираемо было христіанское общество. Его вначалѣ и составляли-то большею частью бѣдняки и рабы. Но въ душахъ ихъ свѣтилась новая жизнь, возникала великая нравственная сила, — и древній міръ со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и пышностію долженъ былъ, наконецъ, преклониться предъ христіанствомъ. За Римъ, за его богатства и блескъ сражались варвары, — христіанство имѣло *своихъ* героевъ — мучениковъ. Да, первые христіане вполне понимали свое положеніе, всего охотнѣе смотря на себя какъ на борцовъ, на подвижниковъ подъ знаменемъ креста. Обѣтъ крещенія былъ для нихъ клятвой вѣчной вѣрности, исповѣданіе вѣры — ихъ паролемъ, крестное знаменіе — военнымъ знакомъ, воздержаніе, мужество и вѣрность до гроба — главнѣйшими доблестями, и вѣчное блаженство — ихъ вождѣльной наградой.

Такъ среди печальнаго зрѣлища, какое представляетъ языческій міръ, небольшая гонимая община христіанъ предста-

вляла полный жизни оазисъ. Христіане—это были соль земли и свѣтъ міра. Бѣдные земными благами, они обладали неслыханными сокровищами вѣчной жизни. Кроткіе и смиренные сердцемъ, они, по обѣтованію Господа, безъ меча должны были наследовать землю. Среди уничиженій они должны были оказаться торжествующими побѣдителями, чрезъ страданія и смерть получить вѣнецъ жизни.

Тихо, незамѣтно въ глубинѣ вѣрующихъ душъ совершался величайшій нравственный переворотъ, которому суждено было обновить вселенную. Незримы были для міра глубочайшія и сильнѣйшія чувствованія внутренняго міра, благодарности и любви къ Богу и ближнимъ, смиренія и кротости, терпѣнія и преданности. Кто также можетъ измѣрить внутренній жаръ молитвъ, которыя и въ тишинѣ ночи и въ ясный день возносились къ престолу Христа изъ пещеръ, изъ уединенныхъ комнатъ, изъ усыпальницъ мучениковъ за друзей и враговъ, за ожесточенныхъ гонителей? Кто можетъ исчислить рѣчки пролитыхъ при этомъ слезъ и число поклоновъ? Но не все осталось неизменнымъ: просвѣтивъ внутренній міръ души человѣческой, христіанское начало оказывало неизбежное влияние на всѣ внѣшнія отношенія и дѣйствія человѣка. Нравственная жизнь христіанъ превосходила все, что благороднѣйшіе философіе умы до сихъ поръ предлагали людямъ, какъ высочайшіе уроки. Поминѣ не было подвига, предъ которымъ бы остановился послѣдователь Христа этой незабвенной эпохи. Не только закаленные въ трудахъ и лишенияхъ мужи, но и слабыя женщины оказывались героинями въ дѣлѣ вѣры, исповѣдничества.

III.

Мы остановимся на изображеніи подвига одной изъ самыхъ свѣтлыхъ представительницъ мученичества, св. Перпетуи.

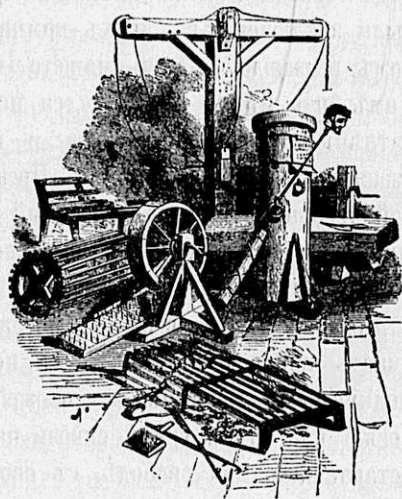
Предъ нами благородная гражданка, дочь богатаго и знатнаго гражданина одного изъ богатѣйшихъ городовъ Сѣверной Африки—Карагена. Она уже замужемъ, имѣетъ дитя и, по видимому, наслаждается счастливою жизнью. Но она рѣшилась стать христіанкой,— и отнынѣ ея жизнь должна представлять одинъ непрерывный подвигъ, непрерывное мученичество. Весьма большую ошибку допустилъ бы тотъ, кто съ представленіемъ о мученикахъ и мученичествѣ соединялъ бы только мысль объ орудіяхъ пытки, о дикихъ звѣряхъ, амфитеатрѣ, мукахъ, смертной казни. Нѣтъ, чтобы вполне понять мученичество, нужно прослѣдить его въ стѣнахъ дома, въ кругу семьи, среди ежедневной обстановки. Языческая жизнь того времени была плодомъ вѣковой цивилизаціи; она насквозь была пропитана языческимъ духомъ, въ малѣйшихъ мелочахъ обставлена языческими формами.

Вотъ наступаетъ языческій праздникъ. Какъ держать себя христіанину? Должно ли ему принимать участіе въ общемъ весельѣ или, по выраженію суроваго Тертулліана, плакать въ то время, какъ міръ веселится, и веселиться въ то время, какъ міръ плачетъ? Не будетъ ли сочтено воздержаніе среди общаго веселья, иногда среди безобразныхъ оргій,— безмолвнымъ укоромъ?.. Сосѣдъ, давно знакомый, но ставшій чуждымъ по вѣрѣ, приглашаетъ на семейное жертвоприношеніе. Эти приглашенія бывали очень часты. На нихъ могъ быть только

одинъ отвѣтъ—отказъ... Обычный способъ выраженія, эти постоянные возгласы въ разговорѣ: «Блянусь Геркулесомъ!» «Хвала Зевсу!» — какъ они должны были звучать для христіанина, вѣрнаго своему Богу до полнѣйшей воздержности въ словахъ и выраженіяхъ? Да не подумаетъ кто-либо, что только крайняя нетерпимость могла возмущаться подобными пустяками. Для насъ это—пустяки. Наше время отличается этимъ искусствомъ произносить слова безъ опредѣленнаго значенія или, что еще хуже, прикрывать красивыми фразами некрасивыя вещи. Далеко не такъ думали и поступали христіане первыхъ вѣковъ. Христіанинъ всецѣло предавался Христу; поэтому всѣмъ,—своей осанкой, манерой держаться, образомъ мыслей, — онъ отличался отъ язычниковъ. Отсюда что ни шагъ, что ни движеніе, что ни слово,—то мужественное исповѣдничество. Все это возбуждало въ язычникахъ вниманіе и недоброжелательство. Но особенно было тяжело положеніе жены христіанки, бывшей замужемъ за язычникомъ. Здѣсь раздѣленіе проникало въ самыя близкія, самыя душевныя отношенія, вносило недовѣріе, раздраженіе, ненависть. Могла ли супруга язычника исполнять спокойно свои религиозныя обязанности, завися отъ мужа, который зачастую бывалъ страшнымъ деспотомъ? Могла ли, не возбуждая подозрѣній, посѣщать по вечерамъ богослужебныя собранія? Могла ли оказывать гостепріимство странствующимъ братьямъ? Могла ли посѣщать мучениковъ въ темницахъ? Нерѣдко язычникъ-мужъ, не встрѣчая сочувствія жены къ своимъ языческимъ привычкамъ, становился ея палачомъ. Вотъ каково было положеніе христіанина среди языческой семьи и общества, особенно женщины, и вотъ почему оно часто разрѣшалось мученичествомъ и смертью.

Перенесемъ теперь въ любой городъ Италіи, Галліи или Сѣверной Африки. Гоненіе только-что разразилось; христіане, во дни спокойствія принимавшіе участіе въ общественной жизни, появившіеся на форумѣ, на агорѣ, спѣшатъ принять

разнаго рода предосторожности, стараются уклоняться отъ злобной подозрительности и избѣгать предательства. Наступаетъ самое тревожное время для Церкви. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой страшной драмѣ преслѣдованія, охотѣ на христіанъ, является чернь, невѣжественная, изувѣрная масса. Кровожадный крикъ: христіанъ лвамъ!—громко раздается на улицѣ. «Язычники,—говоритъ Діонисій александрійскій, — громадными толпами врываются въ дома служителей истиннаго Бога, каждый бросается въ тотъ домъ, который былъ ему наиболѣе извѣстенъ, чтобы предаться грабежу и разоренію. Драгоценности расхищались, предметы, ничего или очень мало стоившіе, разная домашняя рухлядь сжигались на улицѣ. Точь-точь какъ будто бы городъ подвергся непріятельскому разгрому».

Римскія орудія пытки.

Въ Каррагенѣ, въ одно изъ такихъ преслѣдованій, попала въ тюрьму молодая (22 лѣтъ) Перпетуя. Какъ только еще разразилось преслѣдованіе, отецъ старался уговорить ее отречься отъ христіанства. «Отецъ!—возразила молодая христіанка:—видишь ли ты этотъ сосудъ,—и при этомъ указала на лежавшій у ея ногъ сосудъ.—Можешь ли ты назвать его чѣмъ-либо другимъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ? Смотри: точно такъ же и я не могу назвать себя иначе, какъ христіанкой!»

Спустя нѣсколько времени она была уже въ темницѣ. Нужно знать римскую тюрьму, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, что должны были испытывать заключенные.

Языческое общество не знало гуманности, не знало того, что человеческая природа имѣть великое значеніе сама по себѣ, независимо отъ внѣшнихъ отличій и приграсъ. Если не было особенной какой-нибудь причины падить арестованнаго, то его бросали въ ужасную темницу, которая нерѣдко находилась подъ землею. Ни свѣтъ ни свѣжій воздухъ не проникали туда. Тамъ заключенныхъ часто томили голодомъ и жаждою. «По повелѣнію императора умерщвлять насъ голодомъ и жаждою, — пишетъ одинъ карагенскій исповѣдникъ, — мы были заключены въ двухъ комнатахъ, гдѣ насъ томили голодомъ и жаждою. Огонь нашего мученія былъ такъ нестерпимъ, что никто не надѣялся перенести его». Тяжелое впечатлѣніе произвела тюрьма и на юную исповѣдницу. «Я ужаснулась, — говоритъ она. — Прежде я никогда не была въ такой ужасной темнотѣ. Тяжелый день. Страшная жара отъ множества заключенныхъ, жестокое обращеніе солдатъ и, наконецъ, мучительная тоска о моемъ ребенкѣ!»

Церковь дѣлала все, что могла, для того, чтобъ облегчить участь заключенныхъ. Это ей нерѣдко удавалось, благодаря подкупности тюремныхъ сторожей. Можетъ-быть и сами языческія власти смотрѣли сквозь пальцы на сношенія христіанъ, остававшихся на свободѣ, съ своими заключенными братьями, надѣясь, что ласки и услуги родственниковъ и друзей смягчатъ упорство заключенныхъ. «Заключенные въ темницѣ непременно должны имѣть, кто бы служилъ имъ», писали въ Карагенъ римскіе христіане. Впрочемъ, не было нужды въ поощренійхъ къ выполненію святой обязанности относительно заключенныхъ. Извѣстно, что первые христіане отличались особеннымъ усердіемъ къ исповѣдникамъ, горѣли къ нимъ такою любовью, что старались замѣтить и запечатлѣть въ памяти всѣ слова и движенія ихъ, не могли насмотрѣться на нихъ... Въ той ревности, съ какою вѣрующіе стремились посѣщать исповѣдниковъ, они забывали иногда даже самыя

простыя, обыкновенныя средства предосторожности, такъ что сами епископы нерѣдко старались учить ихъ этой предосторожности. Вотъ что по этому поводу пишетъ Киприанъ къ своей паствѣ: «Хотя братья по любви своей стремятся собираться и посѣщать исповѣдниковъ, которыхъ Богъ удостоилъ уже прославить славными начатками, однако, по моему мнѣнію, нужно дѣлать это осторожно, не толпами, не собираясь вмѣстѣ, чтобы тѣмъ самымъ не возбудить злобы».

Посѣтили вѣрующіе и Перпетую, тосковавшую болѣе всего о своемъ младенцѣ. Діаконы купили ей большую свободу; она могла нѣсколько часовъ въ день проводить въ болѣе удобномъ мѣстѣ и успѣшила воспользоваться этимъ облегченіемъ для того, чтобы кормить грудью свое дитя. Такъ прошло нѣсколько времени. Наконецъ, ей позволено было взять свое дитя къ себѣ въ тюрьму. «Темница теперь для меня стала дворцомъ», говорила обрадованная мать, лаская своего малютку. Какая мать не пойметъ этой радости!

Если, однако, языческія власти надѣялись, что во мракѣ тюрьмы ослабѣетъ рѣшимость и мужество борцовъ новой вѣры, то они жестоко ошибались. Честь — пострадать за великое и святое дѣло, живое сознаніе божественной помощи, обѣщанной каждому страждущему за правду, всеобщее горячее сочувствіе братьевъ и всей Церкви, — все это способствовало тому, чтобы еще болѣе укрѣпить узниковъ въ ихъ святой рѣшимости, возвысить ихъ надъ самими собой. Величественныя видѣнія уносили ихъ изъ окружающей дѣйствительности, и, какъ перво-мученикъ Стефанъ, они созерцали отверстое небо и побѣдные вѣнцы, спускавшіеся на ихъ чело. Разказы о видѣніяхъ въ темницѣ очень часто встрѣчаются въ актахъ мученическихъ.

Перпетуя, среди мертвой тишины темницы, видитъ золотую лѣстницу, достигающую до самаго неба. Но эта лѣстница была такъ узка, что только одному можно было всходить по

ней. По бокамъ лѣстницы находились разнаго рода орудія пытки, а внизу, у первой ступеньки, лежало страшное чудовище, которое грозило пожрать всякаго, кто осмѣлился бы приблизиться къ нему. Она устремляетъ свои взоры наверхъ, — и тамъ, среди отверстаго неба, видитъ своего брата Сатура, который въ то время еще не былъ схваченъ, но потомъ добровольно предалъ себя. Взоры сестры и брата, смотрѣвшаго внизъ, встрѣтились...

— Перпетуя! я жду тебя, — восклицаетъ Сатуръ. — Но смотри, чтобы чудовище не повредило тебѣ.

— Во имя Господа Иисуса Христа, — отвѣчаетъ Перпетуя, — оно не сдѣлаетъ мнѣ никакого вреда.

Чудовище, какъ бы страшась всходящей по лѣстницѣ, медленно и грозно поднимаетъ свою голову. Перпетуя безъ малѣйшаго колебанія, всходитъ на первую ступеньку и раздробляетъ голову врагу. Она поднимается все выше и выше и, наконецъ, достигаетъ до самаго неба. Здѣсь, предъ ея взорами, разстилается на необозримое разстояніе садъ, посреди котораго сидитъ старецъ съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами, весьма большого роста. На немъ была надѣта одежда пастыря стада, и онъ доилъ своихъ овецъ. Вокругъ него стояли многія тысячи одѣтыхъ въ бѣлыя блестящія одежды. Онъ обратилъ на Перпетую благосклонный взоръ и сказалъ: «Здравствуй, дочь моя!» Затѣмъ онъ позвалъ ее къ себѣ и подалъ кусокъ сыру, приготовленнаго имъ самимъ. Она приняла его съ благоговѣніемъ и стала ѣсть, — и всѣ стоявшіе кругомъ воскликнули: «аминь».

Во время этого восклицанія Перпетуя пробуждается, продолжая ощущать невыразимую пріятность райскаго вкушенія.

Весьма часто также заключенные видѣли своихъ уже увѣнчанныхъ мученическимъ вѣнцомъ братьевъ. Такъ, Перпетуѣ явился діаконъ Помпоній, незадолго предъ тѣмъ пострадавшій. Онъ стоялъ въ дверяхъ тюрьмы и звалъ исповѣдницу.

На немъ была бѣлая прекрасная одежда. Перпетуя пошла за нимъ по неровному и извилистому пути. Они пришли къ амфитеатру, взошли на арену. Перпетуя дрожала отъ страха. «Не бойся, я буду съ тобой и помогу тебѣ бороться», сказала Помпоній и отошелъ въ сторону. Перпетуя оглянулась кругомъ и увидала громадную толпу народа, но удивлялась тому, что не было звѣрей. Но въ это время явился египтянинъ отвратительнаго вида и съ толпой своихъ служителей сталъ готовиться на борьбу противъ Перпетуи. Между тѣмъ на помощь послѣдней явились благородные, прекрасные юноши. Перпетуя раздѣлась для борьбы какъ мужчина. По обыкновенію, юноши умастили масломъ ея члены, между тѣмъ какъ египтяне катались по песку арены. Скоро явился мужъ необыкновеннаго роста, такъ что достигалъ высоты амфитеатра; его одежда была прекрасна; въ одной рукѣ держалъ онъ посохъ, какъ герольдъ военный, а въ другой — зеленую вѣтвь съ золотыми яблоками. Прекративъ всеобщее волненіе, онъ громко возгласилъ, обращаясь къ Перпетуѣ: «если этотъ египтянинъ побѣдитъ тебя, ты будешь имъ убита; если жъ тобой онъ будетъ побѣжденъ, — эта вѣтвь будетъ твоею наградой». Долго длилось состязаніе, пока наконецъ Перпетуя не сокрушила голову своему противнику. Народъ страшно зашумѣлъ; защитники Перпетуи торжествовали. Державшій золотую вѣтвь вручилъ ее побѣдительницѣ со словами: «Миръ тебѣ, дитя мое!» Тутъ она пробудилась и поняла, что ей предстоитъ бороться не со звѣрями, но съ діаволомъ, — и побѣда будетъ ей наградой.

Мученики нерѣдко видѣли себя уже причисленными къ лигу торжествующихъ братьевъ на небѣ и поклонялись Христу. Сатуръ, братъ Перпетуи, видитъ во снѣ, какъ взяли его 4 ангела, надѣли на него бѣлую одежду и повели его между сонмомъ мучениковъ, изъ которыхъ иныхъ онъ зналъ еще на землѣ. «Мы видѣли большой блескъ, — рассказываетъ Сатуръ, — и

слышали голоса, вызывавшіе: святъ, святъ, святъ! Затѣмъ мы предстали къ престолу Самого І. Христа и облобызали Его». Сколько мужества могла вдохнуть въ сердца мучениковъ эта надежда облобызать І. Христа! Великіе пастыри Церкви, принесшіе себя въ жертву за дѣло Божіе, также очень часто являлись заключеннымъ среди ихъ видѣній.

Такъ, освѣщалось неземнымъ сіяніемъ мѣсто ужаса, и, по выраженію актовъ мученическихъ, изъ мрака тюрьмы исходила небесная радость и изъ вѣтвей терновника расцвѣтала корона!

Но гораздо опаснѣе и страшнѣе, чѣмъ всѣ лишенія заключенія, были увѣщанія и просьбы родныхъ-язычниковъ, обращенныя къ исповѣдникамъ. Оригенъ говоритъ, что мученичество тогда достигаетъ своей вершины, когда нѣжнѣйшія просьбы родныхъ соединяются съ насиліемъ мучителей для того, чтобы поколебать мужество исповѣдниковъ. «Если мы,—говоритъ онъ,—въ продолженіе всего времени испытанія не допустили діаволу внушить намъ духъ слабости и колебаній, если мы перенесли всѣ ругательства, всѣ мученія отъ нашихъ противниковъ, всѣ ихъ насмѣшки и оскорбленія, наконецъ перенесли состраданіе и молбы нашихъ родныхъ, называвшихъ насъ глупыми и безмысленными, если, наконецъ, ни любовь дорогой супруги ни милыхъ дѣтей не убѣдили насъ дорожить этой жизнью, если, напротивъ, отрѣшившись отъ всѣхъ земныхъ благъ, мы вполне предались Богу и жизни, отъ Него исходящей,—только тогда мы достигли высшаго совершенства, высшей ступени мученичества». Да, любовь къ роднымъ была однимъ изъ величайшихъ испытаній для мучениковъ. Мученики Церкви не были фанатиками, заглушившими въ себѣ все человѣческое въ угоду любимой идеѣ. Напротивъ, сердце ихъ всегда было раскрыто для всѣхъ благороднѣйшихъ чувствъ и привязанностей. Таковъ вообще духъ христіанства, которое не подавляетъ, но возвышаетъ и просвѣтляетъ всѣ истинно-че-

ловѣческія стремленія. Но мученикамъ приходилось разрывать самыя близкія узы родства, какъ скоро онѣ становились въ противорѣчіе съ высшимъ закономъ человѣческой совѣсти. На этотъ разъ послѣдователи Христа должны были представить своимъ поведеніемъ и выразить истину словъ Господа: «аще кто грядетъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего, и мать, и жену, и чадъ, и братію, и сестры, еще же и душу свою, не можетъ быти мой ученикъ».

Вотъ предъ нами глубоко-трогательное зрѣлище. Въ темницу къ дочери является престарѣлый отецъ. Перпетуя должна выдержать сильнѣйшія испытанія. Отецъ истерзался отъ душевныхъ мукъ; онъ уже не приказываетъ, нѣтъ—онъ проситъ, умоляетъ, наконецъ бросается на колѣни передъ дочерью...

— Дитя мое! Умилосердись надъ моею сѣдиной, пожалѣй своего отца, если я еще достоинъ этого имени... Вспомни, какъ я носилъ тебя на рукахъ своихъ, какъ лелѣялъ тебя, пока ты не расцвѣла какъ майскій цвѣтъ, какъ я всегда предпочиталъ тебя твоимъ братьямъ; не сдѣлай меня предметомъ поруганія... Посмотри на свою мать, братьевъ, сына, которому не жить безъ тебя... Не дѣлай насъ несчастными.

И несчастный отецъ снова бросается передъ дочерью, называетъ ее своей царицей, госпожой, снова цѣлуетъ и обливаетъ слезами ей руки.

Съ невыразимой тоской смотритъ мученица на отца. Но лучъ рѣшимости, покорности волѣ Божіей снова блеститъ во взорѣ.

«Батюшка! все случится по волѣ Божіей. Наша жизнь не въ нашей власти; мы всѣ въ рукѣ Божіей».

Открывается судъ надъ заключенными, является проконсулъ. Кругомъ громадная толпа окружаетъ свои жертвы, какъ бы сторожить ихъ, опасаясь, чтобы онѣ не исчезли изъ ея кровавыхъ ругъ. Наступаетъ критическая минута. Отецъ съ

младенцемъ на рукахъ протискивается сквозь толпу и снова является передъ дочерью.

— Пожалѣй своего ребенка, — восклицаетъ онъ раздирающимъ душу голосомъ.

Но тутъ не мѣсто для родственныхъ увѣщаній. Заключенные предъ лицомъ власти. Проконсулъ даетъ знакъ, и солдаты палками гонятъ несчастнаго отца съ его внукомъ. «Скорбью пронзилось мое сердце, пишетъ Перпетуя. Какъ будто мнѣ самой наносили удары; мнѣ больно было видѣть несчастіе старца». Теперь прокураторъ обращается къ мученицѣ:

— Пощади сѣдину отца, сжапись надъ своимъ ребенкомъ, принеси жертву цезарю.

— Ни за что на свѣтѣ.

— Итакъ ты христіанка?

— Да, я — христіанка.

Вотъ сущность вопроса. Больше ничего не нужно. Отвѣтъ полученъ утвердительный, преступленіе доказано. Теперь долженъ состояться приговоръ. Одно имя христіанина влечетъ за собой тягчайшія обвиненія, заключаетъ въ себѣ всевозможныя дурныя свойства возмутителя, злодѣя и т. п. Обвинительный приговоръ былъ неизбѣженъ: онъ нѣкоторымъ образомъ носился въ воздухѣ, въ этомъ воздухѣ, пропитанномъ народною ненавистью. Это судъ, такъ сказать, безличный, но тѣмъ болѣе страшный, и относительно рѣшенія не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Когда дѣло идетъ о другихъ преступникахъ, говоритъ Тертуллианъ, то недостаточно, что обвиняемый объявляетъ себя убійцей, поругателемъ святыни, кровосмѣстителемъ, врагомъ государства; прежде чѣмъ состоится приговоръ, судья подробно спрашиваетъ объ обстоятельствахъ, о свойствахъ преступления, о мѣстѣ, времени, о родѣ и способѣ, спрашиваетъ свидѣтелей, соучастниковъ, — ничего этого нѣтъ при допросахъ христіанъ. Одного только добиваются, что именно нужно для народной ненависти, —

не изслѣдованія преступленія, но единственно признанія въ имени.

Итакъ обвиненный, желавшій остаться вѣрнымъ своему обѣту, долженъ былъ дать только одинъ отвѣтъ, — отвѣтъ, который получали языческіе судьи въ теченіе трехъ столѣтій на всемъ протяженіи громадной имперіи: я христіанинъ! Возвышенный отвѣтъ со стороны тѣхъ, которые такъ часто слышали крикъ кровожадной толпы: христіанъ на съѣденіе львовъ! Съ величественнымъ спокойствіемъ, осѣненный не земнымъ сіяніемъ, обвиненный на все вопросы отвѣчаетъ только: я христіанинъ! Какъ кратко, но какъ велико это слово въ устахъ того, который ради этого званія пренебрегъ всеми земными выгодами!

«Ты изъ какого званія?» спрашиваетъ судья Максима. «Я родился свободнымъ, но я слуга Христовъ», отвѣчаетъ исповѣдникъ.

Это пренебреженіе всехъ земныхъ преимуществъ, подчиненіе всехъ отношеній одному высшему закону есть отличительная и всеобщая черта христіанъ этого незабвеннаго времени. Слѣды этого можно находить на надписяхъ, встрѣчающихся на катакомбахъ. Эти надписи, за весьма рѣдкими исключеніями, совершенно умалчиваютъ о земныхъ отношеніяхъ отшедшаго въ вѣчность.

Получивъ признаніе въ имени, проконсулъ старается, не позволяя никакой свободной защиты, поколебать твердость обвиненнаго. Онъ принимаетъ на себя роль искусителя, представляетъ на видъ опасности, которымъ подвергаетъ себя исповѣдникъ, грозитъ неизбѣжною казнью; иногда съ точки зрѣнія практически-опытнаго человѣка остроумно осмѣиваетъ притязанія исповѣдника на небо и вѣчное блаженство. Но исповѣдникъ остается непоколебимъ. Все угрозы, обольщенія тщетны. Теперь долженъ состояться приговоръ.

Въ половинѣ III вѣка простою смертною казнью болѣе уже

не довольствовались. Императоры ввели въ употребленія пытки и истязанія. Впрочемъ, пытки и истязанія на практикѣ были примѣняемы и раньше. Стоитъ прочитатъ, напр., хоть посланіе Церкви ліонской, чтобы понять то, какимъ ужаснымъ истязаніямъ подвергали христіанъ. «Діаконъ Санктъ,— пишутъ христіане, находящіеся во Вьеннѣ и Лионѣ, въ Галліи, братьямъ въ Азіи и Фригии,— претерпѣлъ съ мужествомъ, превышавшимъ силы человѣческаго, всѣ муки, какія только палачи могли придумать въ надеждѣ заставить его произнести какое-либо слово, оскорбляющее вѣру и званіе. Твердость свою онъ простиралъ до того, что даже не хотѣлъ сказать ни своего имени, ни рода, ни званія. На всѣ вопросы отвѣчалъ только: я христіанинъ! это было его именемъ, родиною, выраженіемъ всего, чѣмъ онъ былъ; мучители другого отвѣта добиться не могли. Твердость эта до того раздражила предсѣдателя и палачей, что они раскалили полосы мѣди и прикладывали къ самымъ чувствительнымъ частямъ его тѣла. Мученикъ видѣлъ, какъ плоть его жарилась, не измѣняя даже положенія своего. Нѣсколько дней спустя, когда воспаленіе ранъ его сдѣлало ихъ столь болѣзненными, что онъ не могъ терпѣть никакого прикосновенія, мучители снова подвергнули его пыткамъ. Мученики—Александръ и Атталъ, прежде нежели ихъ умертвили, перенесли множество мученій. Александръ не выразилъ никакой жалобы, не произнесъ ни одного слова, но внутри души своей бесѣдовалъ съ Богомъ. Атталъ же, пока его жгли на раскаленномъ стулѣ и запахъ отъ тѣла его распространялся далеко, сказалъ народу на лат. языкѣ: «Теперь вы сами пожираете мясо человѣческое; но мы не ѣдимъ его и не совершаемъ никакихъ преступленій»¹⁾. Юную Бландину и мальчика лѣтъ пятнадцати, именемъ Понтика, ежедневно приводили въ амфитеатръ, въ надеждѣ устрашить видомъ мученій,

¹⁾ Язычники обвиняли, между прочимъ, христіанъ въ томъ, что они на своихъ собраніяхъ употребляютъ будто бы человѣческое мясо.

которымъ подвергались прочіе. Сперва настойчиво убѣждали ихъ поклясться именемъ боговъ, но они съ презрѣніемъ отказались. Тогда толпа пришла въ ярость и, безъ всякаго состраданія къ юности Понтика и полу Бландины, подвергли ихъ всѣмъ мукамъ, среди которыхъ все убѣждали къ отступничеству; но твердость ихъ была непреодолима. Понтикъ, воодушевленный сестрою, которая даже въ виду невѣрныхъ все продолжала угрѣплять его и убѣждать къ терпѣнію, перенесъ мученичество и восторжествовалъ надъ слабостію своей юности и жестокостію мученій. Бландина, претерпѣвши сѣченіе, укушенія дикихъ звѣрей, раскаленный стулъ, была завернута въ сѣть и предоставлена разъяренному быку, который нѣсколько разъ подбрасывалъ ее на воздухъ. Наконецъ невинную жертву эту закололи и сами идолопоклонники признавались, что никогда еще женщина столько не претерпѣвала и съ такимъ мужественнымъ постоянствомъ. Въ теченіе шести дней тѣла мучениковъ подвергались всякимъ оскорбленіямъ наконецъ, чтобы не оставить на землѣ никакихъ остатковъ, враги сожгли ихъ и бросили въ близъ протекающую Рону».

И всѣ эти звѣрства совершались при добродѣтельномъ и мудромъ Маркѣ Авреліи! Но до 3-го вѣка истязанія не были, такъ сказать, узаконены. Съ 3-го вѣка они были введены въ правило, въ систему.

Иногда исповѣдники были посылаемы на работы въ рудники. Это были каторжные работы того времени. Но эти смягченія были рѣдки. Большею частію смертью оканчивались для христіанъ всѣ ихъ испытанія. Самый родъ смертной казни былъ различенъ. Одни были, какъ, напр., апостолъ Павелъ, обезглавлены, другіе, какъ Игнатій, брошены на съѣденіе дикихъ звѣрей, наконецъ иные были сожжены, какъ Поликарпъ.

Перпетуя должна была испытать второй родъ смертной казни. Она была приговорена на съѣденіе дикихъ звѣрей въ ближайшіе праздники.

По старинному обычаю, тѣмъ, которые осуждены были на съѣденіе звѣрей, наканунѣ смерти готовили пиршество. Еще одинъ разъ, послѣдній разъ въ жизни, они могли воспользоваться свободой и насладиться дарами жизни. Перпетуя и ея осужденные товарищи по темничному заключенію, мужчины и женщины, отправляли вечерю любви, агапу,—и своды мрачной темницы оглашались гимнами въ честь Христа.

Наконецъ насталъ послѣдній день. Но они отправились изъ темницы какъ будто не на смертную казнь, но на небо,—съ такимъ спокойствіемъ и достоинствомъ шли они изъ темницы къ амфитеатру, и хотя они дрожали, но не отъ страха, а отъ восхищенія. Когда они приблизились къ воротамъ, хотѣли принудить ихъ надѣть другія платья: мужчинъ—красныя мантии жрецовъ Сатурна, женщинъ—бѣлыя повязки жрицъ Цереры. Это были остатки кроваваго пунического культа Ваала. Но Перпетуя отъ лица всѣхъ остальныхъ возстала противъ этого.

«Мы добровольно пришли сюда не для того, чтобы быть лишенными своей свободы; мы своей жизнью жертвуемъ для того, чтобы не испытывать ничего подобнаго».

Трибунъ призналъ справедливость этого требованія. Перпетуя прославляла Бога за то, что пришло время сокрушить голову египтянину. Войдя въ амфитеатръ, осужденные обратились къ народу и указывали на судъ Божій. Раздраженный этимъ народъ потребовалъ, чтобы ихъ бичевали, и это кроваваго требованіе было исполнено; но страдальцы радовались, что Господь удостоилъ ихъ этой части Своихъ страданій.

Мужчинъ отдали на съѣденіе леопардовъ, медвѣдей и дикихъ вепрей. Перпетуя и ея подруга Фелицитата должны были подвергнуться растерзанію отъ дикой коровы. Съ нихъ сняли ихъ платье и надѣли сѣть. Но ихъ стыдливость произвела впечатлѣніе даже на эту толпу, сошедшую для кроваваго зрѣлища. На нихъ снова надѣли одежду. При первомъ

ударѣ животнаго Перпетуя упала навзничь. Но такъ какъ бо-лѣе всего она опасалась, чтобы не раскрылось ея платье, то успѣшила закрыться, думая болѣе о цѣломудріи, чѣмъ о мучахъ. Она старалась завязать и прибрать свои волосы: ей не хотѣлось страдать съ распущенными волосами,—это знакъ печали, а не радости и торжества. Потомъ она поднялась, подошла къ своей сестрѣ по страданіямъ, Фелицитатѣ, подала ей руку,—и обѣ вновь стояли твердо и спокойно.

Толпа увидѣла себя побѣжденной, и обѣ подвижницы были отведены назадъ изъ амфитеатра. Здѣсь принялъ Перпетуя въ свои объятія одинъ изъ оглашаемыхъ, Рустикъ; она пробуждалась и приходила въ сознаніе какъ бы послѣ самаго глубокаго сна. Потомъ, къ великому удивленію присутствующихъ, спросила: когда ее поставятъ противъ дикой коровы? И когда ей сказали, что это уже было, она не хотѣла вѣрить, пока не увидѣла слѣдовъ на своемъ тѣлѣ и одеждѣ. Затѣмъ, обратясь къ присутствующимъ, произнесла слѣдующія слова: «Будьте тверды въ вѣрѣ, любите другъ друга; наши страданія да не устрашаютъ васъ».

По обыкновенію гладиаторы убивали тѣхъ, которые оставались живыми послѣ звѣрей. Народъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи насладиться этимъ зрѣлищемъ, и Перпетуя съ Фелицитатой снова были введены въ амфитеатръ. Тутъ онѣ дали другъ другу прощальный поцѣлуй и стали спокойно готовиться къ принятію смертнаго удара. Увидя занесенную надъ собою руку, Перпетуя издала слабый крикъ; но то была минутная слабость, невольная дань природѣ. Быстро схватила она дрожація руки молодого гладиатора, приставила къ своей шеѣ и безмолвно приняла смертный ударъ.

Такъ пострадала и умерла Перпетуя.

IV.

Господь помогалъ мученикамъ. Вотъ вѣрованіе, которое имѣла древняя Церковь, и мы, по прошествіи столькихъ вѣковъ, удивляясь необыкновеннымъ подвигамъ, можемъ только подтвердить его истину. Мужество мучениговъ до сихъ поръ, на удивленіе міру, стоитъ недостижимымъ образцомъ преданности вѣрѣ.

Есего лучше выразила вѣру въ помощь Божию Фелицитата, сомученица св. Перпетуи. Страдая въ темницѣ муками рожденія, она издавала громкіе вопли. На это сказала ей темничный сторожъ: «Какъ же ты надѣешься перенести несравненно большія страданія, если это, менѣе мучительное, такъ тяжело?» «Эта боль—моя боль,—отвѣчала мученица.—Другая боль—Господня, и Онъ поможетъ перенести ее».

На недостижимую высоту становились мученики, руководясь вдохновеніемъ вѣры. Всѣ слова и движенія ихъ дышали высокимъ героизмомъ. Возвышенное, великое становилось въ Церкви обыкновеннымъ, ежедневнымъ. Дѣйствіе мученичества на Церковь было чрезвычайно поразительно. На мѣсто отшедшихъ въ вѣчность являлись толпами другіе. «Чѣмъ болѣе усиливаются мученія, тѣмъ болѣе увеличивается число мучениговъ, тѣмъ болѣе приобрѣтаетъ послѣдователей Иисусъ Христосъ»,—говоритъ Іустинъ-мученикъ. Случались мгновенныя обращенія въ самой преторіи, какъ скоро туда являлись исповѣдники. Такъ при осужденіи Марцелина секретарь суда выразилъ открыто свое негодованіе и бросилъ на землю свой свитокъ. Ежедневно осуществлялось прекрасное изреченіе Тертуллиана: «кровь мученика—сѣмя христіанъ».

Христіане, переживавшіе мучениговъ, чтили съ сердечною теплотою ихъ память. Они съ благоговѣніемъ собирали ихъ тѣла, записывали ихъ страданія. «О, блаженные мученики,—

говорится въ актахъ мученическихъ съ простымъ, но трогательнымъ краснорѣчіемъ:—вы увѣнчаны діадемой и вѣнцомъ, который не увянетъ вовекъ, потому что вы сокрушили голову діаволу».

Оригенъ даетъ превосходное изображеніе мученичества.— «Если бы ты посмотрѣлъ на мучениговъ всѣхъ мѣстъ, какъ они исходятъ изъ каждой общины для того, чтобы предстать на судъ, то увидалъ бы, какъ въ каждомъ изъ нихъ осуждается Иисусъ Христосъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что не простой человѣкъ, какъ ты, страдаетъ въ мрачной темницѣ, томится голодомъ и жаждою, но Онъ Самъ въ тебѣ, по Его слову. Итакъ, если наконецъ христіанинъ осуждается, осуждается не за преступленіе, не изъ какихъ-либо другихъ основаній,—въ его лицѣ осуждается Самъ Иисусъ Христосъ. Отсюда слѣдуетъ, что Онъ осуждается по всей землѣ, всюду, гдѣ осуждаютъ Его исповѣдниковъ».

Мученичество—величественное и трогательное зрѣлище. «Громадное собраніе создано къ мѣсту вашей борьбы,—говоритъ тотъ же авторъ.—Оно подобно тысячамъ людей, которые стеклись для того, чтобы видѣть славныхъ атлетовъ. Вы можете сказать съ Павломъ: мы представляемъ зрѣлище для ангеловъ и людей».

Но для истинно вѣрующихъ весь міръ и на всѣ времена остается поприщемъ для борьбы. И крестъ для насъ, какъ и для древнихъ великихъ борцовъ, служитъ побѣднымъ знаменіемъ, а Христосъ, Глава Церкви, есть нашъ вѣчный предводитель и помощникъ.

V. Пастырь и паства.

 царствование императора Галла (251—253) ¹⁾ ужасное бѣдствие постигло Римскую имперію: то была чума! Эпидемія проявилась прежде всего въ Аравіи, оттуда была завезена въ Египетъ, затѣмъ проникла въ сѣверную Африку и, наконецъ, ужасно свирѣпствуя, буквально уничтожая цѣлые города и деревни, перешла въ западныя провинціи Римской имперіи. Болѣзнь обнаруживалась столь различными и сбивчивыми симптомами, что трудно было бы подвести ее подъ какой-либо определенный видъ эпидемической болѣзни. Страшное расстройство желудка совершенно ослабляло весь организмъ. Внутренній огонь сжигалъ горло, покрывавшееся язвами и нарывами, воспалялъ глаза, наливавшіеся кровью, и разѣдалъ тѣло больного ракомъ. Походка становилась нетвердою; слухъ тупѣлъ; зрѣніе ослабѣвало... ²⁾.

Ужасное зрѣлище представляетъ Кареагенъ! Воздухъ душетъ; ни малѣйшаго движенія вѣтра; нестерпимый африканскій зной убиваетъ всякую энергію. На улицахъ мертвая тишина. Дома наглухо заколочены. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ томятся по-

¹⁾ Euseb. in Chron. Oros. 1, VII. Zonar. Annal. 1, 11.

²⁾ Patrolog. c. c, t, 4 ser. lat. Cyprian. De mortalitate. 591. „Corporis vires solutus in fluxum venter eviscerat, quod in faucium vulnera conceptus medullitus ignis exaestuat. Assiduo vomitu intestina quatiebantur, oculi vi sanguinis inardescabant, quorundam pedes vel aliqua membrorum partes contagio morbidae putredinis amputabantur, debilitabantur incessus; obstruebatur auditus, caecatus fuit aspectus“.

кинутые родственниками и друзьями несчастные, подвергшіеся заразѣ. По улицамъ и закоулкамъ тамъ и сямъ валяются выброшенные трупы и, распространяя нестерпимое зловоніе, заражаютъ воздухъ. Но—о, ужасъ!— между трупами шевелится много живыхъ: то отцы выбросили своихъ заболѣвшихъ дѣтей, дѣти — родителей, мужья — женъ... По временамъ слышится предсмертный стонъ: алчность, не боясь заразы, спѣшитъ воспользоваться безпомощнымъ положеніемъ умирающихъ... ³⁾.

Въ одномъ изъ просторныхъ зданій, въ наиболѣе удаленной отъ центра города улицѣ, собралось общество христіанъ. Видно, тяжело у всѣхъ на душѣ: нѣмое молчаніе оковало уста; видъ мрачный, пугливый, подавленный. Тѣ ли это, которые еще такъ недавно, въ этомъ самомъ зданіи, такъ радостно привѣтствовали другъ друга, такъ братски обнимались, благодаря Бога за только-что окончившееся гоненіе ⁴⁾? Но вотъ внезапное оживленіе проявилось въ обществѣ; взоры всѣхъ устремились въ одну сторону; явился Киприанъ, любимый пастырь, отецъ вѣрующихъ. Его взоръ свѣтится милосердіемъ и святостію. Его фیزیомія открыта, но важна и величава. Строгій, но безъ суровости, кроткій и милостивый безъ излишней слабости, онъ одинаково внушаетъ къ себѣ любовь и уваженіе ⁵⁾. Одно появленіе, одинъ взглядъ его производитъ, видимо, сильное впечатлѣніе. И не даромъ! Всѣ хорошо знали, что Киприанъ преисполненъ горячій заботливости о каждомъ страдающемъ членѣ общества, не щадитъ средствъ для помощи нуждающимся, готовъ раздѣлить скорбь каждого ⁶⁾. Нерѣдко приходилось ему мощнымъ словомъ дѣй-

¹⁾ Cyprian ad Demetrianum.

²⁾ Что бѣдствие разразилось во время мира Церкви, см. Евсевія 1. VII. 22.

³⁾ Pontius, Vita Cyprian. c., 6.

⁴⁾ Cyprian, Epistolar. 7. 60.

ствовать на свою паству и возбуждать ее къ великимъ подвигамъ. Онъ собралъ и теперь вѣрующихъ для того, чтобы «подавить малодушіе рѣчью и силой, почерпаемой изъ слова Божія, снова сдѣлать достойными Бога и Христа тѣхъ, которые уже положили начало спасенію; чтобы не смущались умножающимися случаями смертности, но пребывали бы, какъ твердая и непоколебимая скала, сокрушающая и яростныя волны, но не сокрушаемая ими; чтобы испытанія не подавляли, но укрѣпляли» ¹⁾. Рѣчь его дышитъ необыкновенной силой убѣжденія, проникнута сильной вѣрой, непоколебимымъ упованіемъ. Его мысли и взгляды возвышенны, необыкновенны. Они никогда не теряютъ своего значенія ²⁾. «Все, что происходитъ теперь, — такъ начинается св. Кипріанъ свое слово, — все это предсказано Господомъ. Если происходитъ то, что было предсказано, то несомнѣнно послѣдуетъ и то, что было обѣщано» ³⁾.

Затѣмъ предъ его взоромъ предносится настоящій міръ, полный борьбы, опасностей, искушеній, и изъ этого-то міра не желать христіанину удаленія?! «Что представляетъ намъ міръ, какъ не ежедневную борьбу противъ діавола, какъ не постоянную войну и защиту противъ его стрѣлъ! Бѣдное сердце человѣка! Осаждаемое и окруженное со всѣхъ сторонъ напастями отъ діавола, оно съ трудомъ защищается, едва успѣвая готовить надлежащій отпоръ. Оттѣснить корыстолюбіе, — поднимается сладострастіе; подавить сладострастіе, — на его мѣсто тотчасъ является честолюбіе; удалится честолюбіе, — воспламеняется гнѣвъ, поднимаетъ голову гор-

1) Patrolog. c. c. t. 4. De mortalitate, p. 583. Tanquam petra fortis et stabilis turbidos impetus mundi et violentos saeculi fluctus frangit potius ipsa nec frangitur et tentationibus non vincitur».

2) Понтій отзывается о рѣчи св. Кипріана къ вѣрующимъ по поводу бѣдствія: если бы gentiles audire potuissent, forsitan statim crederent». Pontius vita Cyprian.

3) Patr. c. c. t. 4. De mortalitate, p. 584.

дость, возвышается высокоуміе; зависть разрушаетъ согласіе, соревнованіе — дружбу. Вотъ сколько бурь долженъ выдержать нашъ духъ ежедневно, какъ много опасностей угрожаютъ сердцу ¹⁾. И находятъ удовольствіе и счастіе въ этомъ положеніи, когда приходится стоять подъ мечами врага, вмѣсто того, чтобы желать чрезъ скорую смерть поспѣшить ко Христу?! Не долженъ ли христіанинъ, — спрашиваетъ онъ, вполне раздѣляя мрачныя предчувствія своего времени ²⁾, — не долженъ ли христіанинъ всѣмъ сердцемъ желать удаленія изъ этого міра, который уже обветшалъ и созрѣлъ для гибели? Міръ при своемъ концѣ объятъ бурными возмущеніями губительныхъ золъ ³⁾; тяжкія бѣдствія начались; угрожаютъ еще болѣе тяжкія, — и ты не считаешь для себя за благо, что можешь раньше покинуть этотъ свѣтъ? Если въ твоемъ жилищѣ затрясутся стѣны, разрушится потолокъ, весь твой домъ отъ ветхости будетъ угрожать паденіемъ, не поспѣшишь ли ты со всею скоростью оставить его? Если свирѣпая буря во время плаванія, до небесъ воздымая волны, будетъ грозить скорымъ кораблекрушеніемъ, не поспѣшишь ли ты поскорѣе достигнуть пристани? Смотри: міръ колеблется и сотрясается, и ты не благодаришь Бога за то, что, удаляясь раньше, избѣгаешь всеобщаго крушенія?» ⁴⁾. Таковъ настоящій міръ! Какъ не похожъ на него тотъ! Тамъ избавленіе отъ всѣхъ

1) Ibidem, p. 585. Obsessa mens hominis et undique diaboli infestatione vallata vix occurrit singulis, vix resistit.

2) „При видѣ неизмѣримой имперіи, — говоритъ Пресансе, — которая разрушалась отъ собственной тяжести, за обладаніе которой (имперіи) сражались преторіанцы, у Кипріана явилось инстинктивное чувство близости кончины міра. Онъ не зналъ того, что варвары, которые въ его глазахъ были предшественниками всеобщаго разрушенія, призваны будутъ обновить міръ и открыть ему путь новаго развитія“. Geschichte der dr. erst. Iahrhund. d. christlich. K. Dritt. Theil. p. 178.

3) Cypri. de mortalitate, p. 600. Corruente jam mundo et malorum infestantium turbidinis obsessio.

4) Ibidem. Mundus ecce nutat et labitur, et ruinam sui non jam senectute rerum, sed fine testatur et caet.

воль настоящаго міра. «Многіе изъ нашихъ умерли отъ эпидеміи, т. е. многіе изъ нашихъ избавились отъ бѣдствій этого свѣта ¹⁾. Тамъ истинный міръ, невозмутимый покой, прочная, вѣчная безопасность, тамъ пристань вѣчнаго обитанія, если только ты достигнешь безсмертія, загладивъ грѣхи, влекущіе за собою смерть ²⁾. Тамъ наша родина. А кто, странствуя на чужбинѣ, не спѣшитъ возвратиться въ милую родину? Наше отечество—рай; наши родители—патріархи ³⁾. Что жъ мы медлимъ узрѣть свое отечество, чтобы привѣтствовать тамъ своихъ родителей? Тамъ ожидаетъ насъ великое множество нашихъ возлюбленныхъ; многочисленное собраніе родителей, братьевъ и дѣтей сгораютъ нетерпѣніемъ видѣть насъ; сами достигши блаженства, они заботятся лишь о нашемъ спасеніи. Это зрѣлище, эта возможность заключить ихъ въ свои объятія—что это за радость для нихъ и для насъ! Какъ велика радость въ царствѣ небесномъ, невозмущаемая болѣе мыслию о смерти, какъ велико блаженство вѣчной жизни! Тамъ свѣтлый ликъ апостоловъ; тамъ собраніе ликующихъ пророковъ; тамъ лучезарное воинство мучениковъ, увѣнчанныхъ за свою побѣду въ борьбѣ и страданіяхъ; тамъ торжествующія дѣвы; тамъ получившіе свою мзду чело­вѣко­любцы. Съ полною готовностью поспѣшимъ туда! Воскресимъ желаніе—видѣть ихъ, радоваться и веселиться съ ними о Господѣ! ⁴⁾. И кто можетъ не радоваться о Христѣ! Если видѣть І. Христа есть радость ⁵⁾, если даже мы не можемъ назвать никакой радости истинною, прежде чѣмъ не видѣли І. Христа, то какая же слѣпота духа, какое безразсудство—любить всѣ напасти, муки и горе этого міра и не спѣшить

¹⁾ Ibidem. p. 592.

²⁾ Ibidem. p. 585.

³⁾ Ibidem. p. 601. Patriam nostram paradisum computamus: parentes patriar­chas habere jam coepimus.

⁴⁾ Ibidem. 602.

⁵⁾ Ibidem. 586. Christum videre gaudere sit.

къ тѣмъ радостямъ, которыя у насъ уже не могутъ быть отняты? *А все это происходитъ оттого, что слаба въра, потому что никто не върнѣтъ въ истину того, что об­щаетъ Богъ, который всегда въренъ, слово котораго вѣчно и непоколебимо* ¹⁾. Это значить вовсе не знать Бога; это значить грѣхомъ невѣрія оскорблять Христа Господа и Учи­теля вѣрующихъ ²⁾; это значить члену Церкви не имѣть вѣры въ домѣ вѣры. Можно ли не желать всѣмъ сердцемъ пре­образиться въ образъ Христа, достигнуть небесной славы? Можно ли печалиться за умершихъ братій? ³⁾ Они уже сво­бодны отъ узъ настоящаго міра; они отозваны отсюда; они не потерянны для насъ; они только предпосланы. Мы не долж­ны надѣвать здѣсь траурнаго платья, когда они тамъ уже облечены въ бѣлыя, свѣтлыя одежды ⁴⁾.

Кто долженъ трепетать смерти? Только тотъ, кто, не бу­дучи возрожденъ водою и духомъ, преданъ будетъ адскому пламени. Только тотъ, для кого временная смерть есть пере­ходъ къ вѣчной смерти, кто оставляетъ *міръ для вѣчныхъ мученій* ⁵⁾.

Нѣкоторые недоумѣвали: почему несчастіе поражаетъ оди­наково порока и невинность, языческое нечестіе и безуко­ризненную нравственность христіанъ? Гдѣ святое Провидѣніе, гдѣ правда? Кипріанъ превосходно разрѣшаетъ эти сомнѣнія ⁶⁾. «Что у насъ не обще съ ними въ этомъ свѣтѣ, пока мы живемъ, по закону естественнаго рожденія, во плоти, которая одинакова у насъ съ ними? Пока мы живемъ въ этомъ свѣ­тѣ, мы связаны со всѣмъ чело­вѣ­чествомъ узами плоти и кро­

¹⁾ Ibidem. Quia fides deest, quia nemo credit, vera esse quae promittit Deus.

²⁾ Ibidem. Hoc est Deum omnino nescire; hoc est Christum, credentium do­minum et magistrum, peccato incredulitatis offendere.

³⁾ Ibidem. 597.

⁴⁾ Ibidem. 596.

⁵⁾ Ibidem. 592.

⁶⁾ Ibidem. 587.

ви, только по духу отличаемся. Пока это тлѣнное облакаетъ не тлѣнне и смертное содержитъ безсмертіе (1—Корин. 15, 53), и Христосъ призываетъ насъ къ Богу Отцу,—всѣ тягости плоти одинаковы у насъ со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Такъ во время безплодія голодъ не различаетъ никого; такъ при непріятельскомъ нашествіи плѣнь одинаково постигаетъ всѣхъ. Заключится небо и не дастъ дождя,—всѣ страдаютъ отъ сухости и зноя; попадетъ корабль на подводный камень,—всѣ безъ изыятія гибнутъ отъ кораблекрушенія. Точно такъ же и болѣзнь глазъ и лихорадка поражаютъ всѣхъ одинаково, пока мы въ этомъ свѣтѣ вмѣстѣ со всѣми носимъ одну плоть. И если христіанинъ знаетъ и помнить, подъ какимъ условіемъ онъ принялъ вѣру, онъ долженъ знать и то, что ему въ этомъ мірѣ предстоитъ перенести даже больше тягостей, чѣмъ другимъ¹⁾. И такъ въ силу единства природы христіане подвергаются одинаковой участи съ язычниками. Наконецъ всякое несчастіе есть испытаніе. Изъ страха предъ смертью и событіями времени—равнодушные воспаляются, распушенные сосредоточиваются, сонливые пробуждаются, отпавшіе побуждаются къ возвращенію, язычники слѣшатъ обратиться къ вѣрѣ, старѣйшіе изъ вѣрующихъ призываются къ спокойствію, юное и многочисленное воинство съ бѣлымъ мужествомъ становится подъ знамена и въ часъ битвы безстрашно ополчается на врага, если во время эпидеміи наступаетъ война. Чума, которая представляется столь ужасной и убійственной, испытываетъ праведность каждаго, взвѣшиваетъ и оцѣниваетъ сердце человѣчества: заботятся ли здоровые о больныхъ, искренно ли любятъ близкіе своихъ друзей, милуютъ ли господа своихъ больныхъ слугъ, не отказываютъ ли врачи въ помощи прибѣгающимъ къ нимъ съ мольбою больнымъ, жестокіе сдерживаютъ ли свою горячность и необузданность, хищники и лихоимцы, по крайней мѣрѣ изъ

¹⁾ Ibidem. 587.

страха смерти, погашаютъ ли жажду стяжанія, гордые сгибаютъ ли свою шею... Да, это—упражненіе для насъ, а не гробъ. Это даетъ намъ славу мужества и, научая презирать смерть, приготовляетъ къ вѣнцу. Это значитъ для христіанъ: чрезъ страданія къ радости, чрезъ борьбу къ побѣдѣ, чрезъ терпѣніе къ прославленію¹⁾. Не насладившись жизнью, видѣ всякихъ тревогъ житейскихъ—нѣтъ²⁾! скорѣе, претерпѣвъ здѣсь всевозможные удары судьбы, христіанинъ достигнетъ вѣчной радости! Ты можешь потерять все твое состояніе, твое тѣло можетъ подвергнуться изнурительной болѣзни или быть измучено до крови, ты можешь несчастнымъ образомъ лишиться супруги, дѣтей и друзей,—пусть все это не будетъ для тебя камнемъ преткновенія или соблазномъ, но только—борьбой³⁾. Вѣдь не начавъ борьбы, не получишь побѣды. А достигши побѣды въ борьбѣ, ты, побѣдитель, получишь вѣнецъ...⁴⁾. Какое величіе—бороться противъ ударовъ разрушенія и смерти со всею силою непоколебимой души! Какая высота духа, въ то время, какъ все человѣчество ниспровергается въ развалинахъ, среди общаго крушенія стоять твердо и прямо, а не лежать низринутымъ вмѣстѣ съ тѣми, кто не имѣетъ никакой надежды на Бога! Радоваться мы должны и пользоваться благоприятнымъ моментомъ: мужественно обнаруживъ свою вѣру, поспѣшимъ ко Христу тѣснымъ путемъ Христа, перенесемъ благодушно всѣ тягости жизни—и получимъ отъ Него награду...⁵⁾. Не можетъ послѣдовать вѣчная жизнь, если прежде не наступитъ удаленіе изъ этой жизни. И чѣмъ сильнѣе напасть, борьба, испытаніе, тѣмъ ближе избавленіе. Царствіе Божіе уже близко.

¹⁾ Ibidem. 592, 593. Pestis ista et lues, quae horribilis et feralis videtur explorat justitiam singulorum, et mentes humani generis examinat... Exercitia sunt nobis ista, non funera.

²⁾ Ibidem. 587.

³⁾ Ibidem. 590. Non sint tibi scandala ista, sed praelia.

⁴⁾ Ibidem. 590.

⁵⁾ Ibidem. 592.

Награда жизни и радость вѣчнаго блаженства и всегдашняя безмятежность и обладаніе потеряннымъ раемъ уже приближаются. Уже небесное послѣдуетъ за земнымъ, и великое за малымъ, и вѣчное за временнымъ¹⁾.

Трудно изобразить дѣйствіе, произведенное словами любимаго пастыря, на общество. Въ нѣсколько минутъ оно какъ бы переродилось. На лицахъ нѣтъ и слѣда прежняго унынія. *Бодрость воскресла. Богатые спѣшатъ сложить у ногъ пастыря золото; бѣдные, но сильные тѣломъ спѣшатъ на стогны города — погребать труны; слабые — ходятъ за больными. Всѣ, кто могъ, спѣшилъ пожертвовать всеми зависящими отъ него средствами.* Кротко и любовно смотритъ маститый пастырь на свою паству, любитъ и радуется ею, какъ отецъ — любимымъ дѣтищемъ. Но вотъ онъ даетъ знакъ. Все снова стихаетъ, и собраніе съ изумленіемъ и восторгомъ внимаєтъ слѣдующимъ словамъ своего пастыря:

«Если мы ограничимся благодареніями только въ отношеніи къ своимъ (т. е. къ христіанамъ), то мы поступимъ какъ язычники и мытари. Но если мы — чада Божіи, Отца небеснаго, который повелѣваетъ свѣтить солнцу, посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ, разсыпаетъ свои дары и благодаренія не только Своимъ, но и тѣмъ, которые по сердцу далеко отстоятъ отъ Него, то мы должны доказать на дѣлѣ, дѣйствительно ли мы стремимся стать совершенными, какъ Отецъ нашъ небесный совершенъ есть, дѣйствительно ли, по слову Его, благословляемъ тѣхъ, которые насъ преслѣдуютъ, — мы должны оказать добро и необходимую помощь своимъ гонителямъ».

¹⁾ Ibidem. 584; Regnum Dei, fratres dilectissimi, esse coepit in proximo Praemium vitae et gaudium salutis aeternae, et perpetua securitas, et possessio paradisi nuper amissa, mundo transeunte jam veniunt; jam terrenis coelestia et magna parvis et caducis aeterna succedunt.

Громкимъ одобреніемъ встрѣтило общество послѣднія слова св. Кипріана. *Онъ хорошо зналъ сердце своей паствы...*

Все обѣщанное было исполнено съ величайшей ревностью, къ крайнему изумленію язычниковъ, — *и язва скоро, мало-по-малу стала утихать въ Кароагены¹⁾.*

¹⁾ Не одни кароагенскіе христіане отличились во время эпидеміи. О поведеніи христіанъ въ Александріи см. Евсевія ц. ист., кн. VII, 22.

VI. Отшельникъ.

ри обѣта составляютъ сущность иноческой жизни—обѣтъ цѣломудрія, обѣтъ послушанія, обѣтъ произвольной нищеты. Цѣль сихъ обѣтовъ та, чтобы отрѣшеніемъ отъ міра и его удовольствій, отрѣченіемъ своей воли дать свободу духу и тѣлу — всецѣло посвятить себя на служеніе Богу. Священны узы семейныя; для человѣка созданы и блага временныя. Но священнѣе союза семейнаго — союзъ съ Богомъ; дороже, безцѣннѣе благъ временныхъ—блага вѣчныя. Чтобы легче оторвать себя отъ связей земныхъ, чтобы лучше оградить себя отъ искушеній, какія представляютъ богатства, удовольствія и слава міра, — иноки избираютъ мѣстомъ жительства пустыни, откуда и получили свое наименованіе монаховъ, или уединенныхъ. Кто не испыталъ сладости уединенія? Кто не знаетъ, что только въ тишинѣ уединенія созрѣваютъ высокія мысли, укрѣпляется духъ для великихъ подвиговъ? Люди самые пристрастные къ удовольствіямъ міра ищутъ отдыха въ уединеніи; самые заботливые о снисканіи благъ временныхъ и славы земной въ тишинѣ уединенія соображаютъ и измышляютъ для сего средства. Но въ дѣлѣ спасенія душа тогда только начинаетъ жить для Бога, когда міръ для насъ опустѣетъ...

Иноки, чтобы оградить себя отъ всѣхъ искушеній міра, поселялись въ безлюдныхъ пустыняхъ, въ глуши лѣсовъ или темныхъ пещерахъ. Одни строгіе отшельники совсѣмъ удалялись отъ общества людей и въ самыхъ необитаемыхъ мѣстахъ или совершенномъ затворѣ проводили жизнь свою въ бесѣдѣ съ однимъ Богомъ. Были подвижники, которые въ теченіе тридцати, сорока и болѣе лѣтъ не видали ни одного человѣка. Другіе жили по два и по три въ недалекомъ раз-

стояніи другъ отъ друга, два раза въ недѣлю въ субботу и воскресенье сходились вмѣстѣ для общаго богослуженія. Иные жили цѣлыми обществами, имѣя общіе опредѣленные уставомъ и труды, и молитвы, и пищу. Но у всѣхъ одно было общее стремленіе — распять плоть свою со страстями и похотьми, стать выше себя, выше своей чувственности.

Добровольные мученики, они ежедневно умирали для Бога. Великъ и святъ подвигъ предать тѣло свое въ руки мучителей за исповѣданіе имени Христова. Но менѣе ли потребно мужества—каждый день, каждый часъ умерщвлять свое тѣло, отрѣзать всякую нечистую мысль? Въ трудныя, рѣшительныя минуты жизни болѣе напрягается сила души, и во время великихъ испытаній человѣкъ чаще выходитъ побѣдителемъ, нежели въ малыхъ ежедневныхъ искушеніяхъ. Сколько нужно терпѣнія, чтобы сохранить всегда душу и тѣло чистыми отъ прираженія грѣховныхъ движеній!

Эта святая, высокая жизнь иноковъ съ самаго начала монашества возбуждала вниманіе благочестивыхъ христіанъ. Въ ихъ жизни представлялся живой примѣръ того совершенства христіанской жизни, какое указывается въ евангеліи. Не громомъ побѣдъ и завоеваній, не потоками крови и опустошеній они стяжали себѣ вѣчную память, но сокровеннымъ дѣланіемъ во Христѣ, борьбою съ грѣховною природою и врагомъ спасенія; ихъ подвиги сопровождались только ихъ слезами и воздыханіями, а на прочихъ людей они старались только низводить благословеніе свыше. Это былъ неземной міръ среди этого міра, изумляющій величіемъ своего духа и жизни, дающій разумѣть, какую чудную силу являетъ природа человѣческая, какаю власть и могущество заключены въ душѣ и тѣлѣ человѣка, когда онъ весь проникается силою благодати Христовой! ¹⁾.

¹⁾ Исторія православнаго монашества на Востокѣ. Ч. I. II. Казанскаго, 7—9.

Такъ говоритъ историкъ-описатель древняго подвижничества на православномъ Востоку. Но удаляясь отъ міра, святые пустынножители не были совершенно безучастны къ тому, что происходило въ мірѣ. Они являлись, покидая безмолвіе пустыни, среди міра во времена тяжкихъ общественныхъ бѣдствій, утѣшая, подкрѣпляя и оказывая посильную помощь во времена опасныхъ ересей, волновавшихъ Церковь, съ сильнымъ словомъ вразумленія и обличенія. Не боясь гнѣва грозныхъ властителей, они ходатайствовали за опальныхъ. Такъ, благодаря предстательству св. отшельниковъ, Антиохія была спасена отъ тяжелой кары, грозившей ей отъ разгнѣваннаго Феодосія. Русскій обычай печалованія имѣетъ свой корень въ глубокой древности... Правительства, легионы, крѣпости пали предъ напоромъ варварскихъ полчищъ, но преклонились предъ высшимъ духовнымъ авторитетомъ.

На этотъ разъ мы расскажем о подвигѣ одного восточнаго отшельника, своимъ самопожертвованіемъ положившаго конецъ гладиаторскимъ зрѣлищамъ — одному изъ самыхъ темныхъ пятенъ на совѣсти историческаго человѣчества.

Западная половина Римской имперіи ввѣрена была Феодосіемъ управленію его несовершеннолѣтняго сына, слабаго Гонорія. Эта была вялая, ко всему на свѣтѣ равнодушная натура. Верховая ѣзда и стрѣльба изъ лука вначалѣ нѣсколько занимали его, но потомъ оказались утомительными, и онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на разведеніи и откармливаніи куръ, проводя сонливую жизнь въ стѣнахъ дворца. А гроза была близка... Феодосій скончался въ январѣ, но еще раньше истеченія зимы поднялись готы и смѣло обнаружили свои враждебные замыслы, давно таившіеся въ ихъ свирѣпой душѣ. На этотъ разъ во главѣ ихъ сталъ отважный, непоколебимаго мужества герой — Аларихъ. Начались опустошительные набѣги, разгромъ и пожары городовъ, разореніе цѣлыхъ провинцій. Пожаръ войны появился, наконецъ, въ

самой Италіи; римляне, какъ нѣкогда во времена Аннибала, спѣшили укрѣпить стѣны вѣчнаго города; самъ Гонорій едва избѣжалъ позорнаго плѣна...

Мужество, распорядительность и отчасти коварство Гоноріева руководителя, доблестнаго полководца Стилихона, однако, на этотъ разъ спасли Италію и Римъ отъ полнаго разоренія.

Послѣ удаленія варваровъ изъ Италіи римскій сенатъ обратился къ Гонорію съ почтительнымъ приглашеніемъ отпраздновать въ столицѣ міра побѣду надъ готами. Въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ римляне только три раза удостоились присутствія своихъ государей. Тѣмъ съ большимъ великолѣпіемъ готовились они теперь встрѣчать царственного гостя. Всѣ предмѣстья и улицы отъ Мильвійскаго моста до Палатинскаго холма были запружены народомъ, восхищавшимся блескомъ триумфальнаго шествія. Взоры всѣхъ прикованы были къ великолѣпной колесницѣ, на которой подлѣ императора вполне заслуженно находился недавній побѣдитель готъ — Стилихонъ. Шествіе медленно подвигалось къ роскошной аркѣ, нарочно воздвигнутой для столь торжественнаго событія. Но не идольская жертва на этотъ разъ была завершеніемъ триумфа. Въ теченіе своего пятимѣсячнаго пребыванія въ Римѣ императоръ старался показать себя усерднымъ христіаниномъ, часто посѣщая гробницы апостоловъ.

Давно уже не видали въ Римѣ столь грандіозныхъ зрѣлищъ цирка. Въ день игръ все населеніе было съ утра на ногахъ. Происходили свалки и страшная давка у входовъ. Но вотъ всѣ на мѣстахъ и нетерпѣливо ждуть начала игръ. По толпѣ пробѣгаетъ глухой шумъ, подобный гулу волнующагося моря. Глаза всѣхъ обращены на сводообразныя загражденныя канатомъ ворота, за которыми, топя и фыркая, стояли лошади, предназначенныя къ бѣгу. По данному знаку канатъ падаетъ, и колесницы стремительно врываются въ ристалище. Вскорѣ, однако, густое облако пыли скрываетъ

ихъ изъ глазъ зрителей. Со всѣхъ сторонъ поднимается невообразимый крикъ. Сотни тысячъ зрителей по всѣмъ рядамъ мѣсть для сидѣнья, раскинувшись вокругъ на необозримомъ пространствѣ, потрясаются одною всѣхъ охватившею страстью, доходившею до неистовства. Если бы взглянуть со стороны на это напряженіе, досаду, бѣшенство, восторгъ и порывистость движеній, можно было бы подумать, что видишь передъ собой толпу умалишенныхъ. Неотступно слѣдя глазами за колесницами, зрители ударяютъ въ ладоши, кричатъ изо всѣхъ силъ, наклоняются впередъ, машутъ одеждами и платками, простираютъ впередъ руки, какъ бы желая достать ристалище, подгоняютъ криками лошадей своей партіи, соскакиваютъ съ мѣсть, скрежещутъ зубами, грозятся, спорятъ, бранятся, проелинаютъ, издаютъ крики восторга и побѣды, плачутъ и смѣются, падаютъ въ обморокъ... Но вотъ первая колесница достигаетъ цѣли... Новые, потрясающіе воздухъ крики, точно шумъ ревущей бури, точно пронесся страшный ураганъ... За ристаніями слѣдовали звѣриная травля и охота. Но вотъ настаютъ гладиаторскіе бои...

Тщетно ратовали противъ этихъ отвратительныхъ зрѣлищъ лучшіе люди изъ язычества, гремѣли съ своихъ кафедръ христіанскіе проповѣдники... Нѣсколько сотъ, а, можетъ-быть, и нѣсколько тысячъ несчастныхъ все еще убивались для потѣхи черни ежегодно въ большихъ городахъ имперіи; римляне точно такъ же, еще больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, наслаждались этимъ кровавымъ и варварскимъ зрѣлищемъ. На этотъ разъ одинъ христіанскій поэтъ обратился къ Гонорію съ трогательными увѣщаніями искоренить своею властью отвратительный обычай, такъ долго не уступавшій ни голосу человѣколюбія ни авторитету религіи. Тщетно! Бои гладиаторовъ были внесены въ программу торжествъ... Мало того, придуманы самые дикіе и сумасбродные способы, чтобы придать еще болѣе возбудительности безчеловѣчнымъ играмъ.

Громадный амфитеатръ снова полонъ бѣснующагося народа, снова бессмысленно льется потоками человѣческая кровь, несутся ужасные стоны раненыхъ и умирающихъ, но тѣмъ больше бѣснуются зрители, заглушая все своими неистовыми криками и точно пожирая арену кровожадными, налившимися кровью и точно готовыми высочить глазами. Но вдругъ происходитъ нѣчто совсѣмъ неожиданное. Бѣдно одѣтый инокъ бросается въ среду сражающихся гладиаторовъ и начинаетъ разнимать ихъ... Толпа мгновенно притихла, пораженная неожиданностью явленія, и среди внезапно наступившей тишины раздаются изъ устъ отшельника грозныя слова обличенія съ призываніемъ кары небесной и проклятія противъ нераскаянности и упорства въ ужасномъ злодѣяннн... Невозможно описать, что произошло потомъ. Весь амфитеатръ точно взревѣлъ однимъ адскимъ крикомъ негодованія и злобы, огромная толпа зрителей бросилась, какъ бурный потокъ, на арену, вполне напоминая собой разъяренныхъ звѣрей. Трудно было видѣть, что происходитъ въ этомъ хаосѣ, въ невообразимой свалкѣ... И когда толпа отхлынула, на аренѣ остался растерзанный и обезображенный трупъ инока. То былъ св. Телемахъ, восточный отшельникъ...

Однако на этотъ разъ спѣта была лебединая пѣснь гладиаторскимъ боямъ. Населеніе Рима опомнилось и ужаснулось. Гонорій успѣшилъ издать законы, навсегда отмѣнявшіе человѣческія жертвоприношенія...

VII. Мать-христианка

Весна. Мартовскія иды. Южное солнце, посылая жаркіе лучи, освѣщаетъ неструю, оживленную картину кипучей торговой дѣятельности въ римской гавани Остіи. Идетъ спѣшная разгрузка кораблей, прибывшихъ изъ отдаленныхъ провинцій съ разнаго рода товарами. Хлѣбъ, вина, масло, соль, строевой лѣсъ, мавританская мебель, разные сорта мрамора, слоновая кость и другія произведенія трехъ странъ свѣта въ огромномъ количествѣ сложены въ гавани, ожидая уборки въ амбары, чтобы потомъ направиться въ Римъ и другіе города Италіи. Въ многолюдной гавани слышится многоязычная рѣчь, чаще всего, конечно, латинская и греческая; въ воздухѣ стоитъ шумъ и гамъ; толкотня и давка невообразимая... Подальше отъ этого базара житейской суеты!.. Вонъ тамъ въ сторонѣ, близъ морского берега, среди фруктовыхъ деревьевъ, виднѣется тихое убѣжище — пойдѣмъ туда; тамъ услышимъ бесѣду, которая надолго останется въ памяти...

Африганскіе или, точнѣе, нумидійскіе уроженцы — мать и сынъ — собрались къ отправленію на родину. То были Августинъ и Моника. Мы видимъ теперъ, съ какою почтительной любовью сынъ говоритъ съ своей матерью, какою силой материнской любви и нѣжности дышетъ все существо Моника, а было время, когда мать, хотя и съ сокрушеннымъ сердцемъ, должна была удалить сына изъ своего дома и не допускала

его вкушать пищу за ея столомъ... Да, много слезъ пролила Моника, претерпѣла много невыразимыхъ душевныхъ тревогъ и страданій, прежде чѣмъ глаза ея засіяли радостью при взглядѣ на Августина, всей душой наконецъ, обратившагося къ Богу.

Юношей онъ отличался выдающимися способностями, особенно въ краснорѣчіи. Но успѣхи сына не радовали Моника: ей несравненно дороже было спасеніе души его, между тѣмъ она видѣла, что сынъ ведетъ разгульную жизнь и погружается все болѣе и болѣе въ бездну порога.. Она ли не заботилась о томъ, чтобъ съ дѣтства внушить ему свои христіанскія убѣжденія и страхъ Божій!.. Не начертала ли она при самомъ его рожденіи на челѣ его знаменіе креста и не дала ли вкушать таинственной соли? Не употребляла ли она затѣмъ всевозможныхъ усилій, чтобы подраставшее чадо болѣе и болѣе проникалось духомъ вѣры Христовой? И что же! Все, повидимому, оказалось тщетнымъ: молодой Августинъ далъ полную волю своимъ страстямъ, впалъ въ еретическія заблужденія и былъ недалеко отъ того, чтобы окончательно потерять вѣру.

Что оставалось дѣлать бѣдной матери? — Одно: пламенная, слезная молитва къ Богу. Движимая материнской любовью, она умоляла уважаемыхъ ею лицъ подѣйствовать на сына еловомъ убѣжденія.

— Еще не время! — отвѣтилъ ей однажды одинъ св. мужъ. — Юноша еще слишкомъ надмевается своимъ знаніемъ. Оставь его на время и молись.

— Ужели такъ неисполнима моя просьба! О, я — несчастная...

— Успокойся! Только не ослабѣвай въ молитвѣ: невозможно, чтобы погибло чадо столькихъ слезъ.

И Моника не переставала изливать слезы въ пламенной молитвѣ.

Однажды видѣлось ей, что она стоитъ на узкой чертѣ. То была едва уловимая черта между земной дѣйствительностью и тѣмъ таинственнымъ міромъ, откуда иногда приходятъ къ человѣку неожиданныя утѣшенія... Свѣтлый ангелъ съ участіемъ спрашивалъ ее о горести, въ которую была погружена душа ея.

— Я плачу о гибели души моего сына...

— Успокойся!—сказалъ ей ангелъ.

Возможно ли описать радость Моники, когда она стала замѣчать, что ея слезныя молитвы услышаны, что ея сынъ возвращается на истинный путь,—на путь истинной вѣры и христіанской жизни!

«Съ высоты небесъ Ты Самъ, Господи, простиралъ ко мнѣ руку Свою, чтобы спасти меня!—такъ въ послѣдствіи вспоминалъ Августинъ объ этой порѣ своей жизни.—Тебя тронули слезы и молитвы Твоей вѣрной рабы. Она оплакивала меня болѣе, чѣмъ плачетъ мать надъ умершимъ сыномъ своимъ. И Ты внялъ ея мольбамъ, Господи! Ты не отвергъ ея слезъ, которыя изливались обильнымъ потокомъ всякій разъ, какъ она возносила свою молитву предъ Тобою».

Увѣрившись вполне въ искренности и глубинѣ обращенія сына, Моника теперь вмѣстѣ съ нимъ, въ ожиданіи близкаго отплытія на родину, занимала небольшой загородный домикъ. На этотъ разъ мы застаемъ ихъ за возвышенной, согрѣтой теплымъ чувствомъ, бесѣдой.

Зной жаркаго итальянскаго дня умѣряется густой растительностью сада, среди котораго стояло уединенное жилище. У раскрытаго окна, облокотившись, сидѣла Моника, устремивъ глаза вдаль, на море, часть котораго видѣлась благодаря широкой аллеѣ. Подлѣ нея стоялъ Августинъ. Они говорили о вѣчности, о томъ, какова будетъ вѣчная жизнь святыхъ, которой око не видѣло и ухо не слышало, и которая не восходила на сердце человѣку. Они соглашались, что съ радостной

полнотой этой жизни нельзя сравнить никакого наслажденія чувствъ, нельзя представить себѣ даже ничего сроднаго съ нею. Увлекаемые пылкимъ стремленіемъ къ ней, они постепенно перебирали весь видимый міръ и самое небо, съ высоты котораго солнце, луна и звѣзды изливаютъ свой свѣтъ на землю. И еще выше возносились они въ своихъ мысляхъ—до созерцанія міра блаженныхъ духовъ,—до того міра неисчерпаемыхъ и неизобразимыхъ благъ, гдѣ Творецъ всего питаетъ народъ Свой истиною и гдѣ обитаетъ вѣчная Премудрость, чрезъ Которую все сотворено,—что есть, что было и что будетъ. Проходя мысленно міры и духовныя сферы, они постоянно возвращались къ тому звуку голоса, къ тому слову, которымъ все начинается и все оканчивается...

— Когда бы въ душѣ умолено возстаніе плоти,—говорилъ Августинъ;—когда бы исчезли образы земли, воды и воздуха; когда бы остановились круговороты неба, и смокла бы душа сама въ себѣ; когда бы она забыла самое себя и возвысилась надъ самой собою; когда бы исчезли мечтанія и собственные образы духа; когда затихла бы всякая рѣчь; когда бы все это какъ бы замерло, устремивъ слухъ къ Тому, Кто сотворилъ все,—и заговорилъ бы Онъ одинъ и заговорилъ не чрезъ предметы, но чрезъ Самого Себя, и мы бы воспринимали Его слово не чрезъ человѣческій языкъ, не чрезъ ангельскую рѣчь и не черезъ голосъ грома и не черезъ притчу, но мы слышали бы только Его Самого, Котораго любимъ и къ Которому стремимся,—то не было ли бы Его слово таковымъ: види въ радость Господа Твоего!. Но когда же все это будетъ?..

Такъ бесѣдовали они, и ничтожнымъ казался имъ міръ со всѣми его радостями...

— Что касается меня, сынъ мой,—проговорила Моника,—то эта жизнь потеряла для меня весь интересъ. Что мнѣ еще дѣлать здѣсь? И зачѣмъ мнѣ еще жить, когда исполнилась

надежда моей жизни? Было вѣдь только всего одно, ради чего я желала бы побыть подольше на землѣ, именно то, чтобы видѣть тебя истиннымъ христіаниномъ, прежде чѣмъ умереть. Богъ далъ мнѣ еще большую радость: ставъ Его служителемъ, ты отвергся отъ всѣхъ земныхъ, тлѣнныхъ радостей. Что же мнѣ еще дѣлать здѣсь?..

Желаніе Моники исполнилось: она въ тотъ же день возвратилась, но не въ свою африканскую родину, а въ истинное свое отечество, куда стремилась всѣми силами души своей. Тотъ день, когда она вмѣстѣ съ сыномъ, говоря о вѣчности, задавала себѣ вопросъ: когда же все это будетъ?—тотъ день принесъ ей желанный отвѣтъ: „сегодня“... («Исповѣдь», IX, 10).

VIII. Угодникъ Божій.

I.

25 сентября 1892 года исполнилось 500 лѣтъ съ того времени, какъ на Руси совершилось событіе, занесенное во всѣ русскія лѣтописи: св. Сергій преставился...

Горько плакали надъ его гробомъ собравшая имъ братія и всѣ знавшіе его русскіе люди. Безъ сомнѣнія, мы не можемъ столь же непосредственно отнестись къ кончинѣ св. мужа, какъ его современники. Зато мы яснѣе можемъ представить себѣ значеніе подвига великаго и святого старца для нашего отечества и Церкви.

Перенесемъ мысленно за рядъ столѣтій, отдѣляющихъ насъ отъ той эпохи, когда жилъ св. Сергій, и припомнимъ, что представляла изъ себя тогдашняя сѣверная Русь. Изрѣдка въ лѣсной глуши попадалось жалкое жильѣ не русскаго человѣка, а полудикаря-финна. Но вотъ среди такой мѣстности является отшельникъ, мужъ сильный духомъ, поборовшій въ себѣ пристрастіе къ міру, стремящійся всецѣло отдаться Богу, и ставить себѣ одинокую келью. Къ нему, пораженные величіемъ его подвига, приходятъ «охочіе люди», ищущіе не простора, не разгула, но такъ же, какъ и онъ, отдавшіеся высшимъ нравственнымъ стремленіямъ. Кельи-хижины огораживаются тыномъ; ставится церковь, и звуки колокола впервые нарушаютъ дѣвственную тишь первобытнаго бора. Основывается монастырь, который становится источникомъ свѣта для всей окрестности, передовымъ постомъ христіанской цивилизаціи.

Близъ монастыря начинаютъ селиться русскіе люди, устраивается посадъ, городъ или селеніе. Изъ обители выходятъ въ свою очередь подвижники и основываютъ новые монастыри, для которыхъ первоначальная обитель становится какъ бы разсадникомъ, является цѣлый рядъ монастырей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и христіанскихъ поселеній, далеко раздвигающихъ районъ христіанской и русской образованности. Дикій мѣстный элементъ мало-по-малу просвѣщается, становится русскимъ, православнымъ. Вмѣстѣ съ притокомъ болѣе образованной части населенія въ глухомъ краю зарождается промышленность и торговля.

Но это, собственно говоря, государственное значеніе древней обители. Гораздо выше — нравственное вліяніе ея на русское общество.

Живя среди развившихся гражданскихъ порядковъ, обеспечивающихъ каждому его права и свободу, мы обыкновенно съ трудомъ представляемъ себѣ давно минувшія времена, когда государственная жизнь только что еще начиналась, когда общество было юно, когда произволъ сильнаго могъ необузданно царствовать надъ слабымъ. Въ такія-то времена примѣры высокаго самоотверженія и святости жизни особенно внушительно дѣйствовали на общество. «Какъ сильны были нравственные безпорядки, — говоритъ знаменитый историкъ, — какъ часты были насилія, такъ же сильны были и подвиги нравственные лучшихъ людей, такъ же сильна была борьба ихъ съ страстями, съ требованіями матеріальной природы, такъ же велики лишенія, которымъ они подвергались во имя природы нравственной, чтобы дать ей торжество надъ матеріальною. На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славою торжества духа надъ плотію, — выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ бога-

тырей юное общество было на сторонѣ второго, ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцырь и просить другого, болѣе почетнаго, — мантии монашеской. Такого было значеніе нашего древняго монашества, нашего древняго монастыря. Подлѣ городовъ, острожковъ, строившихся для защиты матеріальной, мы видимъ рядъ монастырей, этихъ твердынь, явившихся для нравственной охраны общества; то были свѣтлыя точки при тогдашнемъ мракѣ; къ нимъ обращались лучшие люди за совѣтомъ, за подкрѣпленіемъ нравственнымъ; отсюда преимущественно исходили голоса, напоминавшіе о вышнихъ, духовныхъ началахъ, которыми должно спасаться общество; отсюда исходила проповѣдь не словомъ только, но дѣломъ, — слѣдовательно, болѣе дѣйствительная, болѣе благотворная. И общество спаслось тѣмъ, что внимало этой проповѣди и внимало неравнодушно: обитатели монастырей, умершіе для міра, были такъ живы, такъ исполнены святой ревности, что не могли допустить равнодушія къ тому, къ чему сами были неравнодушны; и общество было такъ юно, такъ свѣжо, сильно и живо, что не могло равнодушно внимать слову, оживленному дѣломъ; общество спаслось тѣмъ, что, внимая проповѣди о лучшемъ, не мирилось со зломъ; при увлеченіи грубыми страстями, при паденіи, не терялось сознаніе о грѣховности паденія, о необходимости удовлетворять высшимъ требованіямъ, и это-то сознаніе и препятствовало обществу закоснѣть во злѣ, оно-то и двигало его впередъ и давало возможность выхода въ бытъ лучшей». (Соловьевъ: «Древняя Русь». «Русскій Вѣстникъ». 1856, кн. I).

«Монастырь, — говоритъ другой изслѣдователь древней русской жизни, — какъ пристанище душъ высокихъ, которыя порывались въ область блаженнаго успокоенія отъ заботъ жизни, стремились къ вѣчнымъ законамъ добра и правды,

привлекалъ общее вниманіе нашихъ предковъ. Они смотрѣли на него съ глубокимъ уваженіемъ, какъ на мѣсто селенія славы Божіей. Русскіе монахи не чуждались дѣятельности практической, которая способствовала разумно-нравственной жизни народа. Они проносили свѣтъ христіанской вѣры по окрестнымъ областямъ, въ темное царство язычниковъ, съ самоотверженіемъ проповѣдывали слово Божіе и тяжелыми трудами и усиліями достигали святой цѣли. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ занимались вопросами не о матеріальныхъ средствахъ къ выгодамъ, но о высокой цѣли и назначеніи жизни человѣческой, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные высоко, по своему времени, развитые болѣе другихъ; они всякому страннику и посѣтителю могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненіе въ извѣстномъ случаѣ. Кроткая и живая бесѣда ихъ врѣзалась въ памяти жаждущаго истины, стремленіе къ которой непобѣдимо въ душѣ человѣческой, особенно въ душѣ свѣжей и воспріимчивой. Тамъ русскій человѣкъ могъ получать уроки нравственные въ самомъ приложеніи къ дѣлу, что ему особенно дорого. Тамъ «отъ единого видѣнія токмо и обычая устроенію довольна преподавали зрящимъ пользу». Въ мірѣ, большею частью, хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственные страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ для выполненія ихъ неправду и насилія, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію; предъ вѣчною истиною и безконечнымъ благомъ. Взглядъ на эту чудную жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря; а строгіе уроки, осущен-

ствляемые въ жизни, возбуждали къ возможному подражанію». (Бавелинъ. Мысли и замѣтки о русской исторіи. «Вѣстникъ Европы» 1866. II, VI).

Воистину великую службу сослужили русской землѣ св. подвижники. Въ годы тяжелой неволи, рабскаго униженія, злобы, горькой нищеты, голода, повальныхъ болѣзней легко человѣку упасть духомъ, опуститься, зажить грубою, животною жизнію. Но вотъ являются подвижники. Все, что дорого людямъ на землѣ, почетъ, богатство, семейныя радости,—все презрѣли они, все это въ глазахъ ихъ было ничто въ сравненіи съ иною жизнію,—жизнію вѣчною, духовною. Старецъ одинъ - одишенекъ живетъ въ безлюдной глуши, ни хищнаго звѣря не боится, ни лихого человѣка не боится, боится только одного грѣха, боится его пуце лютой смерти. Тяжкіе труды несетъ онъ, голодъ и холодъ добровольно терпитъ и все Богу молится. Рассказывали тѣ, кому доводилось видѣть пустынножителя, что привѣтливъ онъ, ласковъ, свѣтелъ душою, что готовъ утѣшить всякаго скорбнаго, что сладко послушать рѣчей его. Утѣшительны были эти рѣчи! Свѣтлѣе становилось на душѣ у несчастнаго, подавленнаго горемъ, отъ этихъ рѣчей: вѣра въ лучшую будущую жизнь внушалась ими и согрѣвала сердце. Духъ воскресалъ, настоящее представлялось не столь мрачнымъ, какъ прежде...

Таково было значеніе древняго подвижничества, отцомъ и учителемъ котораго на нашемъ сѣверѣ былъ преподобный Сергій.

II.

Кто можетъ повѣдать намъ о великихъ подвигахъ св. Сергія въ глуши непроходимыхъ дебрей,—подвигахъ, продолжавшихся не годъ, а цѣлые годы, цѣлую жизнь! Кто могъ бы рассказать намъ тайны великой души его, всецѣло устремлен-

ной въ высшій міръ, его борьбу со страстями и искушеніями? Глухая пустыня и непроглядная темь дремучаго бора навсегда сокрыли ихъ отъ взоровъ людскихъ: они были вѣдомы лишь Тому, Кто знаетъ всё тайны и всё помышления сердце чело-вѣческихъ. Много нужно было необычайнаго мужества, терпѣнія, несокрушимой энергіи, страшныхъ нечеловѣческихъ усилий, чтобы, побѣдивъ ихъ, сбросить съ себя земныя узы и, земнымъ челоукомъ, возвыситься до безсмертной божественной свободы духа!.. Когда же люди узнали о великомъ подвижникѣ, онъ не скрлся отъ нихъ, не ушелъ еще дальше въ пустыню, — онъ вышелъ къ нимъ, но — вышелъ вдохновеннымъ, крѣпкимъ, прозорливымъ, благостнымъ, чудодѣйствующимъ... Сергія еще при жизни его считали угодникомъ Божиимъ: такъ неотразимо сильно было впечатлѣніе его личности!

Всѣмъ извѣстно, какъ не одни простые люди во множествѣ стекались къ св. мужу; нѣтъ, — къ нему шли «князи и вельможи за духовною пользою», за совѣтомъ, за утѣшеніемъ, за молитвою, за благословеніемъ. Наконецъ самъ «религодержавный» великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской пришелъ къ нему за благословеніемъ, прежде чѣмъ выступить противъ Мамаю.

Знаменательно было это свиданіе.

— Да ниспошлетъ тебѣ Господь Богъ и Пречистая Богородица свыше помощи! Минуетъ главы твоей побѣдный вѣнецъ съ вѣчнымъ сномъ смерти, но другимъ многимъ готовятся вѣнцы съ вѣчною памятью...

Послѣдняя мысль о множествѣ жертвъ поразила скорбію любвеобильное сердце св. старца...

— Почтилъ бы ты, сынъ мой, дарами и честію нечестиваго Мамаю, да видитъ Господь Богъ смиреніе твое и вознесетъ тебя, а его неузротимую ярость и гордость низложитъ.

— Все это, отче, я сотворилъ, ему, но онъ еще больше надмевается.

— Если такъ, то его ожидаетъ конечное погубленіе и запустѣніе. Тебѣ же отъ Господа Бога и Пречистыя Богородицы и святыхъ Его помощь и милость и слава!..

На просьбу князя отпустить съ нимъ двухъ иноковъ, бывшихъ прежде доблестными воителями, Пересвѣта и Ослябю, преподобный, вручивъ имъ схимы съ изображеніемъ креста, произнесъ:

— Вотъ оружіе нетлѣнное! Да служить оно вамъ вмѣсто шлемовъ!

Не переставалъ и потомъ слѣдить св. старецъ, глубоко-русскій челоукъ въ душѣ, за успѣхомъ предпріятія и почти наканунѣ боя прислалъ великому князю грамоту, совершенно ободрившую его и его воинство.

— Чтобы ты, господине, таки пошелъ. А поможетъ ти Богъ и Св. Богородица!

Прочитавъ грамоту великій князь приказалъ переходить Донъ, сказавъ:

— Часъ суда Божія наступаетъ!

III.

Но не только при жизни великій подвижникъ земли русской принималъ живое участіе въ судьбахъ ея, — его неотступная помощь, его предстательство предъ Богомъ за горячо любимое отечество продолжалось неоднократно на всемъ протяженіи дальнѣйшей исторической жизни русскаго народа.

Глубокая тишина въ мирной обители, такъ же, какъ и въ кельѣ смиреннаго игумена. Непрерывно трудясь цѣлый день, игумень проводитъ безсонныя ночи въ пламенной молитвѣ. Въ молитвѣ — онъ весь въ Богъ, отрѣшается отъ всего земнаго. Вдругъ раздается чей-то голосъ: «Сергію!» ... кто-то незримый

зоветь его. Онъ открываетъ оконце своей кельи и видитъ въ небесахъ лучезарный свѣтъ, а таинственный голосъ продолжаетъ говорить ему: «Сергій, ты молишься о своихъ духовныхъ чадахъ. Господь принялъ твою молитву. Посмотри кругомъ, какое множество иноговъ собрано тобою во славу живоначальныя Троицы!» И мгновенно явилось множество прекрасныхъ птицъ, послышалось райское пѣніе, а голосъ продолжалъ: «такъ умножится стадо твоихъ учениковъ, и не оскудѣетъ оно послѣ тебя!»

Въ другой разъ, также въ глубокую ночь, мирная келья игумена оглашалась пѣніемъ акаѳиста во славу Пресвятыя Богородицы. Неземная сила вливалась живой, благодатной струей въ сердце игумена при каждомъ стихѣ священнаго пѣснопѣнія. Душа исполнилась ожиданіемъ чего-то дивнаго, необычайнаго... Наконецъ Сергій воскликнулъ, обращаясь къ своему ученику:

— Бодрствуй, чадо: мы будемъ сейчасъ имѣть чудесное посѣщеніе!

И Сергій слышитъ необычайное слово: «Се Пречистая грядетъ!»

И Матерь Божія явилась ему въ сопровожденіи апостоловъ, Петра и Іоанна. Сергій затрепеталъ отъ небснаго восторга... Но дивная посѣтительница коснулась его рукой и сказала:

— Не бойся, мой избранникъ! Я пришла посѣтить тебя. Твоя молитва объ ученикахъ твоихъ услышана. Не скорби о своей обители. И при жизни твоей и при отшествіи твоёмъ къ Богу Я неотступна буду отъ мѣста сего и всегда буду покрывать его!

Такъ еще при жизни Сергія ему обѣщано было небесное покровительство надъ его обителью. И дивно было исполненіе этого обѣтованія! Много грозныхъ и тяжелыхъ испытаній, много вражескихъ нашествій испытала русская земля, но ни поляку ни даже завоевателю полміра не дозволено было переступить порога вратъ св. обители. А сколько разъ великая

Сергіева лавра являлась оплотомъ русской земли! Какъ разнообразно и сильно проявлялось ея вліяніе въ самыя тяжелыя времена!

Во второй четверти XV столѣтія, въ княженіе великаго князя Василя Васильевича Темнаго, папство возымѣло серіозную попытку совратить Востокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русскій народъ въ латинство. Собирался пресловутый Флорентинскій соборъ съ цѣлію подчиненія православныхъ папскому игу. Московскій митрополитъ — отступникъ — явился на соборъ первымъ орудіемъ совращенія. Въ его свитѣ находились русскіе священники, глубоко не сочувствовавшіе замыслаемому дѣлу и, безъ сомнѣнія, много страдавшіе въ душѣ. Со слезами сердечнаго умиленія, возвратившись на родину, они рассказывали, какъ св. Сергій, являясь имъ на чужбинѣ, утѣшалъ, ободрялъ ихъ и заповѣдывалъ крѣпко держаться чистоты православія.

Въ 1480 году послѣ долгой тяжелой неволи Русь освободилась отъ монгольскаго ига. Но долго потомъ еще продолжались набѣги татаръ. Тяжелы были эти погромы! Города и селенія пылали пожарами, люди тысячами и десятками тысячъ были уводимы въ неволю. Въ 1521 году крымскіе, ногайскіе и казанскіе татары, разлившись опустошительнымъ пожаромъ по русской землѣ, подступили къ Москвѣ. Въ столицѣ господствовалъ ужасъ. Горячо молились русскіе люди святымъ заступникамъ русской земли — преподобнымъ Сергію и Варлааму хутынскому. И не даромъ! Святые угодники склонились къ мольбамъ и въ дивномъ видѣніи, осѣняя крестообразно Москву, умоляли Царицу небесную о спасеніи города. По словамъ лѣтописей, Москва чудеснымъ образомъ избавилась отъ великаго разоренія.

Говорить ли о смутной эпохѣ, объ ужасахъ временъ самозванцевъ, когда, казалось, пришелъ послѣдній конецъ русскому государству? Говорить ли о томъ, какъ, при шатаніи всей русской земли, одна Сергіева обитель осталась непоколебимою въ своей вѣрности законному порядку? Какъ, съ

горстью защитниковъ, она отбивалась отъ многочисленныхъ полчищъ непріятельскихъ? Какъ въ это тяжелое время неоднократно являлся великій подвижникъ, то устрашая враговъ, то ободряя защитниковъ? Какъ затѣмъ послѣ осады Сергіева обитель представила удивительное зрѣлище пріюта для всѣхъ больныхъ, изувѣченныхъ врагами, голодныхъ, между тѣмъ какъ въ ея кельяхъ «писцы борзые» писали вдохновенныя грамоты, подвигшія всю Русь на защиту отечества? Какъ неоднократно являлся великій печальникъ земли русской и безсмертному Минину и воеводамъ ополченія, пришедшаго на освобожденіе отечества? Какъ, по минованіи смутныхъ временъ, въ послѣдствіи юная держава творца новой Россіи началась подъ сѣнію знаменитой лавры?.. Но возможно ли исчислить всѣ благодѣянія пр. Сергія Россіи и русскимъ людямъ за долгій періодъ полутысячелѣтія? Сколько свѣта, сколько исцѣленій, помощи, утѣшенія излилось въ души русскихъ людей у гроба пр. Сергія!..

Присмотритесь, — говоритъ близкій наблюдатель (архимандритъ Никонъ), — присмотритесь къ этимъ простецамъ, которые съ такимъ благоговѣйнымъ усердіемъ молятся у гроба пр. Сергія; прислушайтесь къ ихъ вздохамъ сердечнымъ, и вы поймете всю благодатную силу вѣры въ нашемъ православномъ народѣ, вы воочію увидите и узнаете, какъ нужно молиться, если хочешь, чтобы твоя молитва дошла до Господа Бога! Вотъ старецъ, убѣленный сѣдинами, удрученный заботами и трудами прожитой долгой жизни, смиренно преклонился подъ ношею своей дорожной сумы и поникъ до земли: онъ въ слезахъ приноситъ благодареніе угоднику Божію, что сподобилъ его хотя на склонѣ жизни поклониться его святымъ мощамъ, что исполнилъ его завѣтное желаніе, которое много лѣтъ носилъ онъ въ своемъ сердцѣ, что онъ теперь спокойно умереть: его очи видѣли, его уста коснулись благодатнаго соєровища — нетлѣнныхъ мощей преподобнаго Сергія.

Или вотъ старица, — едва добрела, опираясь на свой незагнѣтый посохъ, до обители чудотворца; она тихо проливаетъ слезы умиленія и бесѣдуетъ съ преподобнымъ, какъ съ живымъ: «Батюшка, угодникъ Божій! помолись ты за меня, грѣшницу, помолись за дѣтокъ моихъ, за внуковъ, за всѣхъ православныхъ христіанъ»... И идетъ она потомъ изъ храма, отирая свои сладкія слезы. Спросите ее: «о чемъ ты плачешь, бабушка?»

— Съ угодникомъ просталась, — отвѣтитъ она...

Здѣсь мать умоляетъ преподобнаго, чтобы вразумилъ онъ ея несчастнаго сына — пьяницу; здѣсь вдова изливаетъ свою скорбь и проситъ благодатной помощи нести свой нелегкій крестъ до конца; здѣсь сироты ищутъ покровы и защиты у Богомъ даннаго отца Сергія; здѣсь нерѣдко и какіцѣйся грѣшникъ сокрушаетъ свое сердце и проситъ благодатной помощи въ тяжелой борьбѣ съ привычнымъ грѣхомъ... И многое множество мужей и женъ, юныхъ и младенцевъ, съ ранняго утра до поздняго вечера, наполняютъ небольшой храмъ Жигонь-начальныхъ Троицы — сіе смиренное покоище, уготованное любимымъ ученикомъ пр. Никономъ; и каждый истинный богомалецъ пришелъ къ нему съ своею скорбію, съ своею заботою, а кто и съ молитвою искренняго благодаренія о полученномъ прошеніи. Каждый стремится благоговѣйно склониться до земли у раки св. мощей его, приложиться устами къ священному покровцу на главѣ угодника Божія, и отходить съ миромъ и радостію въ душѣ. И несетъ онъ этотъ миръ въ свой домъ, въ свою родную семью, вмѣстѣ съ просфорою, вынутою о здравіи всѣхъ близкихъ его сердцу въ обители преподобнаго, и, уврѣпленный молитвой, живетъ онъ свѣтлыми и святыми воспоминаніями тѣхъ благодатныхъ ощущеній, какія испыталъ подъ сѣнію преподобнаго...

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Новолѣтіе.

то-то принесетъ намъ наступающій годъ? — говоритъ обремененный заботами и часто непосильнымъ трудомъ почтенный труженикъ, отецъ семейства.

Съ свѣтлой надеждой, съ увѣренностію въ своихъ силахъ смотритъ впередъ юноша, не испытавшій горькихъ жизненныхъ опытовъ; онъ жаждетъ большихъ успѣховъ въ пред-

стоящемъ ему жизненномъ поприщѣ, мечтаетъ, можетъ-быть, о славѣ, богатствѣ и прочихъ утѣхахъ міра сего.

И вѣдь всё, рѣшительно всё, даже люди, испытавшіе не разъ тщету всёхъ своихъ надеждъ и ожиданій, повидимому, вполне разочаровавшіеся во всемъ, — всё съ наступленіемъ Новаго года исполняются какихъ-то неопредѣленныхъ надеждъ и ожиданій на кагія-нибудь счастливыя перемѣны въ ихъ судьбѣ, какую-нибудь удачу. Иной и очень хорошо сознаетъ, что ему рѣшительно не на что рассчитывать, нечего ожидать, а все чего-то ждетъ, во что-то вѣритъ.

Что выражаетъ собой эта жажда души человеческой?

Напрасно на тысячу ладовъ повторяютъ мудрецы вѣка сего, что все съ неумолимой послѣдовательностью подчиняется царствующему въ мірѣ закону причины и слѣдствія, что міромъ, равно какъ и жизнью людей, управляютъ неизмѣнные законы, которые никоимъ образомъ не могутъ быть упразднены или приостановлены по чьему-либо произволу, что все произойдетъ со всѣми такъ, какъ слѣдуетъ въ силу этихъ непреложныхъ, слѣпо дѣйствующихъ законовъ. Самъ Богъ, будто бы, уже не можетъ измѣнить ихъ. Время чудесъ давно де миновало. Не сойдетъ ангелъ съ неба, чтобы наплатить голоднаго, какъ нѣкогда пророка Ілію, никто не остановитъ болѣе солнца въ его вѣковѣчномъ теченіи, ничей голосъ не возвратитъ здоровья истощенному тѣлу и т. д.

Скажемъ прямо: какъ ни кажутся иногда наивными или неосновательными иныя надежды, связанныя съ наступающимъ Новымъ годомъ, но нѣтъ ничего болѣе возмутительнаго, ничего болѣе нелѣпаго, какъ только-что приведенныя разсужденія объ этихъ будто бы слѣпо дѣйствующихъ законахъ, объ ихъ непреложности, неизмѣняемости даже по волѣ всемогущаго Бога! Вѣдь если бы міръ представлялъ собою только механизмъ, дѣйствующій съ неумолимой, разъ навсегда установленной правильностью, тогда — какое жалкое зрѣлище

представлялъ бы родъ человѣческій? Къ чему были бы всё наши усилія, подвиги, всё волненія, радости? Зачѣмъ вложено въ насъ чуткое, трепещущее сердце, горячо отзывающееся на все, что происходитъ съ нами? Кто такъ зло подшутилъ надъ людьми, поставивъ ихъ въ желѣзные тиски отъ вѣка неизмѣнной закономѣрности и въ то же время одаривъ ихъ волей, чувствами, способностью страдать и радоваться? Кому пріятно было это зрѣлище бесполезной борьбы, усилій, всевозможныхъ безпокойствъ и волненій; къ чему эти слезы, льющіяся рѣвой и ранней и поздней порой; къ чему всё страданія, если бы заранѣе все было предопредѣлено съ неизбѣжной необходимостью?

Какъ!? — говорите вы, Самъ Богъ не можетъ измѣнить Своихъ законовъ? Не можетъ проявить Своего благоволенія тѣмъ, кто Его любитъ? До такой степени связанъ созданными Имъ же Самимъ законами, что нѣтъ ихъ нѣтъ мѣста ни Его могуществу, ни Его любви, ни Его свободѣ? Что законы Его обладаютъ большимъ могуществомъ, чѣмъ Онъ — Самъ Законодатель? Отрицайте, если это вамъ нравится, и всемогущество, и любовь, и свободу въ Богѣ, но тогда ужъ идите далѣе и утверждайте, что нѣтъ Бога, кромѣ законовъ, управляющихъ нами... А! вы, значить, знаете какіе-либо законы, которые могутъ держаться сами собою, помимо силы, стоящей за ними, существующіе безъ Законодателя?! Вы не хотите этого неизбѣжнаго слѣдствія, вы отступаете предъ нимъ? Тогда по какому же праву, на какомъ основаніи вы ставите предѣлы могуществу Божию, какъ можете помѣшать Богу устроить все въ мірѣ ко благу любящихъ Его и призывающихъ Его?

Нѣтъ! ужъ по нашему мнѣнію несравненно правѣе тѣ, которые всякій разъ при наступленіи ли Новаго года или по какому-либо другому поводу ожидаютъ какихъ-нибудь случайностей, непредвидѣнныхъ перемѣнъ въ своей судьбѣ, чѣмъ вы съ своими слѣпо дѣйствующими законами, потому что тѣ,

хотя и скрытно и бессознательно, признаютъ все-таки нѣкую силу, властвующую надъ міромъ и могущую давать то или другое направленіе теченію дѣлъ человѣческихъ.

Мы отлично знаемъ, что нашъ Богъ есть Богъ порядка, что Онъ управляетъ міромъ посредствомъ законовъ. Но подумайте только: законы ли производятъ всё явленія въ мірѣ, даже въ физической природѣ? Нѣтъ, дѣйствуютъ силы природы, а законы ничего не производятъ, — они означаютъ лишь правильную смѣну и послѣдовательность явленій и ничего болѣе. Но что мы видимъ въ природѣ? Не уступаютъ ли на нашихъ глазахъ низшія силы дѣйствию высшихъ: физическія — химическимъ, химическія — органическимъ? Наконецъ, человѣкъ, при помощи высшихъ духовныхъ силъ, не измѣняетъ ли порядковъ природы, которые, какъ всякому хорошо извѣстно, были бы иные безъ его вмѣшательства? При такой нейтрализаціи, при такомъ подчиненіи низшихъ силъ высшимъ, не отмѣняется вѣдь ни одинъ изъ законовъ природы, и каждому ясно, что безъ вмѣшательства высшихъ силъ въ низшія послѣднія дѣйствовали бы въ прежнемъ однообразно-неизмѣнномъ порядкѣ. Но если въ физической природѣ высшія силы видоизмѣняютъ или приостанавливаютъ дѣйствіе низшихъ, если человѣкъ, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, способенъ направить по своей волѣ или приостановить дѣйствіе силъ природы, — Создатель ли міра не можетъ производить того же самаго въ размѣрахъ, безконечно болѣе обширныхъ, для осуществленія Своихъ намѣреній?!.. Нѣтъ, не отъ случайностей, не отъ однихъ законовъ, управляющихъ міромъ, зависимъ мы: мы всецѣло во власти Того, Кто властвуетъ надъ всѣмъ! Итакъ да несутся наши мольбы и на Новый годъ къ Нему съ непоколебимой вѣрой, что Онъ услышитъ насъ, что Онъ можетъ исполнить наши во благихъ прошенія, что Онъ исполняетъ ихъ для тѣхъ, кто проситъ, не колеблясь въ своей вѣрѣ и въ своемъ упованіи!

Но опытъ, опытъ ежедневной жизни! — спѣшать сказать намъ съ побѣдоносною силою. Развѣ не разрушаетъ онъ всё наши иллюзіи? Хорошо — надѣйтесь, молитесь, просите небо о помощи. Но развѣ вы будете отъ этого въ большей безопасности? Развѣ горькія разочарованія и неудачи рѣже постигаютъ васъ? Или болѣзнь забываетъ васъ? Или смерть рѣже заходитъ въ ваши жилища? Не похищала ли неумолимая смерть въ минувшемъ году нашихъ близкихъ, не разбирая ни пола, ни возраста, ни достоинства, ни состоянія, вопреки всѣмъ предположеніямъ, чаяніямъ, надеждамъ и даже молитвамъ? Ничто не могло защитить ихъ отъ грознаго удара смерти, никто не могъ предвидѣть избранной ею жертвы. Развѣ не видѣли мы, какъ убѣленные сѣдинами старцы плакали надъ свѣжими могилами незадолго еще столь полныхъ жизни и крѣпкихъ мужей и юношей; какъ неожиданно и безжалостно разрывались смертію златыя узы, соединявшія сердца супруговъ, между тѣмъ какъ все, повидимому, обѣщало имъ счастливую и радостную жизнь; какъ внезапно смыкались сномъ смерти очи счастливцевъ, окруженныхъ всѣми благами міра, у которыхъ самая жизнь, казалось, была застрахована отъ всякой опасности? Или вы иначе относитесь ко всѣмъ ударамъ судьбы? Можетъ-быть, ваше сердце не разрывается отъ горя при гробѣ любимого сына, дорогой супруги? Можетъ-быть, всякое горе, сколько велико ни было бы, только скользя по поверхности вашего сердца? Но нѣтъ! Вы также страдаете, также разочаровываетесь, также приходите въ отчаяніе!..

О, мудрость вѣка сего! Не въ правѣ ли мы, искренно вѣрующіе въ Промыслъ Божій, обращающіеся съ молитвою къ Богу живому, могущему избавлять насъ отъ золъ житейскихъ, не въ правѣ ли мы сказать вамъ, что вотъ вашъ взоръ скользя только по поверхности жизни, не проникая дальше видимаго, земного благополучія. Для васъ, должно-быть, истинное счастье

заключается только въ свѣтскомъ успѣхѣ, въ здоровьи, въ славѣ, въ богатствѣ, въ удовольствіяхъ.

Вотъ одинъ мечталъ о богатствѣ, силѣ, вліяніи, почестяхъ— и вдругъ всё его планы рушатся, благосостояніе колеблется, здоровье надламывается, земная карьера гибнетъ безвозвратно.

Вотъ иная мечтала о блестящихъ побѣдахъ въ свѣтѣ, объ упоительной роскоши, о разнообразныхъ очарованіяхъ жизни— и вдругъ горькая дѣйствительность обманутаго чувства разбитыхъ впрахъ ожиданій.

Или вотъ вдова, надрываясь отъ работы, растила единственнаго сына, свое неоцѣненное сокровище. Какъ она радовалась его успѣхамъ, какъ трепетало новой жизнью ея сердце всякій разъ, какъ она встрѣчала его, бодрого и цвѣтущаго красотою юности! Съ какимъ нетерпѣніемъ считала дни и часы до того счастливаго момента, когда онъ, съ окрѣпшими силами, вступитъ на жизненное поприще, а она сложитъ съ себя непосильное уже ей бремя трудовъ — «развѣ онъ допуститъ это, развѣ онъ не успокоитъ меня!» И вдругъ — смерть разрушаетъ всё эти надежды! Ея сынъ неожиданно, въ два-три дня, умираетъ!

Жестоко!—скажете вы.

Придите на помощь намъ всё страдавшіе, всё испытавшіе жесточайшіе удары судьбы! Не затѣмъ взываемъ мы къ вамъ, чтобы равнодушнымъ словомъ говорить о вашихъ испытаніяхъ, даже не затѣмъ, чтобы утѣшить васъ. Мы прямо признаемся, что для иныхъ горестей нѣтъ утѣшеній на языкѣ человѣческомъ! Нѣтъ, мы просимъ васъ—самыхъ компетентныхъ судей въ данномъ случаѣ—сказать намъ, не научились ли вы среди сокрушительныхъ ударовъ несчастія различать невидимую десницу всеблагаго Провидѣнія, судившаго вамъ пройти тяжелую, не вами самими избранную, школу, не видали ли вы иной разъ столь осязательныхъ доказательствъ

Промысла Божія, что они даже среди страшныхъ испытаній вырывали у васъ слезы умиленія и признательности?

Вотъ предъ нами примѣръ, поистинѣ поразительный! «Знаемъ,—говоритъ твердо св. апостолъ Павелъ,—знаемъ, что любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу» (Римл. VIII. 28). Провозвѣстники и поклонники слѣпо дѣйствующихъ законовъ! вы стоите здѣсь предъ непонятной для васъ загадкой. Припомните все: слабости и немощи апостола, его неудачи, бѣдность, опасности, караблекрушенія, непрерывныя преслѣдованія, козни враговъ, непримиримую ненависть іудеевъ, издѣвательства язычниковъ, заботы, терзанія, томленія, слезы, затрудненія въ дорогѣмъ ему дѣлѣ—проповѣди евангелія, его обремененное оковами и израненное тѣло, мрачную темницу въ Римѣ, одиночество послѣднихъ минутъ жизни, наконецъ мученическую кончину... Не довольно ли всего этого съ избыткомъ для того, чтобы поколебалась его вѣра въ Провидѣніе? Но смотрите, какъ въ самыхъ бѣдахъ и злоключеніяхъ онъ почерпаетъ новыя силы; какъ, подъ бременемъ сокрушительныхъ испытаній, онъ самъ становится все болѣе смиреннымъ, милосерднымъ; какъ ширится его сердце, подобно потоку, преодолюющему преграды; какъ онъ растетъ все выше и выше, становится тѣмъ сильнѣе, неодолимѣе, чѣмъ больше страдаетъ; какъ вѣра его побѣдоносно разсѣваетъ всё тучи, готовыя охватить его, и сіяетъ все ярче, все свѣтлѣе.

Мы не дивимся этому, для насъ здѣсь нѣтъ загадки: мы знаемъ источникъ, откуда онъ почерпалъ свои силы. Мы знаемъ, что крестъ Распятаго былъ непрестанно предъ очами его души, что у подножія его онъ постигъ ту великую тайну, что любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу.

Нѣтъ! Скорби только тогда гнетутъ насъ, только тогда дѣлаются для насъ невыносимыми, когда лишены смысла, когда намъ неизвѣстны ихъ причины и слѣдствія. Но скорбь осмысленная, озаренная лучами вдали стоящей яркой цѣли,

ведеть насъ всегда ко благу, по волѣ пославшаго ее. Она иногда даже желательна, и это желаніе скорби выражено и облечено въ художественную форму въ извѣстныхъ словахъ: «я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!»

Вы же отнимаете послѣднее утѣшеніе, послѣднее прибѣжище для разбитаго, измученнаго скорбями, сердца человѣческаго!..

Нѣтъ человѣка, который былъ бы забытъ Отцомъ небеснымъ, нѣтъ того несчастливца, который бы не получалъ утѣшенія свыше, нѣтъ плачущаго, для котораго не просіявалъ бы лучъ радости! Только не станемъ ждать утѣшеній отъ случая, котораго на самомъ дѣлѣ не существуетъ, отъ какой-либо нечаянной удачи,—будемъ непрестанно молить и просить помощи и утѣшенія у Того, Кто одинъ только и можетъ ниспослать ихъ, Кто любвеобильно изрекъ слова, исторгавшія слезы восторга и умиленія у миллионъ страдальцевъ: «приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы» (Мѣ. 11, 28). Не будемъ говорить: что-то принесетъ намъ наступающій годъ, скажемъ лучше: *что речетъ* о насъ *Господь Богъ*,—Онъ, который разъ навсегда изрекъ уже: *миръ на люди своя и на преподобныя своя и на обращающія сердца къ Нему* (Пс. 48, 9). Скажемъ вмѣстѣ съ пророкомъ: «часть моя Господь, рече душа моя: сего ради пожду его. Блажь Господь надѣющимся на нѣ. Души, ищущей его, благо есть и надѣющейся съ молчаніемъ спасенія Божія (Іер. 2, 26).

Итакъ встрѣтимъ наступающій Новый годъ съ вѣрою въ недремлющій Промыслъ Божій! Пусть даже будущее не обѣщаетъ намъ ничего новаго, пусть даже грозитъ бѣдствіями и близкою смертію,—вѣра все-таки сдѣлаетъ для насъ начало Новаго года свѣтлымъ праздникомъ. Помянухъ Бога и возвеселихся! (Пс. 76, 4). Вѣрую видѣти благая Господня на земли живыхъ! (Пс. 26, 14).

Привѣтствуемъ васъ, дѣти, если вы помните, что безъ

молитвы къ Богу и безъ Его благословенія вы не можете оказать истинно полезныхъ успѣховъ!

Привѣтствуемъ васъ, взрослые, если вы знаете, что во всѣхъ полезныхъ трудахъ главный источникъ силы есть Богъ!

Привѣтствуемъ васъ, обездоленные судьбою, нищие и убогіе, если вы помните, что каждый новый годъ дастъ вамъ новый опытъ преданности Тому, Кому *оставленъ есть нищій*, Кто слышитъ каждый вздохъ скорбнаго сердца и по мѣрѣ вашего терпѣнія умножаетъ тяготу славы небесной (2 Кор. 4, 17).

Привѣтствуемъ васъ, встрѣчающихъ Новый годъ съ мрачными предчувствіями: въ утро Новаго года надъ вашимъ домомъ не свѣтитъ радостная надежда! На этомъ истощенномъ болѣзньми лицѣ написано уже недоброе предвѣщаніе... но вѣра, вѣра! Приди и яви и здѣсь свою силу: въ тебѣ столько утѣшеній, сколько не могутъ дать всѣ блага міра сего, собранныя вмѣстѣ! Бѣдный страдалецъ, да будетъ благословенъ и этотъ годъ исхожденія, какъ былъ благословенъ годъ вхожденія твоего въ жизнь, если ты до конца пребылъ вѣренъ Господу!

Привѣтствуемъ васъ, счастливые и довольные своей судьбой, если только вы помните, что истинное значеніе земныхъ благъ для человѣка заключается въ возможности дѣлиться съ своими ближними. Привѣтствуемъ васъ съ новымъ счастьемъ совершить новые подвиги предъ лицомъ Того, Кто Себѣ вмѣняетъ всякое благодѣяніе, какое дѣлаете вы алчущему, жаждущему, неприютному. Много горестей и скорбей принесъ истекшій годъ, много унесъ въ вѣчность стоновъ и воплей, слезъ и воздыханій. Благо вамъ, если вы спѣшили отереть слезу плачущаго, оказать помощь безпомощному! Съ теченіемъ времени здѣсь на землѣ, можетъ-быть, и забудутся ваши благодѣянія, но не забудетъ ихъ Тотъ, Кто въ концѣ времени

воздасть каждому по дѣламъ его! Благо вамъ, если вы готовитесь на новые подвиги любви и утѣшенія!

Привѣтствуемъ всѣхъ, трудившихся на благо родины, на пользу общую, и молимъ у Подателя силъ благословенія на новые плодотворные труды!

Привѣтствуемъ васъ, всѣ православные христіане, если вы безъ смущеній и колебаній исповѣдуете всемогущество, безконечную благость Творца и Промыслителя, если вы вѣрите, что настанетъ день, когда Господь оправдаетъ всѣ пути Свои, когда не будетъ больше случая, а самый рокъ исчезнетъ, какъ бессмысленный бредъ, когда всѣ мы преклонимся предъ Господомъ и познаемъ, что всѣ пути Его неуклонно направлялись къ нашему благу и спасенію!

Да будемъ увѣрены всѣ, что какія бы испытанія ни предстояли намъ, истинный христіанинъ, съ помощью вѣры, овладѣетъ ими, и мы увидимъ его смиреннымъ, молящимся, благословляющимъ и обрѣтающимъ тайну истиннаго блага и величія, истиннаго торжества духа и праведности въ томъ, что грозило окончательно сокрушить его!

Любящимъ Бога все содѣйствуетъ ко благу!

II. Не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человекъ.

Ме. VI, 4.

Былъ конецъ сентября. Осень на ту пору стояла теплая, ясная. Выпадали деньки, когда бывало такъ свѣтло, какъ въ началѣ августа. У крестьянъ полевые работы уже окончены, страда сошла: и сѣно послѣднее давно убрали, и снопы съ поля свезены и сложены въ скирды, и съ озимымъ отсѣялись. Осенью работа больше около дома, подъ крышей, на гумнѣ, на огородѣ. Въ работѣ уже нѣтъ той лихорадочной поспѣшности, какъ въ страду, да и отдыхъ, хотя малый, необходимъ: мужики и сами поисхудали, и домашніе еле бродятъ.

День былъ воскресный. Крестьяне, побывавъ въ храмѣ Божіемъ и отдохнувъ немного послѣ обѣда, вышли на улицу, присѣли на завалинкахъ домовъ и начали толковать объ осени, объ урожаѣ. Урожай послалъ на тотъ годъ Господь обильный.

— Осень-то стоитъ какая румяная, точно лѣто, и не помнишь такой...

— Да, нечего гнѣвить Господа Бога. А помните, прошлымъ-то годомъ, дожди всю осень лили, что изъ ведра, бѣда одна...

— А бываетъ, что и такая осень, какъ теперь, много можетъ повредить,—замѣтилъ одинъ старичокъ, въ армякѣ, безъ шапки, опиравшійся на клюбу.— Нѣтъ лучше, если погода съ перемерзками. А и то сказать: осень всключить, да какъ-то

весна захочетъ! У Бога всего много: пойдутъ дожди, появятся вымочки,—своего зерна не сберешь. О-охъ, Господи помилуй!

Въ это время подошелъ къ крестьянамъ священникъ. Священникъ въ томъ селѣ былъ ласковъ съ крестьянами, учителемъ. Не пропускалъ онъ случая поговорить съ мужичками, напомнить имъ о долгѣ христіанскомъ.

— Здравствуйте, православные,—сказалъ священникъ, подходя къ крестьянамъ.

— Здравствуйте, батюшка,—отвѣтили прихожане.

При прибытіи священника всѣ они встали, сняли шапки и низко поклонились.

— О чемъ толкуете, братцы?

— Да вотъ осень-то послалъ Богъ тихую, благодатную, давно вишь не запомнать...

— И осень хороша, братцы, и урожай хорошъ,—замѣтилъ священникъ, съ удовольствіемъ поглядывая на стоявшіе по гумнамъ полные скирды хлѣба и вдыхая свѣжій деревенскій воздухъ, насыщенный запахомъ созрѣвшихъ овощей.—Господа Бога благодарить должно: продлить Онъ наши дни—проживемъ безъ нужды и въ хозяйствѣ кое-что исправимъ. Одно скажу вамъ вамъ, братцы: всѣ мы радуемся на милости Господни, всѣ довольны, да не забудемъ и главнаго: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ.

— Что это такое, батюшка? Растолкуй намъ, а мы послушаемъ, благо, на свободѣ.

— Это вотъ что значить, други мои: ни одинъ хлѣбъ, ни одно довольство во всемъ намъ нужно. Всѣ блага міра сего: и хлѣбъ, и скоть, и всякое богатство—служать только для поддержанія жизни нашего тѣла. Но у насъ есть еще бессмертная душа. Ей тоже нужна пища, только пища духовная.

— Какая же это пища для души? Разъясни намъ, кормилецъ,—сказало нѣсколько голосовъ заразъ, обступивъ священника.

— Пища духовная, божественная. Во-первыхъ, *Слово Божіе*: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ. *Слушать* или читать съ благоговѣніемъ *слово Божіе* и исполнять его, *исполнять волю Божію*, открытую намъ въ словѣ Божіемъ—вотъ первый долгъ христіанина. Самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ служить намъ въ этомъ высокомъ примѣромъ. Когда однажды ученики Его предложили Ему земную пищу, Онъ отвѣтилъ имъ: «Моя пища есть творить волю пославшаго Меня и совершить дѣло Его». Второе, что намъ необходимо для насыщенія духовнаго—*тѣло и кровь Христовы*, какъ Самъ же Господь научилъ насъ. «Плоть моя истинно есть пища, и кровь моя истинно есть питіе. Я есмь хлѣбъ жизни: приходящій ко Мнѣ не будетъ алкать и вѣрующій въ Меня не будетъ жаждать никогда». Такимъ образомъ неопустительно посѣщать храмъ Божій и насколько можно чаще причащаться тѣла и крови Христовой—второй долгъ всякаго истиннаго христіанина. Разсудите же сами, какъ это важно. Мы всѣ трудимся, чтобы успокоить, удовлетворить всѣ нужды тѣла, а душа-то вѣдь гораздо важнѣе тѣла... Если забудемъ о ней, то она, бѣдная, томится и умираетъ съ голода.

— Видимъ, батюшка, что святую правду сказалъ ты намъ. Не обезсудь, скажи намъ еще одно: когда мы отоцаемъ—вѣдь точно боль какую чувствуемъ въ себѣ, и тѣло все ослабнетъ, и ноги не ходять, и руки точно плети... Отчего же, къ примѣру сказать, не такъ явно чувствуется голодъ-то духовный?

— Что это говорите вы, православные? Какъ же это человѣкъ можетъ не чувствовать глада духовнаго! Подумайте только, что на землѣ мы—временные жильцы,—мы созданы для неба. «Странникъ я у Тебя и пришелецъ, какъ и всѣ отцы мои!» говоритъ Давидъ. Наша родина, наше настоящее, истинное жилище—небо! Какъ воинъ на чужой сторонѣ

тоскуетъ по родинѣ, какъ растеніе всякое, всякій цвѣтокъ обращается къ солнцу, такъ душа наша стремится къ Солнцу Вѣчной Правды и блаженны алчущіе и жаждущіе правды!..

Въ нашей трудовой, суетливой жизни подчасъ думается намъ, что вотъ - вотъ немного бы еще, какой-нибудь лишній достатокъ, ту да другую нуждишку бы вотъ исправить, и мы были бы довольны. Слыхалъ я и то: «Хорошо жить богатымъ. Что не пожелаютъ, все у нихъ есть!» Нѣтъ, не все, други! Если бы для нашего полнаго счастья достаточно было однихъ благъ земныхъ, тогда мы могли бы видѣть и здѣсь на землѣ людей вполнѣ счастливыхъ. Но ихъ нѣтъ, братцы! И сквозь золото слезы льются! Ни груды серебра и золота, ни почести и слава, никакія утѣхи земныя не могутъ вполнѣ насытить души нашей, которая создана для Бога и по природѣ своей стремится только къ Богу. Да на примѣръ это вамъ будетъ виднѣе. Вотъ что говоритъ премудрый царь Соломонъ: «Я предпринялъ большія дѣла; построилъ себѣ дома, посадилъ себѣ виноградники, устроилъ себѣ сады и рощи и насадилъ въ нихъ всякія плодovitыя деревья; сдѣлалъ себѣ водоемы для орошенія изъ нихъ рошей, произрастающихъ деревья; приобрѣлъ себѣ слугъ и служаногъ, и домочадцы были у меня; также крупнаго и мелкаго скота было у меня больше, нежели у всѣхъ бывшихъ прежде меня въ Иерусалимѣ, собралъ себѣ серебра и золота и драгоценностей отъ царей и областей; завелъ у себя пѣвцовъ и пѣвицъ и услажденіе сыновъ человѣческихъ—разныя музыкальныя орудія. И сдѣлался я великимъ и богатымъ больше всѣхъ, бывшихъ прежде меня въ Иерусалимѣ; и мудрость моя пребыла со мною. Чего бы глаза мои ни пожелали, я не отказывалъ имъ; не возбранялъ я сердцу моему никакого веселія, потому что сердце мое радовалось во всѣхъ трудахъ моихъ... И оглянулся я на всѣ дѣла мои, которыя сдѣлали руки мои, и на трудъ, которымъ трудился я,

дѣлая ихъ: и вотъ все—суета и томленіе духа, и нѣтъ отъ нихъ пользы подъ солнцемъ!»¹⁾

Вотъ видите сами, други: чего только недоставало премудрому царю? Отчего же томится духъ его? Оттого, что всѣ утѣхи богатства и власти служатъ только для услады тѣла и не могутъ насытить души нашей. Хотите знать, какъ душа стремится къ Богу, какъ алчетъ и жаждетъ питанія духовнаго? Послушайте, какъ у людей высокой души, у Божіихъ угодниковъ разгоралось это стремленіе къ Богу, эта жажда духовная. «Какъ лань желаетъ къ потокамъ воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже!—восълицаетъ царь и пророкъ Давидъ.—Жаждетъ душа къ Богу крѣпкому, живому: когда прииду и явлюсь предъ лице Божіе!» И слаще всего было ему слово Божіе, милѣе всего—храмъ Господень. «Господи, возлюбилъ я обитель дома Твоего и мѣсто жилища славы Твоей! Лучше меда устамъ моимъ!» Но совершенное и полное насыщеніе души нашей, сотворенной для наслажденія небесными благами, послѣдуетъ только за предѣлами гроба, въ жизни вѣчной. «Насыщуся, внигда явитимися славѣ Твоей!» взываетъ съ упованіемъ Давидъ. Потому-то угодники Божіи, у которыхъ особенно сильно разгоралось это стремленіе къ Богу, къ благамъ небеснымъ, иногда тяготились земною жизнью. Душа ихъ, горѣвшая любовію къ Богу, стремилась какъ бы вырваться изъ темницы тѣлесной.

— Велики, батюшка, святые-то угодники,—сказали мужички, набожно перекрестившись. — Да гдѣ жъ намъ, грѣшнымъ, до нихъ!

— Опять не дѣло говорите, православные. Угодники Божіи были такіе же люди, какъ и мы, но отличались отъ насъ только большимъ усердіемъ къ Богу, да жизнь старались про-

¹⁾ Екклесіастъ, II, 4—11.

водить непорочную. Не успокаивать себя такими словами: «гдѣ, молъ, намъ до нихъ?» а подражать ихъ жизни—вотъ что нужно положить намъ на сердцѣ. Не лишены и мы, грѣшныя, милости Божіей. Не хочу хвалиться, а все-таки скажу, что, благодаря Господа Бога, всѣ вы у меня не лѣнны ходить въ храмъ Божій, гдѣ вы слышите слово Божіе. Затѣмъ всѣ говѣете и причащаетесь: кто—разъ, кто—дважды, а нѣкоторые изъ васъ и по четыре раза въ годъ. А готовясь ко святому причащенію, всѣ молимся Господу Богу: «да будетъ ми угль пресвятаго Твоего тѣла, и честныя Твоя кровя, во освященіе и просвѣщеніе и здравіе смиреннѣйшей моей души и тѣлу, во облегченіе тяжестей многихъ моихъ согрѣшеній... въ приложеніе божественныя Твоя благодати, и Твоего царствія присвоеніе» (молитва ко св. причащенію). Значитъ, и ваша душа все-таки насыщается. Возблагодаримъ Господа Бога, что мы родились въ православномъ государствѣ, подъ сѣнію матери нашей—православной Церкви, и намъ невозбранно подается пища небесная. Много на святой Руси храмовъ Божіихъ, и въ каждомъ уготована трапеза духовная. Но есть и между нами, православными, такіе люди, которые не заботятся о душѣ своей. Иные рѣдко посѣщаютъ храмъ Божій, а иные, хотя и посѣщаютъ, слово Божіе слышать и причащаются, да исполняютъ все это безъ усердія, съ нерадѣніемъ, точно по привычкѣ или изъ стыда передъ другими людьми.

Но развѣ, думаете можетъ-быть, развѣ такіе люди не чувствуютъ глада духовнаго?—Чувствуютъ, но гласъ души своей, просящей пищи духовной, они стараются заглушить заботами житейскими: иной предается сребролюбію, другой стремится къ почестямъ, третій губитъ жизнь свою въ пьянствѣ. «Много такихъ вещей, которыя умножаютъ суету»¹⁾. Но не насыщается душа всѣмъ этимъ, все чувствуетъ гладъ и томленіе, а не насыщается оттого, что не та

¹⁾ Екклесіастъ VI, 11.

пища предлагается ей, которая ей нужна. Это все равно, какъ если бы голодный вмѣсто хлѣба вздумалъ напиться пескомъ или камнемъ. И чѣмъ менѣе думаетъ человѣкъ о томъ, чтобы напиться душою истинною духовною пищею, тѣмъ болѣе разгорается гладъ его духовный, тѣмъ болѣе пожираетъ его, а насыщенія все нѣтъ, какъ нѣтъ, да и никогда не будетъ... И наступаетъ духовная смерть... Возьмемъ сребролюбца: чего только не дѣлаетъ онъ для удовлетворенія своей страсти? Что же, имѣетъ ли онъ хотя минуту покоя? «Одержимый пьянствомъ,—говоритъ Златоустъ,—можетъ хотя ночью протрезвиться, а сребролюбецъ пьянъ непрестанно, и днемъ, и ночью, и въ бодрственномъ состояніи, и во снѣ терпитъ наказаніе, большее всякаго узника, осужденнаго на тягостнѣйшее мученіе. Скажи же теперь, жизнь ли это? Не смерть ли? Не хуже ли всякой смерти?.. Сребролюбецъ ни о чемъ не хочетъ ни слышать ни говорить, какъ о ростѣ, о ростѣ на ростъ, о гнусной прибыли, о ненавистныхъ барышахъ, о торгахъ... Какъ собака на всѣхъ лаеетъ, всѣхъ ненавидитъ, всѣхъ отвращаетъ, на всѣхъ враждуетъ безъ всякой къ тому причины, вооружается на бѣдныхъ, завидуетъ богатымъ, ни съ кѣмъ не живетъ въ ладу... Что можетъ быть хуже такого безумія?.. Жалкій и бѣдный человѣкъ! не примѣчаешь, сколько людей относится на кладбище каждый день, не видишь, что они идутъ въ могилу нагими и лишенными всего, не только ничего изъ своей собственности не могутъ взять съ собою, но и то, чѣмъ прикрыты, должны уступить червямъ!»¹⁾ Хорошо еще, если хотя передъ смертію очнется человѣкъ, да пойметъ суету всей жизни своей и вспомнить объ истинной духовной пищѣ,—раскается...

— Истинная правда, батюшка! Охъ, осутились мы, ока-

¹⁾ Святаго отца нашего Іоанна Златоустаго толкованіе на посланіе къ Римлянамъ, переводъ съ греческаго, изд. 3, бесѣда XIII.

янные, ни дня ни ночи подлинно покоя не знаемъ, все о животахъ своихъ думаемъ...

— Лишняго не говорите, православные. Не много вижу я между вами сребролюбцевъ. Много всё вы трудитесь, и я тружусь вмѣстѣ съ вами. Трудитесь прилежно, до пота лица своего тоже Господь Богъ велѣлъ. Самъ Онъ опредѣлилъ трудиться намъ шесть дней въ недѣлѣ, а седьмой назначилъ для служенія Ему. Шесть дней далъ для заботы о немощной плоти, а седьмой для заботы о бессмертной душѣ. Вотъ седьмого-то дня и не отнимайте у души своей и у Бога, посвящайте его молитвѣ и слушанію слова Божія, а въ назначенные Церковью дни приступайте къ трапезѣ Господней. Я приводилъ примѣры изъ слова Божія да изъ жизни угодниковъ Божіихъ, а теперь приведу вамъ примѣръ изъ нашей обыкновенной жизни. Такъ-то вамъ еще понятнѣе будетъ... Я расскажу вамъ происшествіе, случившееся въ прежнемъ мѣстѣ моего служенія. На моихъ глазахъ все было... Вѣдь, чай, вы знаете, что до смерти моего покойнаго батюшки, на мѣсто котораго я къ вамъ поступилъ, мнѣ привелъ Богъ священствовать въ другомъ приходѣ, верстъ за 50 отсюда.

— Очень рады, батюшка, послушать; не откажи только ради Бога потрудиться побесѣдовать съ нами.

— Ну, слушайте же внимательно. Дѣло случилось такое, что стоитъ послушать, — сказалъ священникъ, усаживаясь вмѣстѣ съ прихожанами.

Жили въ прежнемъ приходѣ моемъ два брата-крестьянина. Старшаго звали Власъ, а младшаго — Акимъ; хотя и одной были матери, а характеры у нихъ вышли разные.

Правда и то сказать: старшій при жизни отца ѣздилъ въ городъ въ извозъ, а младшій работалъ больше дома при отцѣ-старикѣ. Старикъ-отецъ у нихъ былъ строгий, богобоязливой жизни, ни одной службы въ храмѣ Божіемъ не

опускалъ и дѣтей тому же училъ. Большака-то онъ отпустилъ въ городъ, а младшаго опредѣлилъ на зиму на ученіе къ дьячку. Учился онъ прилежно и черезъ три года уже толково читалъ псалтирь и помогалъ своему учителю управляться въ храмѣ во время службы Божіей. Возгорѣлась въ сердцѣ его любовь къ дому Божію да къ чтенію слова Божія, и поставилъ онъ себѣ за правило: работать изо всѣхъ силъ въ будни, а въ воскресные дни и праздники Господни неопустительно посѣщать храмъ Божій. Остальное время дня посвящалъ онъ чтенію слова Божія. Проведетъ онъ такимъ образомъ воскресный день, а въ понедѣльникъ куда раньше другихъ отправляется на работу.

Старикъ-отецъ умеръ. Большакъ вернулся изъ города и рѣшилъ раздѣлиться съ братомъ. Видно, городская жизнь не пропала для него даромъ: зашибъ — тогда еще говорили — копейку и задумалъ, крѣпко задумалъ разбогатѣть. Подѣлились. Акимъ попрежнему много трудился, но не забывалъ и о душѣ своей. Приходилось частенько въ будни видать его: голова его — видно было — не знала отдыха: съ утра до ночи онъ занятъ былъ разными хозяйственными заботами. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, крестьянину не подумать, не поработать головой? Прежде всего, нужно позаботиться о прокормленіи себя и семьи, потомъ подумать объ уплатѣ податей, а затѣмъ не грѣшно погадать и о томъ, чтобы домъ былъ какъ полная чаша. А сколько бываетъ другихъ тревогъ въ домѣ? То крестины, то свадьба, то храмовой праздникъ подойдетъ — все лишніе расходы!.. А сколько трудовъ лѣтомъ? тогда и лѣнливый не сходить съ полосы, а трудолюбивый Акимъ, бывало, такъ и мретъ на своей полосѣ. Не звю, когда онъ и спалъ-то лѣтомъ. Жена и дѣти не отстаютъ отъ самого. Зато при наступленіи воскреснаго дня Акимъ съ семьей первый спѣшитъ во храмъ. Всѣ чисто умыты, опратно одѣты, по-празднич-

ному, идутъ ровной, спокойной походкой, лица довольныя. Глядишь, бывало, и не удивишься: полно, да тотъ ли это Акимъ, который всю недѣлю убивался съ семействомъ на работѣ, съ лицомъ загорѣлымъ, иногда почернѣвшимъ отъ слоя вѣвшей пыли... Чинно отстоитъ Акимъ божественную службу, также спокойно, съ перевалочкой, дойдетъ до дома, пообѣдаетъ, отдохнетъ часокъ другой, а вечеромъ уже подходитъ къ завѣтной полочкѣ близъ образовъ, вынимаетъ изъ-подъ чистаго покрыва святую библию и съ благоговѣніемъ читаетъ ее, водя по строкамъ своими заскорузлыми отъ труда пальцами.

А Власъ не зналъ ни праздника ни будень. Забереть, бывало, у сосѣдяго помѣщика пустошныхъ покосовъ исполу, косить и въ будни и въ праздникъ, не даетъ покоя ни себѣ, ни семьѣ, ни работнику, а когда вырастилъ сына, то и сыну. Зайдетъ иногда вечеромъ къ брату, застанетъ его за чтеніемъ и начнетъ упрекать:

— О себѣ коли мало думаешь, брату бы помогъ. Пустяками занимаешься. Живешь по-барски.

Кротко взглянетъ Акимъ на брата да и промолвить:

— Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будегъ человекъ, братецъ.

Плюнетъ со злости большакъ.

— Грамотей, бѣлоручка! Шель бы въ монахи, какой ты мужикъ!

Одно исключеніе дѣлалъ Акимъ изъ своего праздничнаго времяпровожденія, когда, случалось, кто изъ сосѣдей, а иногда, нечего грѣха таить, и я приглашали на помощь. Что дѣлать: на помочи, извѣстное дѣло, просишь въ праздники, спорость тоже—прогульныхъ дней меньше. Теперь я ужъ не зову на помочи; а прежде бывало. Самъ идешь въ первой косѣ, глядишь—работаютъ большая часть вяло, одинъ Акимъ не отстаетъ. Акимъ не считалъ помощь въ праздники грѣ-

хотъ. «Не для себя, а для ближняго, — говорилъ онъ, — все равно, что для Бога».

Тяжелымъ трудомъ да Божьимъ благословеніемъ Акимъ достигъ нѣкотораго довольства. Изба крѣпка, заботливо ухлечена; есть и запасы, и скотина, и недоимокъ давно нѣтъ. Деньги на черный день найдутся въ кубышкѣ. Неустаннымъ трудомъ добился онъ зажиточности—и довольно съ него. О большемъ онъ и не думаетъ. Пора оглянуться и на старость да и за дѣтьми присмотрѣть. И дѣти у Акіма вышли въ отца. У него было два сына и дочь. Дочь отдана въ ближайшее село за приказчика, а сыновья при отцѣ. Оба трезвые, трудолюбивые работники, оба обучены грамотѣ и столь же, какъ отецъ, ревностны къ храму Божію. Слышалъ я недавно, что самъ Акимъ уже умеръ, умеръ тихо, честно, свято. Всѣ добромъ помянули покойника и задумались. «Вотъ настоящій былъ христіанинъ!» говорили многіе, стоя съ обнаженной головой надъ его могилой. Сыновья Акіма уже женились, имѣютъ дѣтей и, помня завѣтъ отца, воспитываютъ ихъ въ страхъ Божіемъ.

Не такова вышла участь Власа. Онъ, какъ говорится, зарвался. Не довольствуясь честнымъ крестьянскимъ трудомъ, онъ задумалъ сдѣлаться міроѣдомъ, открыть кабакъ. Денегъ однако у него не хватило: нужно было и подарить кого слѣдуетъ, и односельчанъ угостить, и избу пристроить, и все заведеніе, какъ слѣдуетъ, обрядить. Пришелъ къ Акіму попросить денегъ взаймы.

— Одолжи, братъ, что можешь, втрое отдамъ.

Крѣпко задумался Акимъ и наконецъ наотрѣвъ отказалъ.

— Да ты не сумнѣвайся, говорю тебѣ: втрое отдамъ.

— Недоброе ты дѣло затѣялъ, братъ! Вотъ тебѣ мой совѣтъ: живи, какъ жили старики наши, честнымъ крестьянскимъ трудомъ.

— Много ты взял отъ твоего крестьянскаго-то труда? Чай, гроши какіе въ кубышкѣ.

— Не о хлѣбѣ единомъ живѣ будетъ человѣкъ, братъ. И о душѣ подумать надо. Какая польза, сказано въ писаніи, какая польза человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою? ¹⁾

— Ты дѣло говори: отчего денегъ не даешь?

— Оттого и не даю, что ты затѣялъ недоброе дѣло, — будешь кровь сосать изъ ближнихъ, чужимъ добромъ богатѣть...

— Вотъ милостивецъ нашелся! Было бы кого жалѣть-то. Что проку въ ближнихъ-то твоихъ! Погляди на нихъ: все голъ одна... Чего жалѣть-то ихъ?

— А ты научи ихъ уму-разуму, а случится, такъ и помоги; чѣмъ Богъ послалъ, если видишь нужду. Надъ нуждой не смѣйся, тѣмъ паче не помышляй; усугубитъ нужду своихъ ближнихъ.

— Незачѣмъ учить ихъ да и некогда, а просто-напросто нужно закабалить себѣ всѣхъ: по крайней мѣрѣ, не на вѣтеръ все пойдетъ.

Поблѣднѣлъ Акимъ при послѣднихъ словахъ брата, всталъ изъ-за стола и, поднявъ неволью руку, громко вскрикнулъ:

— Нѣтъ! не будетъ тебѣ Божьяго благословенія на твое кровопивство!

Злобно сверкнувъ глазами и сжавъ кулаки, Власть тоже поднялся съ мѣста, съ минуту постоялъ, смотря въ упоръ на брата, затѣмъ быстро схватилъ шапку и кривнулъ, вставши въ дверяхъ:

— Не братъ ты мнѣ съ этихъ поръ! Порога моего не знай, мимо дома моего не ходи!

Долго не могъ успокоиться Акимъ по уходѣ брата. День

¹⁾ Мѣ. 16, 26.

былъ праздничный. Приди въ себя отъ волновавшихъ его чувствъ, Акимъ, по обыкновенію, благоговѣнно подошелъ къ полочкѣ, досталъ св. евангеліе. Ему открылось слѣдующее мѣсто: «Смотрите, берегитесь любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависить отъ изобилія его имѣнія. И сказалъ имъ притчу: у одного богатаго человѣка былъ хорошей урожай въ полѣ; и онъ разсуждалъ самъ съ собою: что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собирать плодовъ моихъ. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое. И скажу душѣ моей: душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы; покойся, ѣшь, пей, веселись. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу твою возьму у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? Такъ бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ. И сказалъ ученикамъ Своимъ: посему говорю Вамъ, не заботьтесь для души вашей, что вамъ ѣсть, ни для тѣла, во что одѣться. Душа больше пици и тѣла—одежды. Посмотрите на вороновъ: они ни сѣютъ ни жнутъ; нѣтъ у нихъ ни хранилищъ ни житницъ, и Богъ питаетъ ихъ; сколько же вы лучше птицъ? Да и кто изъ васъ, заботясь, можетъ прибавить себѣ росту хотя на одинъ локоть! И такъ, если и малѣйшаго сдѣлать не можете, что заботитесь о прочемъ? Посмотрите на лиліи, какъ онѣ растутъ: ни трудятся ни прядутъ, но говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ. Если же и траву на полѣ, которая сегодня есть, а завтра будетъ брошена въ печь, Господь такъ одѣваетъ, то кольми паче васъ, маловѣры. И такъ не ищите, что вамъ ѣсть или что пить, и не безпокойтесь. Потому что всего этого ищутъ люди міра сего: *вашъ же Отецъ знаетъ, что вы имѣете нужду въ томъ. Наипаче ищите царствія Божія, и это все приложится вамъ* ¹⁾.

¹⁾ Луки 12, 15—31.

Умилилась душа Акима. Слезы закапали изъ глазъ его, и ему отъ души стало жаль старшаго брата, но чѣмъ пособить горю, онъ не зналъ.

Власъ открылъ питейное заведеніе. Загружилось село, пропивались деньги, заработанныя тяжкимъ трудомъ, и, если денегъ не было, пропивалась самая жизнь. Сохи, бороны, телѣги, скотъ, одежда, будущій урожай, — все пошло въ кабакъ и словно пропадало въ ненасытной утробѣ кабачника. Власъ богатѣлъ, но ему все казалось мало. При кабакѣ открылъ лавочку: тамъ все можно купить, весь деревенскій скрабъ. Къ чему корпѣть дома, сидѣть за гребнемъ — все можно купить у Власа Кондратьича. И денегъ не надо: знай, хребта не жалѣй. Кондратьичъ своего ни гдѣ не упуститъ! На то онъ и міроѣдъ! Онъ те, братъ, укажетъ, гдѣ и какъ хребетъ поломать...

Вмѣстѣ съ тѣмъ міроѣдъ все болѣе и болѣе грубѣлъ душою. Онъ сдѣлался, по словамъ Акима, настоящимъ кровопійцею и видимо разорялъ село. Пробовалъ я ему и не одинъ разъ говорить о душѣ его, о судѣ Божіемъ — все понапрасну! Рѣдко и въ церковь ходить сталъ... Однажды послѣ одного очень темнаго поступка Власа (дѣло было Великимъ постомъ) на исповѣди сталъ я ему говорить: побойся Бога, Власъ Кондратьичъ! Судъ Божій не далеко... Исправь свой послѣдній поступокъ, а то я тебя не разрѣшу и до святого причастія не допущу. Ты о душѣ своей позабылъ, позабылъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ... Такъ что же вы думаете? пересталъ и на исповѣдь съ тѣхъ поръ ходить и не причащался нѣсколько лѣтъ. Пробовалъ усовѣщивать его, грозилъ, — все было напрасно. И рѣшилъ я все предоставить волѣ Божіей. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Власъ богатѣлъ все болѣе и болѣе, выстроилъ себѣ каменный домъ, отстроилъ заново лавку. Вся деревня была у него въ кабалѣ. Особенно грустно бывало въ праздники. Народу въ церковь стало ходить

немного. Большая часть отправлялась зарабатывать свои долги Власу Кондратьичу, а вечеромъ разгулъ, пьянство, драги... Наконецъ пришло въ голову міроѣду устроить въ нашемъ селѣ по праздникамъ базары. Городъ былъ отъ насъ далеко, а село наше большое, на бойкомъ мѣстѣ, на большой дорогѣ, — мало, видно, показалось ему ѣсть своихъ односельчанъ, задумалъ жителей и окрестныхъ деревень затянуть въ ту же петлю. Охъ, ужъ эти базары въ праздничные дни! И ѣдутъ-то часто на эти базары не изъ какой-нибудь надобности, а такъ больше по привычкѣ или изъ желанія провести тамъ весело время да растратить послѣдніе гроши. А хуже всего то, что многіе изъ крестьянъ отправляются на базаръ не одни, а берутъ съ собой безо всякой надобности женъ и дѣтей. Выручатъ они гроши, да тутъ же на мѣстѣ торгова все и истратятъ, — мужья, а иногда и жены, на пьянство, дочери на излишнія украшенія, дѣти на лакомства, и вмѣсто нужныхъ для хозяйства вещей приносятъ въ свой домъ одну порчу, растлѣніе нравовъ. Повадятся гдѣ ѣздить въ праздники на базаръ, такъ и знай, что явится охлажденіе къ церкви и къ вѣрѣ. Да и не мудрено: неосвящаемые таинствами церкви, лишенные пастырскаго наставленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и твердыхъ понятій объ истинахъ вѣры, крестьяне поддаются легко всякому вредному вліянію. Отсюда закоснѣлость въ невѣжествѣ, разныя суевѣрныя или изувѣрныя понятія, упадокъ нравственности...

— Вѣрное слово сказалъ ты, батюшка! — замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ. — Приходилось мнѣ бывать по моему промыслу въ разныхъ мѣстахъ; бывалъ я и въ Казанской губерніи и на Литвѣ. Посмотришь на татаръ: какъ они чтутъ свою пятницу, и какъ бы въ укоръ намъ, христіанамъ, не дозволяютъ никому изъ своей братіи ни торговли ни другихъ житейскихъ заботъ. Даже у евреевъ торговля по городамъ, по селамъ, по всякимъ мѣстечкамъ въ субботу кончается. А въ день воскресный съ самаго разсвѣта торговая площадь, да

еще вблизи храма, полным-полна. Тамъ въ храмѣ Божья служба совершается, а здѣсь на базарѣ—шумъ, крикъ, брань, сквернословіе... позоръ христіанству, одно слово...

— Слыхалъ и я объ этомъ, — сказалъ священникъ. — Въ томъ-то и горе наше, что замѣчается въ насъ ослабленіе усердія къ вѣрѣ нашей православной, все болѣе мы вдаемся въ суету житейскую, да забываемъ святое евангельское слово, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ... Такъ вотъ и задумалъ нашъ Власъ Кондратьичъ устроить базары по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ нашемъ селѣ, началъ хлопотать, да Господь, видно, услышалъ молитву мою горячую, не пустилъ великому злу... Семей не порадовалъ Богъ міроѣда. Жена у него умерла рано, а изъ дѣтей всего былъ только одинъ сынъ. Парень вышелъ бойкій, развязный, помогать отцу во всѣхъ его дѣлахъ. А старикъ, должно-быть, только и любилъ на свѣтѣ одного сына-наслѣдника. Загулялъ однажды одинъ мужичокъ, пилъ нѣсколько дней, буйствовалъ да, несмотря на вопли и слезы жены, все и спустилъ міроѣду. Наконецъ очнулся: нѣтъ у него ни зерна, ни скотины, ни сруи, ни сохи... Холста что было въ домѣ, одежки — все оказалось въ кладовыхъ у Кондратьича. Видитъ—дѣло плохо, рукъ приложить не къ чему,—надѣвай суму или помирай съ голоду. И взяла его злоба на міроѣда. «Кабы не опъ, разоритель, такъ развѣ бы пропало все такъ даромъ». Не приходило одного въ голову несчастному мужику, что въ его горѣ никто другой, какъ онъ самъ, не виноватъ. Ходилъ день-другой пасмурный, мрачный, отъ людей отворачивался. На третій отправился къ міроѣду.

— Что пришелъ? Аль принесъ еще что?

— Пришелъ я къ тебѣ, Власъ Кондратьичъ, съ поклономъ. Возьми по-христіански деньгами или работой за то, что я у тебя забралъ въ эти дни, когда загулялъ. Отдай мнѣ назадъ

мое добро. Христомъ-Богомъ клянусь, все отработаю или заплачу дочиста, если разочтешь по-божьи.

Говоритъ это мужикъ, а у самого глаза горятъ точно уголья, лицо блѣдное какъ у мертвеца, руки дрожать.

— Не на того, братъ, попалъ. Поворачивай оглобли да отходи подальше...

— Такъ не отдашь честнымъ манеромъ?!

— Ступай вонъ, говорятъ тебѣ: что съ возу упало, то пропало.

— Извергъ ты, кровопивецъ, грабитель ты нашъ!—завопилъ мужикъ.

— Эй,—закричалъ Кондратьичъ,—кто тамъ? Вязать злодѣя, въ кандалы его...

На крикъ міроѣда прибѣжалъ его сынъ, молодецъ лѣтъ двадцати-двухъ, кинулся было на мужика, который стоялъ въ углу и дрожалъ весь точно въ лихорадкѣ.

Въ одно мгновеніе въ рукахъ у мужика свергнулъ большой ножъ. Вскрикнулъ молодой человѣкъ и точно подрубленное дерево повалился на землю. Ни стонъ ни вздохъ больше не было. Ножъ угодилъ ему прямо въ сердце.

Прибѣжали работники, сбѣжались сосѣди, поднялась страшная суматоха. Тотчасъ дали мнѣ знать: поспѣшилъ я съ св. дарами, гляжу—уже поздно.

Покойникъ лежалъ на столѣ; въ сѣняхъ вязали убійцу. Кондратьичъ метался какъ безумный: волосы на головѣ встопорены, щеку зашибъ до крови, глаза красные, рѣчи безсвязныя, страшныя... Не стану вамъ и рассказывать всѣхъ подробностей. Похоронили молодого человѣка. Отецъ все время былъ въ безпамятствѣ, не былъ и на похоронахъ. Съ нимъ случилась тяжкая болѣзнь,—горѣлъ весь, какъ въ огнѣ. Въ бреду говорилъ все о страшныхъ адскихъ мученіяхъ, о гееннѣ огненной, о сатанѣ, которому онъ будто продалъ душу... Страшно было видѣть его, не то что ходить за нимъ. Акимъ

сь сыномъ на время болѣзни поселились у него и ни на минуту не спускали глазъ съ несчастнаго, ночи не спали — боялись самоубійства. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Болѣзнь стала ослабѣвать, сталъ приходить Власъ въ себя, наконецъ совсѣмъ оправился. Узналъ брата, вспомнилъ все — и зарыдалъ какъ ребенокъ. Бросился Акимъ на шею и крѣпко обнялъ его... Переродился Власъ, сталъ другимъ человекомъ. И порѣшили они вдвоемъ раздѣлить все нажитое добро на двѣ части: одну отдать на пользу своихъ односельчанъ, а другую пожертвовать на храмъ Божій. А самъ Власъ рѣшилъ не оставаться больше дома и отправился ко святымъ мѣстамъ. Слышалъ я: ходитъ онъ по селамъ и городамъ, собираетъ мѣстное подаяніе на построение храмовъ Божіихъ, по временамъ присылаетъ о себѣ вѣсточку своимъ племянникамъ, не забываетъ и меня, — пишетъ, что навѣститъ непременно, когда надумаетъ вернуться на родину. Спрашивалъ я Акима, какъ все это у нихъ стало, какъ пришло въ голову такое рѣшеніе. «А какъ сталъ, — говорилъ мнѣ Акимъ, — приходитъ Власъ въ себя, такъ тихъ сдѣлался, точно овечка. И проситъ меня: братецъ, ты часто училъ меня, окаяннаго, Божіимъ словомъ. Не хотѣлъ я послушать тебя въ тѣ поры, за то и наказалъ меня Господь Богъ. Поговорилъ со мной попрежнему, скажи, что у тебя на душѣ, не утай, родимый... — И сталъ я ему говорить: главная твоя вина, братецъ, была та, что позабылъ ты о душѣ своей, позабылъ, что не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ. И много говорилъ я ему отъ писанія. Такъ во время этихъ разговоровъ и случилось у насъ это дѣло. — «Послужу, говоритъ Власъ, дѣлу Божію, поработаю Господу Богу за грѣхи мои тяжкіе».

Разказъ священника произвелъ видимое впечатлѣніе на прихожанъ. Воспользовавшись этимъ, батюшка прибавилъ имъ нѣсколько мудрыхъ словъ.

— Такъ-то, други мои. Помните это святое слово: «не о

хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ». Работайте, трудитесь, не жалѣя силъ своихъ, и деньги копите, крѣпче копите на черный день, да не забываете о душѣ своей. И не только намъ, грѣшнымъ, нужно помнить великое это слово, а и цѣлому народу. Читалъ я въ книгахъ: крѣпки и могучи были инныя царства и много добра произвели, когда думали не о стяжаніи только, не о наживѣ... Плохо тому народу, который погрузится только въ заботы о житейскихъ благахъ, а Бога забудетъ. Наше дорогое отечество не даромъ прозывается *святой Русь*. Предки наши въ самыя тяжелыя времена не забывали православной вѣры Христовой, свято хранили ее, какъ самое дорогое свое достояніе. Тѣмъ и крѣпка была всегда Русь. И въ будущемъ никакіе враги намъ не страшны будутъ, всѣ бѣды мы перебудемъ, если крѣпко станемъ мы, русскіе люди, держаться за свое вѣковое священное знамя — за вѣру православную. Всѣ блага міра преходящи, всякая сила и могущество земное со временемъ исчезаетъ, не исчезнетъ только, но будетъ стоять непоколебимо до скончанія вѣка вѣра въ Господа Спасителя нашего и Церковь Его святая».

На небѣ уже догоралъ послѣдній лучъ солнца. Въ воздухѣ становилось прохладно. Наступила темнота. Поднялся священникъ съ завалинки, поднялись и мужички, отвѣсили низкій поклонъ батюшкѣ.

— Покорнѣйше благодаримъ, кормилецъ, что не полѣнился побесѣдовать съ нами, словъ своихъ золотыхъ не пожалѣлъ.

— Всегда радъ, други мои. Постойте-ка: кто-то бредетъ къ намъ, — проговорилъ священникъ, взглядываясь въ темнѣвшую даль.

Всѣ остановились, точно замерли, у всѣхъ разомъ на сердцѣ сказалось: «не Власъ ли?»

— Точно это — Власъ! — воскликнулъ священникъ. — Онъ, онъ! Его тихая походка. Вонъ на груди икона мѣдная...

Подошелъ старикъ сѣдой, согбенный, но со свѣтлымъ, врот-

кимъ лицомъ. Появленіе Власа произвело сильное впечатлѣніе на крестьянъ.

— Здравствуй, родимый, благослови меня, — проговорилъ Власъ, подходя къ священнику и звеня тяжелыми веригами. — Узналъ ли? Шутка сказать: годовъ, чай, 15 не видались... Пришелъ навѣдать родину, да вспомнилъ и о тебѣ.

Священникъ радостно благословилъ старца и горячо его поцѣловалъ.

— Чудно, Власъ Кондратьичъ. Весь вечеръ о тебѣ толковали, — разсказалъ я имъ всю твою исторію. Легокъ ты на поминѣ.

Обвелъ старецъ крестьянъ проткимъ взглядомъ, разгладилъ морщины на ясномъ лицѣ.

— Слушайте, други, со вниманіемъ своего батюшку... Слушайте слово Божіе и помните вѣчно, что *не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ*. Тамъ, — сказалъ старческимъ голосомъ Власъ, поднимая влоку къ небу, на которомъ высыпали яркія звѣзды и выплыла полная луна, — тамъ иной міръ ждетъ насъ, тамъ небо Господне, со ангелами Божіими да съ угодниками святыми, тамъ Престолъ Отца небеснаго...

Слова старца въ самое сердце запали крестьянамъ. Какъ одинъ человекъ, низко поклонились они великому горю и великому подвигу старца...

Христіанскій трудъ.

то бы вы сказали, читатель, о мыслительныхъ способностяхъ человека, который бы, напримѣръ, вздумалъ отрицать пользу, приносимую огнемъ, на томъ основаніи, что отъ огня происходятъ пожары, или вообще — отвергать множество общепользныхъ вещей на томъ только основаніи, что каждой изъ нихъ можно злоупотреблять? Вѣдь можно, напримѣръ, злоупотреблять пищей, объѣдаться и разстраивать здоровье, слѣдовательно... насущный хлѣбъ, пища ненужны, вредны, ихъ нужно изъять изъ употребленія... А между тѣмъ такъ разсуждаетъ, и разсуждаетъ со смѣлостью, не терпящею возраженій, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей нашего времени, именно гр. Л. Толстой... Можетъ-быть, вамъ покажется, что мы преувеличиваемъ, взводимъ какую-нибудь частную ошибку въ его разсужденіяхъ въ общій пріемъ его мышленія? *) Нѣтъ, мы говоримъ совершенно серьезно. Но вѣдь,

*) Не мы, конечно, первые указываемъ на этотъ удивительный пріемъ мышленія гр. Толстого. Въ своей замѣчательной книгѣ, написанной для разбора и критической оцѣнки новозымысленій нашего художника-писателя: „Въ чемъ должна заключаться истинная вѣра каждаго человека“, А. Орфано говоритъ: „Можно ли опредѣлять какое бы то ни было понятіе исключительно по его отрицательной сторонѣ? Если я буду опредѣлять государство, указывая только на ограниченіе, которое оно кладетъ на личную свободу, а умолчу о безопасности отъ вѣншихъ враговъ, о помощи въ бѣдствіяхъ, о средствахъ къ болѣе производительному труду и о множествѣ другихъ положительныхъ преимуществъ, которыя оно гарантируетъ той же личности, то само собою разумѣется, что я не буду имѣть истиннаго понятія о государствѣ. Или если, говоря о благотворительности, я укажу только, что вслѣдствіе невозможности отличить истинно бѣдныхъ отъ профессиональныхъ нищихъ она поддѣлываетъ нищенство, и умолчу о помощи, которую она несомнѣнно оказываетъ бѣд-

руководясь такимъ приемомъ, можно отвергать рѣшительно все на свѣтѣ? Совершенно вѣрно! Гр. Толстой такъ и поступаетъ. Пользуясь своимъ излюбленнымъ приемомъ, въ сущности очень наивнымъ, онъ отвергъ Церковь, государство, семейную жизнь. Теперь точно такъ же отвергаетъ одно изъ существеннѣйшихъ и необходимѣйшихъ условій человѣческой жизни, именно—трудъ. Дальше, кажется, уже и отрицать нечего...

Вотъ какъ разсуждаетъ о трудѣ извѣстный писатель въ своемъ недавнемъ сочиненіи, озаглавленномъ: «Недѣланіе»:

«Меня всегда уже давно поражало то удивительное, удивившееся особенно въ Западной Европѣ, мнѣніе, что трудъ есть что-то въ родѣ добродѣтели... и я уже не разъ удивлялся на это странное значеніе, приписываемое труду.

«Вѣдь только муравей въ баснѣ, какъ существо, лишенное разума, могъ думать, что трудъ есть добродѣтель; и могъ гордиться имъ...

«Сознанный трудъ, муравьиная гордость своимъ трудомъ дѣлаетъ не только муравья, но и человѣка жестокимъ. Величайшіе злодѣи челоѣчества всегда были особенно заняты и озабочены, ни на минуту не оставаясь сами съ собой безъ занятій или увеселеній.

нимъ, то буду ли я имѣть настоящее понятіе о ней? Такъ поступаетъ Л. Т. и съ понятіемъ о Церкви. Онъ указываетъ не на положительную сторону ея, которую она во всѣ XIX вѣковъ проявляла въ своемъ ученіи, въ жизни святыхъ, въ несомнѣнно умиротворяющемъ вліяніи на общество и государства и въ неизсякаемомъ источникѣ благодати, подающей духовную жизнь какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ народамъ, а на отрицательную ея форму, то-есть на то, что Церковь, по необходимости, попускаетъ, какъ временное зло, проистекающее отъ грѣховности челоѣка и челоѣчества, въ которомъ она Самимъ Господомъ установлена не для того, чтобы, чуждаясь и отрицательно относясь къ условіямъ жизни, она была бы бесполезна для спасенія людей, а для того, чтобы путемъ медленнаго, но вѣрнаго и несомнѣннаго пересозданія воссоединить это падшее челоѣчество, чрезъ всеумалостивительную жертву Христа Спасителя, съ Богомъ». 308.

«Но если даже трудолюбіе не есть явный порокъ, то ни въ какомъ случаѣ оно не можетъ быть добродѣтелью. Трудъ такъ же мало можетъ быть добродѣтелью, какъ питаніе. Трудъ есть потребность, лишеніе которой составляетъ страданіе, но никакъ не добродѣтель. Возведеніе труда въ достоинство (добродѣтели) есть такое же уродство, какимъ бы было возведеніе питанія челоѣка въ достоинство и добродѣтель. Значеніе, приписываемое труду въ нашемъ обществѣ, могло возникнуть только какъ реакція противъ праздности, возведенной въ признакъ благородства и до сихъ поръ еще считающейся признакомъ достоинства въ богатыхъ и мало образованныхъ классахъ. Трудъ, упражненіе своихъ органовъ для челоѣка есть всегда необходимость, какъ о томъ одинаково свидѣтельствуютъ телята, скачущіе вокругъ кола, къ которому они привязаны, и люди богатыхъ классовъ, мученики гимнастики, всякаго рода игръ: картъ, шахматъ, loun tennis'a и т. п., не умѣющіе найти болѣе разумнаго упражненія своихъ органовъ.

«Трудъ не только не есть добродѣтель, но въ нашемъ ложно организованномъ обществѣ есть, болѣею частію, нравственно анестезирующее средство, въ родѣ куренія или вина, для скриванія отъ себя неправильности и порочности своей жизни.

«Когда мнѣ разсуждать съ вами о философіи, нравственности и религіи? Мнѣ надобно издавать ежедневную газету съ полмилліономъ подписчиковъ, мнѣ надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку въ Чикаго, прорывать Панамскій перешеекъ, дописать двадцать-восьмой томъ своихъ сочиненій, свою картину, оперу. Не будь у людей нашего времени отговорки постояннаго поглощающаго ихъ всѣхъ труда, они не могли бы жить, какъ живутъ теперь. Только благодаря тому, что они пустымъ и, болѣею частію, вреднымъ трудомъ скриваютъ отъ себя тѣ противорѣчія, въ которыхъ они

живутъ, только благодаря этому и могутъ люди жить такъ какъ они живутъ» *).

Читая вышеприведенныя строки, невольно задаешь себѣ вопросъ: какой трудъ имѣеть въ виду нашъ писатель? — Очевидно, трудъ, не освящаемый никакой высшей нравственной цѣлю, трудъ бессмысленный или посвященный земнымъ, низменнымъ интересамъ. Въмѣсто такого труда онъ предлагаетъ воздержаніе отъ труда, «не-дѣланіе». Что значить это «не-дѣланіе»? Если оно должно означать отреченіе отъ суеты, отъ служенія земнымъ, мірскимъ интересамъ для достиженія высшаго нравственнаго совершенства, то оно не можетъ быть «не-дѣланіемъ». Великіе подвижники, удалявшіеся въ пустыню отъ мірскихъ соблазновъ, проводили ли время въ не-дѣланіи? Не несли ли они, напротивъ, тамъ такого труда, который не подъ силу намъ, грѣшнымъ, — труда неустанной борьбы со страстями и служенія Богу? Правда, они не гнушались и трудомъ для своего пропитанія, для помощи бѣднымъ, но такой трудъ они дѣйствительно называли не дѣломъ, а поддѣліемъ. Трудомъ же въ собственномъ смыслѣ они называли подвиги во славу Божию, — все то, что приближаетъ человека къ Богу, что ведетъ его къ высшему нравственному совершенству. Они не отвергали труда, но освящали его высшей нравственной цѣлю, они понимали его, какъ служеніе Богу. Тому ли учить насъ гр. Толстой? Не видя нравственной цѣли и смысла въ трудѣ, посвященномъ исключительно земнымъ стремленіямъ, онъ не постарался указать на то, что могло бы облагородить трудъ, возвести его на степень добродѣтели: естественно, что простое не-дѣланіе, воздержаніе отъ труда кажется ему предпочтительнѣе, чѣмъ всецѣлое поглощеніе трудомъ, не освященнымъ никакой высшей нравственной цѣлю.

*) *Сѣверный Вѣстникъ*, 1893. Сентябрь. 292—293.

Защитники гр. Толстого стараются доказать намъ, что онъ вовсе не проповѣдуетъ бездѣйствія, но лишь временной пріостановки современнаго всепоглощающаго труда съ тѣмъ, чтобы люди, понявъ разумнѣе смыслъ жизни и цѣли своей дѣятельности, снова начали трудиться инымъ, болѣе разумнымъ образомъ. Однако приходится все-таки сознаться, что при этомъ встрѣтятся неразрѣшимыя противорѣчія.

«Чтобы наступило царство Божіе на землѣ, нужно торжество взаимной любви; чтобы восторжествовала любовь, нужно новое пониманіе жизни; чтобы люди могли достигнуть этого пониманія, имъ нужно опомниться; чтобы они могли опомниться, имъ нужно пріостановить свою теперешнюю дѣятельность. Иначе расположить эти звенья нельзя, подъ страхомъ разрыва всей цѣпи, — но въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одно за другимъ у Л. Н. Толстого, сразу обнаруживается неустранимая несообразность. Въ самомъ дѣлѣ, что заставитъ людей сдѣлать первый шагъ, безъ котораго немислимы остальные? Что заставитъ ихъ остановить свою дѣятельность? Убѣжденіе въ ея бесплодности? Но вѣдь оно можетъ явиться только тогда, когда они опомнятся; а опомниться они могутъ только тогда, когда остановятъ свою дѣятельность. Изъ этого очарованнаго круга нѣтъ выхода. Всѣ усилія автора направлены къ тому, чтобы доказать необходимость остановки, какъ условія *sine qua non*, для перемены, а между тѣмъ остановка, въ свою очередь, обусловливается переменной» («Вѣстникъ Европы»).

Впрочемъ, мы не станемъ спорить съ защитниками нашего писателя. Согласимся, что онъ не отрицаетъ труда, но нельзя оспаривать того, что гр. Толстой лишаетъ трудъ всякаго нравственнаго значенія и достоинства, если даже не относится къ нему прямо враждебно. Это ясно видно изъ вышеприведенныхъ разсужденій знаменитаго писателя.

Вопросъ, поднятый гр. Толстымъ, имѣетъ столь всеобъем-

лющее значеніе, что вполнѣ понятнымъ становится возбуждаемый имъ интересъ. Въ сущности, исторія человѣчества есть исторія труда, и кто только понимаетъ все грозное значеніе этой многострадальной исторіи, кто носитъ въ своемъ сердцѣ искру любви и участія къ своему роду, у того не хватитъ смѣлости относиться пренебрежительно къ труду или умалять его значеніе. Въ исторіи труда мы знаемъ одинъ поворотный пунктъ, въ корнѣ измѣнившій отношеніе къ труду и преобразившій жизнь человѣчества. До христіанства знали только трудъ рабскій, трудъ илота и считали такой трудъ несо- вѣстнымъ съ званіемъ свободнаго гражданина. Это и было главной причиной, погубившей древній міръ. Христіанство осватило и благословило трудъ, осваивъ труженика, — и этотъ фактъ повлекъ за собой неисчислимыя послѣдствія. Христіанство не возстало противъ существующаго порядка, противъ установленнаго законами института рабства, но оно въ самомъ корнѣ подорвало тотъ взглядъ на природу человѣка, на которомъ въ концѣ концовъ покоилось рабство. Оно возвѣстило абсолютную цѣнность въ очахъ Божіихъ всякой души чело- вѣческой, — и этимъ вопросъ о рабствѣ былъ рѣшенъ безпо- воротно. Правда, новыя отношенія слагались медленно, вы- рабатывались вѣками, постепенно, но мы не должны забы- вать, что въ основѣ всей современной европейской цивили- заціи, со всеми лучшими ея плодами, легли, какъ закваска, христіанскія начала. Такимъ образомъ христіанство, не зада- ваясь цѣлями земного, мірскаго благоустройства, оказало тѣмъ не менѣе могущественное воздѣйствіе на всѣ сферы жизни и на трудъ человѣка. Поэтому вполнѣ естественно вопросъ о трудѣ освѣтитъ именно съ христіанской точки зрѣнія.

Люди, глубоко изучавшіе проявленія нравственной жизни какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ обществъ, люди вы- сокаго духовнаго опыта хорошо знаютъ, что каждая добродѣ- тель, взятая въ отдѣльности отъ другихъ, непремѣнно имѣ-

еть свою тѣневую или обратную сторону, если въ нравствен- ной жизни не осуществляется одно общее начало, дающее единство всеѣмъ проявленіямъ нравственной жизни, лежащее въ основѣ всеѣхъ добродѣтелей. Объяснимъ нашу мысль при- мѣрами. Вотъ передъ вами превосходный семьянинъ и пре- данный другъ. Ни родственники, ни друзья ни въ чемъ не могутъ упрекнуть его. Но посмотрите, какъ тотъ же человѣкъ бываетъ несправедливъ, грубъ и беззащитивъ въ своихъ отношеніяхъ ко всеѣмъ другимъ людямъ, къ обществу. Или — пламенный патріотизмъ часто соединяется съ ненавистью къ другимъ народамъ, къ человѣчеству. Люди науки, поэты, ху- дожники, замѣчательные политики и правители нерѣдко въ сферѣ своей дѣятельности проявляютъ величайшую добросо- вѣстность, строжайшее чувство долга, необыкновенную энергію въ преодолѣніи всевозможныхъ трудностей и тому подобныя качества. Но смотрите — они крайне небрежны по отношенію къ самымъ священнымъ обязанностямъ въ своей частной, семейной жизни. Они нисколько не думаютъ о томъ, что составляетъ единое на потребу — объ усовершенствованіи себя самихъ. Какъ бо польза человѣку, аще міръ весь преобразуетъ, душу же свою отщегитъ? Или что дастъ человѣкъ измѣну за душу свою? (Мѣ. XVI, 26). Въ самомъ дѣлѣ — область науки и искусства, государственная дѣятельность, друзья и семья — все это вѣдь со временемъ потеряетъ свой интересъ, все отпадетъ, оставить человѣка хотя бы даже на краю могилы. Нѣтъ, человѣкъ никогда не долженъ упускать изъ вида того блага, которое вѣчно, неизмѣнно, которое одно только можетъ удовлетворить глубочайшимъ стремленіямъ его природы. Въ достиженіи этого блага и должна заключаться главная цѣль чело- вѣческой жизни и всякой чело- вѣческой дѣятельности.

Человѣкъ одаренъ сознаниемъ, разумомъ, чувствомъ, сво- бодной волей. Это — образъ Божій въ душѣ человѣка. Но эти богатые дары даны человѣку для того, чтобы онъ, развивая

ихъ, достигалъ совершенства или богоподобія, разумѣется, при помощи благодати Божіей. Величайшее благо въ Богѣ. Благая воля только одна—воля Бога. Слѣдовательно и человекъ, стремясь къ нравственному совершенству, долженъ утверждаться на волѣ Божіей, единой благой, и не искать другого блага ни во внѣшнемъ мірѣ, ни въ себѣ самомъ. Тогда только человекъ подобенъ будетъ человеку, виждущу храмину, иже ископа и углуби и положи основаніе на камени: наводненію же бывшу, припаде рѣка къ храминѣ, и не може поколебати ея: основана бо бѣ на камени (Мѡ. VI, 48). Въ первоначальной заповѣди нашимъ прародителямъ Богъ и указалъ имъ этотъ единственно-вѣрный путь къ достиженію богоподобія или святости. Это путь самоотреченія, послушанія и смиренія. Это самоотреченіе, отреченіе отъ своей воли и свободное подчиненіе ея волѣ Божіей и есть истинная любовь къ Богу и ближнимъ. Въ немъ — «весь законъ и пророки». Итакъ — какого бы рода ни была твоя дѣятельность, въ чемъ бы ни состояло твое специальное призваніе — ты всегда долженъ помнить, что твое назначеніе на землѣ исполнять волю Божию. Вотъ это-то основное начало и должно объединять собою все нравственныя проявленія человека и лежать въ основѣ всехъ добродѣтелей. Безъ него весь нравственный міръ не будетъ имѣть своего духовнаго центра — и какими бы добродѣтелями ты ни отличался — лишенный своего центра, оторванный отъ своего корня, не получая отъ него питанія и развиваясь поэтому одна отдѣльно отъ другой — твои добродѣтели неизбежно приобрѣтутъ тѣневныя стороны... Тогда нарушается гармонія нравственнаго міра — и выйдетъ то, что иже весь законъ соблюдеть, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ (Іак. II, 10). Не то ли выражаетъ православный вѣрующій русскій народъ, говоря: въ мірѣ жить — Богу служить?

Если не утвердится человекъ, какъ на незыблемомъ ка-

мени, на этомъ основаніи, — на служеніи волѣ Божіей, онъ естественно будетъ утверждаться на себѣ самомъ, на своей волѣ и слѣдовательно замыкаться въ тѣсномъ кругѣ своего специального призванія или своихъ ближайшихъ личныхъ отношеній и никогда не достигнетъ иного «высшаго званія Божія во Христѣ Иисусѣ» (Филип. III, 14). А тогда онъ мало-по-малу будетъ обособляться отъ другихъ людей, подобно насѣкомымъ, проводящимъ весь свой вѣкъ на одномъ листкѣ и только этому листку придающимъ значеніе. «Когда мнѣ разсуждать съ вами о философіи, нравственности и религіи? Мнѣ надо издавать ежедневную газету съ полмилліономъ подписчиковъ, мнѣ надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку въ Чикаго, прорывать Панамскій перешеекъ, дописать двадцать-восьмой томъ своихъ сочиненій, свою картину, оперу». Такъ говоритъ намъ писатель о современномъ трудѣ. Но трудъ ли самъ по себѣ виноватъ въ томъ, что принялъ вовсе нежелательный характеръ обособленности, разединенія съ другими сторонами дѣятельности человека? Трудъ ли виноватъ въ томъ, что дѣятельность людей разсыпалась на специальности, настолько поглощающія человека, что внѣ сферы своей дѣятельности онъ не находитъ ничего, что бы затронуло его сердце, что порвалъ все духовныя связи съ человечествомъ, что, приковавъ свой взоръ къ землѣ, разучился смотрѣть на небо? Трудъ ли виноватъ въ томъ, что человекомъ руководитъ жажда корысти, тщеславіе и тому подобные низменные мотивы, что въ основу человеческой дѣятельности ставится самолюбіе, всехъ разобщающій эгоизмъ? Виною извращенія труда, равно какъ и всякой человеческой дѣятельности, является такимъ образомъ отторженіе многихъ и многихъ людей нашего времени отъ того нравственнаго центра, при которомъ только и получается свой настоящій смыслъ и значеніе всякая дѣятельность.

«Служа въ обоихъ, какъ въ небесномъ, такъ и земномъ званіи, говоритъ авторитетный голосъ, мы служимъ не двумъ господамъ, а одному Господу. Есть только одна воля, которая «да будетъ и на землѣ, какъ на небѣ», въ вещахъ небесныхъ и земныхъ. Свои земныя, обыденныя занятія мы исполняемъ не просто ради людей, не только для нашей чести, но ради Бога и въ честь Бога, по образу Спасителя, который на землѣ во всѣхъ дѣлахъ не искалъ воли Своея, но воли пославшаго Его Отца и котораго слово гласитъ: «не должно ли Мнѣ быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему?» (Лук. II, 49). Снаружи и матеріально нѣтъ никакого различія между работою христіанина и работою, исполняемою нехристіаниномъ. Различіе заключается въ настроеніи чело-вѣка, въ какомъ совершается работа, а вслѣдствіе этого въ смыслѣ и духѣ, оврѣяющемъ работу, особенно въ отпечаткѣ чистоты и безгрѣшности, какой придается ей. Различіе состоитъ въ томъ, что христіанинъ, творя дѣла своего земного званія, въ то же время трудится и молится о пришествіи царства Божія внутри себя, такъ какъ онъ знаетъ, что существеннѣйшій смыслъ и глубочайшее значеніе этого его тѣлеснаго, земного дѣла заключается не въ этомъ самомъ дѣлѣ и не въ томъ, чего онъ достигнетъ имъ въ мірѣ, а въ томъ, что оно становится воспитательнымъ средствомъ для него самого, для его собственнаго усовершенствованія, для возрастанія и созрѣванія его внутренняго чело-вѣка, который всею этою работою долженъ глубже укрѣпиться въ вѣрѣ, послушаніи и любви. Но христіанинъ трудится также для пришествія царства Божія и внѣ себя, такъ какъ онъ знаетъ, что весь этотъ земной порядокъ вещей, въ которомъ и лежащій на его обязанности отдѣльный обыденный трудъ занимаетъ свое опредѣленное, самимъ Богомъ, указанное мѣсто, имѣетъ свою конечную цѣль не въ себѣ самомъ, а имѣетъ полное цѣлесообразное значеніе для царства Божія...

«Свѣтскій труженикъ поглощенъ внѣшностью, погруженъ въ свое дѣло: все у него сводится къ *тому, что* онъ дѣлаетъ. Христіанскій же труженикъ спрашиваетъ прежде всего и преимущественно не о томъ, что онъ совершаетъ, не о видимыхъ плодахъ, но о томъ, такъ ли онъ исполняетъ свою службу, *какъ* хочетъ Богъ. Намъ надлежитъ исполнять свое ежедневное дѣло съ возможно болѣею энергіею, трудиться, какъ будто бы отъ нашей выдержанности и твердости зависитъ все, но въ то же время, что касается возможнаго успѣха нашей работы, мы должны оставаться въ вѣрующемъ самоотреченіи, въ вѣрующей преданности, должны разсчитывать и на то, что, пожалуй, намъ и не дано довести свой трудъ до конца... Въ истинно-христіанскомъ труженикѣ практика сочетается съ созерцаніемъ. Онъ работаетъ, стоя въ области христіанскаго воззрѣнія на жизнь, которое присуще ему не только въ часы тихаго размышленія, но и во время самаго труда. И потому онъ знаетъ, что, несмотря на удачу или неудачу своей работы, она не пропадетъ даромъ. Онъ знаетъ, что прежде всего и выше всего въ нашемъ трудѣ есть воля Господня, а она состоитъ не въ томъ, что мы производимъ, а въ томъ, чѣмъ мы вслѣдствіе этого труда *обладаемъ*. И потому онъ знаетъ въ то же время, что Божественное Провидѣніе, безъ воли коего и воробей не упадетъ съ кровли, витаетъ и надъ всякою истинною мыслию, надъ каждымъ въ духѣ истины произнесеннымъ словомъ, надъ каждымъ добрымъ и благонамѣреннымъ стремленіемъ...» *)

«Инымъ кажется очень строгимъ все творить во славу Божию, — говоритъ высокоавторитетный учитель христіанской нравственности. — Они потому и полагаютъ, что при дѣлахъ можно имѣть и другія цѣли, только бы сии цѣли не исключали Бога, и вообще, говорятъ, можно ограничиваться тѣмъ,

*) Мартенсенъ. Христіанск. ученіе о нравственности. II. 307—313.

чтобъ только чаще относить къ Богу дѣла. Всѣ же дѣла свои посвящать Богу есть удѣлъ совершеннѣйшихъ, что можно со- вѣтовать, но къ чему всѣхъ обязывать не должно. Какъ уни- жена тутъ свѣтлая христіанская жизнь! Какъ видимо тутъ нехотѣніе и лѣность сдѣлать напряженіе, чтобы возноситься къ Богу!.. Все посвящать Богу не есть совѣтъ, а *цѣль не- обходимая, обязательная*: прославите Бога въ душахъ ва- шихъ и тѣлесахъ вашихъ: вся во славу Божию творите... Что яснѣе и опредѣленнѣе сего?..

«Не слѣдуетъ извращать *истиннаго смысла и порядка жизни чистой и святой*, а скорѣе слѣдуетъ вразумлять всѣхъ и всюду, *въ чемъ истина*... Доброе дѣло, не для Бога и не по вѣрѣ въ Господа совершенное, не есть христіанское, а есть простое, добро естественное. Какъ, напримѣръ, есте- ственно разсужденіе въ умѣ, но оно не добродѣтель; такъ и дѣло доброе не для Бога естественно въ духѣ, но не добро- дѣтель...

«Всѣ другія цѣли, кромѣ показанной, не суть цѣли истин- ныя, и дѣла, по нимъ совершаемыя, въ той мѣрѣ теряютъ свою цѣну, въ какой удаляются отъ нея. О худыхъ же цѣ- ляхъ, вытекающихъ изъ эгоизма, и не говорится...

«Да слышитъ сія всякъ, и да направляетъ такъ сердце свое всякій разъ, какъ дѣлаетъ какое дѣло...» *)

Если, съ христіанской точки зрѣнія, единственно, какъ мы видѣли выше, истинной, «всякое доброе дѣло, не для Бога и не по вѣрѣ въ Господа совершенное, не есть христіанское, а есть простое, добро естественное, — не есть добродѣтель», — конечно, мы не можемъ назвать добродѣтелью и трудъ, со- вершаемый «не для Бога и не по вѣрѣ въ Господа». Теперь намъ становится совершенно понятнымъ сужденіе о трудѣ нашего извѣстнаго писателя. Онъ вѣдь не вѣруетъ ни въ

*) Епископъ Теофанъ. Намѣртіе христіанскаго правоученія. 106—108.

Бога, ни въ Господа Христа. Для него христіанская религія не болѣе какъ «старая мудрость, ложь которой уже развѣн- чана», «суевѣріе прошедшаго». Для него, слѣдовательно, не существуетъ труда во славу Божию, въ послушаніе Богу, вслѣд- ствіе чего онъ и не можетъ понять труда, какъ христіанской добродѣтели.

Удивительна эта развязность, съ которой говорятъ о па- деніи въ современномъ обществѣ христіанства! Скажите, кто вамъ далъ на это право? Или вы производили что-нибудь въ родѣ всеобщаго голосованія среди милліоновъ вѣрующихъ!? Милліонныя массы вѣрующихъ вокругъ васъ готовы положить свою жизнь за вѣру во Христа, какъ за единственное несрав- ненное благо, за единственное утѣшеніе на землѣ, а вы го- ворите о христіанствѣ, какъ объ отжившемъ явленіи! Или вы думаете, что среди одного русскаго народа не найдется семи тысячъ, не поклонившихся Ваалу? Или мы стали подобно Содому и Гоморрѣ, что у насъ не найдется и десяти пра- ведниковъ? Или васъ не могли вразумить тѣ волны, что такъ еще недавно стремительно катились со всего лица русской земли къ гробницѣ прославленнаго Слуги Божія *)? Но будьте увѣрены въ одномъ, что, какъ бы ни умень- шилось число вѣрующихъ на землѣ, на радость вамъ, — Церковь Божія останется несокрушимой, и врата адовы не одолѣютъ ея!.. Но что дальше говорить съ нежелающими слу- шать? Можетъ ли нашъ слабый голосъ вразумить ихъ, если для нихъ не существуютъ внушительные уроки ни настоя- щаго, ни прошедшаго!? Они сами хорошо знаютъ, что вотъ уже 19 вѣковъ ополчаются противъ христіанства всѣ есте-

*) Иностранцы, проѣзжающіе по Россіи, болѣе всего поражаются глубокой религіозностью русскаго народа. „Стоитъ только подумать, — пишетъ патеръ Вавутелли, — что этотъ народъ, такъ сказать, весь проникнутъ религіею и обращается въ свѣдѣ исключительно религіозной, и нельзя не восхищаться имъ и не радоваться, что имя Божіе днемъ и ночью прославляется и благо- словляется этими людьми“. Душен. Чтеніе. 1893 — 4713.

ственные силы, считающія себя столь сильными, и не могут одолѣть его!! Они сами хорошо знаютъ, что Тотъ, Кто нѣкогда, говоря словами одного писателя, будучи чистѣйшимъ среди могущественнѣйшихъ и могущественнѣйшимъ среди чистыхъ, Своею произенною рукою сдвинулъ съ своихъ основъ царства и вывелъ изъ своихъ руслъ потокъ вѣковъ, и теперь еще властвуетъ надъ временами— и отсюда-то слѣпая ненависть къ Его дѣлу!.. (Jean Paul. Ueber den Gott in der Geschichte und im Leben. 33, 6).

Но мы нѣсколько отвлеклись отъ занимающаго насъ предмета.

Мы сказали, что христіанинъ долженъ работать и трудиться во славу Божию, въ послушаніе Богу — все творить по вѣрѣ въ Господа нашего Иисуса Христа, въ надеждѣ безконечной жизни. Послушаніе Богу — это свойство любви. Тамъ нѣтъ истинной любви, гдѣ нѣтъ послушнаго признанія воли другого своею собственною. Любовь безъ послушанія не была бы нравственнымъ отношеніемъ, а безъ любви послушаніе не было бы свободнымъ. И то и другое неразрывно связаны между собою. Съ этой точки зрѣнія всякій трудъ, какой бы онъ ни былъ, великій или малый, совершаемый въ послушаніе Богу, становится нравственнымъ подвигомъ и прямымъ исполненіемъ заповѣди Божіей. Трудиться во славу Божию, во исполненіе воли Божіей, значитъ искать не своего прославленія, не своихъ выгодъ, значитъ не прилѣпляться душою къ земнымъ интересамъ, гдѣ — похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская. И это — не подвижъ, не добродѣтель! И это не обозначаетъ побѣды надъ самолюбіемъ, гордостью, своекорыстіемъ!?

По созданіи человѣка Творецъ ввелъ его въ рай сладости (Быт. II, 15)—не для того, какъ увѣряетъ нашъ писатель, чтобы онъ былъ празднымъ. Нѣтъ, сладость рая должна была состоять не въ томъ, чтобы человѣку прозябать и орошаться

подобно былію травному и злаку сельному, чтобы, подобно безсловеснымъ, пастись на тучныхъ лугахъ первозданной земли, чтобы пользоваться готовыми дарами, щедрой рукою Создателя рассыпанными по землѣ, — не въ томъ, чтобы только расти, множиться и наполнять землю. Сладость райскаго блаженства не состояла и въ праздномъ созерцаніи безчисленныхъ и чудныхъ красотъ рая, — не въ томъ только, чтобы восторгаться сіяющей твердію небесною (Быт. I, 6) и величественнымъ движеніемъ свѣтилъ небесныхъ (Быт. I, 14) или любоваться дивнымъ отраженіемъ ихъ въ кристалльных водахъ (Быт. I, 6), не въ томъ, чтобы слѣдить за полетомъ птицъ въ воздухъ (Быт. I, 20) или взбираться на вершины горъ и восхищаться разстилающимися у ногъ чарующими видами райскихъ рощей и лѣсовъ, роскошью райскихъ садовъ, таинственнымъ мракомъ вдаль уходящихъ долинъ (Быт. I, 11, 12), — нѣтъ, взя Господь Богъ человѣка, его же созда и введе его въ рай сладости, дѣлать и хранить его (Быт. II, 15). Вотъ истинная сладость рая! Сладость заботливаго труда должна была составлять величайшее наслажденіе человѣку. Печать Божія благословенія, печать чистой, безгрѣшной радости лежала на райскомъ трудѣ человѣка.. Но увы! Скоро иная печать легла на трудъ человѣка, — печать Божьяго осужденія и человѣческаго страданія.. Человѣкъ согрѣшилъ, разстроилась грѣхомъ прекрасная гармонія его силъ и способностей, и человѣкъ долженъ былъ подклонить свою голову подъ тяжелое иго труда изнурительнаго, труда изъ-за насущнаго пропитанія, въ концѣ котораго, какъ грозное привидѣніе, стала смерть... Въ потъ лица твоего, сказано было ему теперь, снѣси хлѣбъ твой, дондеже возвратиши въ землю, отъ нея же взяты еси... На землѣ явился трудъ подневольный, трудъ непосильный, трудъ — страданіе, трудъ неблагоприятный, трудъ горькій... Такой именно трудъ дѣйствительно можетъ озлоблять человѣка, очерствлять его сердце... Правъ человѣкъ, — чело-

вѣкъ, не вѣрующій въ Бога, говоря, что «сознанный трудъ, муравьиная гордость своимъ трудомъ дѣлаетъ не только муравья, но и человѣка жестокимъ». (гр. Толстой. Тамъ же). Но кто жь виноватъ, что люди отвергаютъ то, что можетъ облагородить трудъ человѣка, что люди отвергаютъ трудъ, подъемлемый изъ послушанія Богу, изъ подражанія Господу Спасителю и Его святымъ? Такой трудъ, даже тяжкій, непрерывный, трудъ безъ отдыха, трудъ изнурительный, — трудъ, сопряженный со страданіями, со слезами, никогда не озлобить человѣка и не вооружитъ человѣка противъ человѣка. Ссылаемся на дивныя свидѣтельства всего православнаго русскаго народа, выраженные въ его любимыхъ поговоркахъ и пословицахъ: «Богъ велѣлъ трудиться», «Богъ труды любить...» А между тѣмъ тотъ же народъ называетъ свой трудъ страдою.

Зачѣмъ вы отнимаете послѣднее утѣшеніе, которое доставляетъ вѣра обездоленному труженику, зачѣмъ желаете погасить лучъ свѣта, падающій въ темную юдоль многотруднаго земного существованія, отнимая нравственное значеніе у труда? Или вы позавидовали просвѣщенному Западу, гдѣ многіе и многіе уже плачутся на то, что, подорвавъ вѣру въ трудящихся массахъ и отнявъ у нихъ послѣднее утѣшеніе, не дали взаимнѣ ничего? Любовь ли къ человѣку, къ труженику руководитъ вами, когда, въ барскомъ высокомеріи, вы приравниваете его трудъ къ прыганью теленка вокругъ кола? О мудрость міра сего! Нѣтъ, не такъ говоритъ Тотъ, Кто весь былъ воплощеніемъ безконечной любви къ страждущему человечеству! «Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы» (Мѡ. XI, 28). Вотъ что единственно можетъ успокоить смятенное сердце измученнаго труженика, что можетъ принести отраду въ лишеніяхъ и страданіяхъ многотрудной жизни — слова и примѣръ Искупителя и Господа!.. *Ученикъ не больше своего учителя.* Не только спра-

ведливо, чтобы ученикъ подвергался тому же, чему его учитель, но это есть одинъ изъ великихъ законовъ духовнаго порядка, что люди желаютъ походить на тѣхъ лицъ, которыми удивляются, которыхъ любятъ. Сколько вѣрныхъ слугъ желали страдать съ своими господами! Сколько дѣтей просили, какъ милости, раздѣлить трудъ, горе и плѣнь своихъ родителей! Это не кабинетное разсужденіе. Вотъ истинно народное слово: «Отца человѣкъ можетъ забыть, а добра господина — аще бы съ нимъ и въ гробъ влѣзлъ!»

Господь нашъ трудился и намъ велѣлъ трудиться! Такъ говоритъ и чувствуетъ православный русскій народъ, выражая въ этихъ немногихъ словахъ все великое значеніе христіанскаго труда, смотря на него какъ бы на искупительную жертву за грѣхи земной жизни, — и кротость во внѣшнемъ поведеніи, смиреніе во внутренней жизни, въ помыслахъ и желаніяхъ и долготерпѣніе — плоды христіанскаго трудолюбія.

Нынѣшнимъ лѣтомъ на вокзалѣ Ярославской желѣзной дороги намъ довелось увидать старца-крестьянина, истиннаго Власа, съ планомъ сельской церкви и книжкой для сбора на построеніе храма *). Не взглянулъ даже старецъ, когда мы положили посильную лепту, и только, взирая на образъ, произнесъ обычную молитву за жертвователя: Разговорившись съ нимъ, мы узнали, что онъ на старости лѣтъ далъ обѣтъ — потрудиться для Бога, только для Бога... Смѣемъ увѣрить, что эта мысль была задушевнѣйшей мыслью его жизни...

*) Сколько помнится, церковь св. архистратига Михаила, Серпуховскаго уѣзда.

IV. Молебствіе на поляхъ.

Вътомъ 1893 года, въ уѣздѣ N., въ теченіе нѣсколькихъ недѣль стояла убійственная жара. Воздухъ сдѣлался удушливымъ. Но особенно печальный видъ представляла зелень и деревья. Трава на лугахъ пожелтѣла. Хотя давно уже настала пора сѣнокосная, но крестьяне и не принимались за уборку сѣна: косить было нечего. Озимыя и яровыя остановились въ своемъ ростѣ. Деревья стояли какъ бы покрытыя пылью... Никто, можетъ-быть, не чувствуетъ себя въ столь сильной зависимости отъ погоды, какъ пахарь: лѣтомъ засухи или продолжительные, нескончаемые ливни прямо вліяютъ на его благосостояніе. Засуха служила предметомъ большихъ опасеній у крестьянъ. Уныло вглядывался мужичокъ въ подернутую туманною дымкою даль западнаго горизонта, выжидая, не покажется ли наконецъ благодѣтельное облако...

Я видѣлъ на завалинкѣ одной крестьянской избы вмѣстѣ съ дряхлымъ старикомъ; безжизненно и уныло смотрѣли впередъ его глаза; повидимому, онъ ни на что окружающее не обращалъ болѣе вниманія, преклонные годы его какъ будто сдѣлали его во всему равнодушнымъ. Такъ однако только казалось, но не было на самомъ дѣлѣ, какъ это открылось изъ дальнѣйшаго разговора.

— Что значитъ это собраніе?—спросилъ я старца, указывая на группу собравшихся поселянъ на противоположной сторонѣ улицы.

— А то, что это давно уже слѣдовало... молебствіе отслужить Господу Богу. А то, вишь, когда взялись за умъ, когда все попало.

— Да что жъ вы, старики, не вразумляете молодыхъ? Вотъ хоть бы ты посовѣтовалъ въ свое время.

— Я-то!?—съ живостью возразилъ старецъ, и огонь сверкнулъ въ его глазахъ. Да я уже давно и не говорю ни съ кѣмъ... зарокъ далъ. Что говори, что нѣтъ—все одно! развѣ слушаютъ... Слушали бы стариковъ, такъ и сокрухи-то такой не было. Вотъ сколько недѣль не было ни росинки дождя... ты думаешь, это даромъ? Нѣтъ: у Бога всего много, и дождя, и тепла, и холода, да не даетъ Господь чего намъ нужно, за грѣхи наказываетъ. И то—милость Господня! Если бы на насъ не было сграху, такъ не то, что насъ стариковъ, и Бога забыли бы...

— Да какіе же грѣхи ты видишь у молодыхъ?

— Грѣхи-то? А кто жъ ихъ не видитъ? ты вотъ что скажи... Да ты—городской, не злѣшній... Не знаю, какъ тамъ у васъ въ городѣ, давно не бывалъ и не живалъ, а ты погляди, что у насъ дѣлается... Первое дѣло—стариковъ совсѣмъ не слушаютъ, весь страхъ потеряли. Гдѣ же это видно, что бы старшаго не слушали? Такъ ли было прежде? Да ты тѣхъ порядковъ не помнишь, а я тебѣ вотъ что скажу: моему покойнику-отцу шелъ шестой десятокъ, а дѣдъ, царство ему небесное, лежалъ что колода нѣсколько лѣтъ и подняться самъ не могъ отъ старости. Такъ мой-то отецъ, хозяинъ въ домѣ, ни синь-пороха безъ позволенія старика не дѣлалъ; на все, бывало, спросить благословенія. И сдѣлаетъ по-своему, а старика все же спросить, и такъ—все будто онъ, старикъ, всему голова... А теперь что? Охъ, прости Господи, не то, что уважить, а—сказать страшно—руку поднимаютъ на стариковъ... Слышь-ты аль нѣтъ!?. Во всемъ *свою волю* хотятъ показать, свое непокорство. Я своимъ умомъ проживу, молъ.

А своя-то воля на что? Развѣ къ добру ведетъ? Что отъ своей-то воли происходитъ? Вотъ праздникъ-то настанетъ, посмотри, полюбуйся... Глаза бы не глядѣли... Все и пошло врозь. Онъ старика не уважилъ, а его жена не слушается, да и слушать-то нечего. Малые подростки—и тѣ глядятъ всѣ врозь... Видишь молодца-то, что около міра шатается; послѣднюю корову продалъ... Ты какъ полагаешь? Онъ изъ усердія что ль здѣсь? Ни-ни! Надѣется послѣ молебствія-то на поживу, объ одномъ только и думаетъ. У другихъ молитва, а у него пьянство... Я съ его отцомъ прежде съѣдомъ жилъ, душа въ душу жилъ, домъ у нихъ былъ полная чаша... А теперь что?! Дѣтки пошли по худымъ дѣламъ... Да что и говорить!—грустно поникнувъ головой, заключилъ старецъ свою рѣчь.

— Да вѣдь и прежде бывали засухи,—сказалъ я.

— Кто говоритъ, и прежде было не безъ грѣха, да Бога больше помнили, грѣха боялись, и житье было другое. Богъ исправлялъ. По двѣ, по три коровы да по три лошади водилось во дворѣ, хлѣба не поѣдали...

Слова старца дышали глубокой вѣрой. Умилительно показалась мнѣ эта незыблемая вѣра нашего простолюдина въ Промыслъ Божій, воспитывающій человѣка. Много во время его рѣчи припомнилось мнѣ изъ нашей городской жизни: припомнились мнѣ и умныя рѣчи и ученые статьи, въ которыхъ тономъ, не допускающимъ возраженій, доказывалось, что все въ мірѣ совершается по слѣпо дѣйствующимъ законамъ, что въ кругу дѣйствія этихъ законовъ ничего нельзя ни измѣнить, ни предотвратить... Насколько выше, правдивѣе это живое убѣжденіе въ томъ, что всѣ законы, равно какъ и самая земля и все живущее на ней—дѣло рукъ Божіихъ, что никакіе законы не имѣютъ силы безъ воли Законодателя, что, если солнечный зной немилосердно сушитъ землю, или если неблагоприятно отверзаются хляби небесныя

и льется неудержимо дождь,—все это происходитъ по волѣ Того, Кто *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѡ. 5, 45), что вся наша земная жизнь, съ ея радостями и бѣдствіями, есть только воспитательная школа въ планѣ всеблагого Промысла. И припомнилось мнѣ потомъ другое слово: *Аще слухомъ послушаеши гласа Господа Бога вашего, хранити и творити вся заповѣди Его, и придутъ на тя вся благословенія сія... Отверзетъ тебѣ Господь сокровище Свое благое, небо, еже дати дождь земли твоей во время свое... И будетъ, аще не послушаеши гласа Господа Бога Твоего, хранити и творити вся заповѣди Его, и придутъ на тя вся клятвы сія... Поразитъ тя Господь стужою и жезеніемъ, и убійствомъ, и вѣтромъ тлетворнымъ... И будетъ небо надъ главою твоею мѣдяно, и земля подъ тобою желзна* (Второзак. 28; 1, 2, 12, 15, 22, 23).

На другой день состоялось общественное молебствіе съ крестнымъ ходомъ по полямъ. Видали вы эти крестные ходы въ деревнѣ? На нихъ собирается все село—и старъ и младъ. Огромная толпа, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, подымается по пригорку къ нивамъ, засѣяннымъ рожью. Солнце заливаешь лучами и поля и этотъ лѣсъ по краямъ, играетъ на куполѣ сельскаго храма, сверкаетъ на хоругвахъ, на окладахъ иконъ и ярко освѣщаетъ разноцвѣтныя одежды. Дойдя до середины полей, шествіе останавливается. Начинается молебствіе съ водоосвященіемъ. Я поспѣшилъ за народомъ и внимательно всматривался въ лица молящихся. Глубокая тишина. Всѣ серьезны и сосредоточены, усердно владутъ земные поклоны. Совершается великое дѣло: со всей силой нераздвоеншейся, горячей вѣры народъ возноситъ свои молитвы къ Небу... А солнце палитъ нестерпимо попрежнему, воздухъ не шелокнется.. слышно въ небесной выси пѣніе жаворонка... Молебствіе кончилось. Молодой, сановитый священникъ, несмотря на

то, что потъ струями лился по его лицу, несмотря на видимую усталость, готовится сказать поученіе. Народъ тѣснѣе сдвигается къ нему, готовясь услышать живое слово.

Указавъ прихожанамъ на образъ св. пророка Іліи, священникъ сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Въ царствованіе нечестиваго израильскаго царя Ахава беззаконіе, пороки и идолослуженіе усилились въ народѣ. Забыли люди древнее благочестіе, старые добрые нравы. вмѣсто скромности и покорности волѣ Божіей явилась дерзость и гордость и притѣсненіе слабыхъ. Прежде малымъ были довольны, теперь ничѣмъ не могли удовольствоваться. Ахавъ взялъ въ супружество дочь сидонскаго царя, Іезавель, и съ нею въ Израильское царство ввелъ финикійское языческое идолослуженіе. Въ Самаріи построенъ былъ храмъ Ваалу и выставлена была статуя Астарты. Іезавель на царскомъ иждивеніи содержала *четыреста-пятьдесятъ* пророковъ Вааловыхъ и *четыреста* пророковъ Астартиныхъ; напротивъ, пророки истиннаго Бога, которые, безъ сомнѣнія, возставали противъ народнаго соблазна, были жестоко преслѣдуемы и предаваемы смерти. Нечестіе, поддерживаемое примѣромъ Ахава, до такой степени усилилось, что народъ утратилъ всякое уваженіе къ священнымъ преданіямъ вѣры и пренебрегалъ угрозами пролятія Божія. Среди такого-то народа вдругъ является, какъ молніеносная стрѣла, мгновенно озаряющая полуночное небо, св. пророкъ Ілія. Съ длинными волосами, босой, въ грубомъ плащѣ изъ верблужьяго волоса, съ кожанымъ поясомъ на чреслахъ, съ грознымъ взоромъ и еще болѣе грозною рѣчью явился пророкъ среди развращенной столицы Израильскаго царства. Молча проходитъ необычайный посѣтитель по улицамъ града. Онъ не пришелъ увѣщевать къ покаянію, — нѣтъ! Господь долго ждалъ покаянія, долго терпѣлъ беззаконія — теперь пророкъ является прямо къ царю возвѣстить грозную волю Божію.

«Живъ Господь, Богъ Израилевъ!» воскликнулъ пророкъ, представъ предъ лицо Ахава. «Въ сіи годы не будетъ ни росы, ни дождя — развѣ только по моему слову!»

«Содрогнулся нечестивый царь, услышавъ грозный приговоръ необыкновеннаго посѣтителя. Онъ хорошо зналъ, что такое засуха въ его странѣ... Вы видите эти печальныя нивы, пожелтѣлые луга, но что происходитъ въ Палестинѣ во время засухи, вы того и вообразить себѣ не можете. Вся зелень пропадаетъ, какъ снѣгъ, таюшій отъ палящаго солнечнаго зноя, источники высыхаютъ, потоки и рѣки становятся каменистыми ложбинами, деревья засыхаютъ, трава исчезаетъ, «самое небо становится какъ бы мѣднымъ, и земля какъ бы желѣзною». Произнесъ грозный приговоръ, пророкъ удалился, ушелъ за Іорданъ и по повелѣнію Божію скрылся при ручьѣ Хораеѣ. Изъ ручья онъ бралъ воду для питья, а вороны утромъ и вечеромъ приносили ему хлѣбъ и мясо.

«Между тѣмъ, по слову пророка, въ странѣ настала страшная засуха, а вмѣстѣ съ нею голодъ и всевозможныя бѣдствія. Растительность на поляхъ совершенно исчезла. Приуныла сама роскошная столица. Богачи, насыщавшіеся прежде тучными яствами, рады были куску черстваго хлѣба. Народъ погибалъ отъ голода. Недостало корма для царскихъ стадъ. Самъ царь искалъ по ложбинамъ, низинамъ и тѣнистымъ мѣстамъ малѣйшаго остатка влаги... На третій годъ бѣдствіе достигло ужасающихъ размѣровъ. Тогда царь послалъ всюду отыскивать пророка Ілію, но его нигдѣ не могли найти. Наконецъ самъ Ілія явился къ царю.

«— А, это отъ тебя столько бѣдъ Израилю! — вскричалъ Ахавъ, увидѣвъ пророка.

«— Не отъ меня, — безстрашно отвѣчалъ пророкъ, — а отъ тебя и отъ дома отца твоего за то, что оставили заповѣди Божіи».

Живо изобразивъ чудесное жертвоприношеніе Іліи, низ-

ведшаго молитвою огонь на землю, поपालившій жертву, и избіеніе ложныхъ пророговъ и жрецовъ Ваала, проповѣдникъ продолжалъ:

«Пораженный чудомъ народъ палъ на лицо свое со слезами покаянія и воскликнулъ: Господь есть Богъ! Господь есть Богъ!

«Между тѣмъ и кара Божія, съ раскаяніемъ народа, должна была окончиться. Самъ пророкъ уже предвидѣлъ милость Божию, внутреннимъ слухомъ своимъ онъ уже слышалъ шумъ приближающагося дождя. Онъ взошелъ на вершину горы Кармила, а отроку сказалъ: «Посмотри къ морю». Отрокъ пошелъ, посмотрѣлъ и сказалъ: «Ничего нѣтъ». Пророкъ Илія сказалъ: «Продолжай это до семи разъ». Семь разъ юный слуга всходилъ на гору и возвращался съ безотраднымъ отвѣтомъ: «Нѣтъ ничего!» Море было спокойно и небо чисто. Пророкъ припалъ къ горѣ и горячо помолился, и вотъ появилось небольшое облако, — первое, которое только проносилось по небу въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ, и по мѣрѣ приближенія къ горѣ сгущалось все болѣе и болѣе... По могучимъ лѣсамъ Кармила пронесся благодатный шумъ вѣтра, обыкновенно предшествующаго ливню...»

Увлеченные рѣчью своего пастыря крестьяне, казалось, ничего не замѣчали, а между тѣмъ ясно уже погромыхивалъ громъ, и изъ-за лѣса надвигалась туча, темною синевою выступавшая изъ-за опушки...

«Отрокъ пророка вдругъ закричалъ, возвѣщая о приближеніи облака. Царь, пророкъ и народъ спѣшили сойти съ горы...»

— Дѣдушка, дождь! — вскричалъ мальчикъ, схвативъ моего вчерашняго собесѣдника за руку.

Дѣйствительно, крупныя капли закали съ неба. Весь народъ, глубоко вздохнувъ, перекрестился, но никто не тронулся съ мѣста, ожидая окончанія слова.

«Небо покрылось внезапно тучами, зашумѣлъ дождь, и потокъ быстро выступилъ изъ береговъ... Царь Ахавъ и народъ, пораженные всѣмъ видѣннымъ, выражали искреннее раскаяніе. Вотъ что случилось во Израилѣ въ царство Ахава, во дни славнаго Іліи. Какой же урокъ для насъ вытекаетъ отсюда? Первое: Богъ караетъ насъ бѣдствіями за грѣхи наши. Остерегайтесь грѣха, прогнивляющаго Господа. Не жалеете бѣдъ и напастей — избѣгайте того, что наводитъ ихъ. Второе: навлекши кару Божию, спѣшите покаяться, чтобы заслужить милость Божию. Уже давно стоитъ у насъ губительная засуха, давно ждалъ я вашего обращенія... Зачѣмъ медлите, зачѣмъ не спѣшите своимъ обращеніемъ ко всемирному Богу...»

Внезапно раздавшійся страшный ударъ грома потрясъ толпу, и немедленно разразился ливень... Моментально всѣ бросились на землю, иные съ обильными слезами, но то были уже радостныя слезы, слезы умиленія и благодарности...

Не прошло и десяти минутъ, какъ народъ уже окружалъ церковь и спѣшилъ укрыться отъ дождя подъ сводами храма Божія.

Предсказаніе старца не сбылось: на вечеръ не было слышно ни шума ни пѣсенъ на улицѣ. Крестьяне сидѣли скромно по домамъ и въ чувствѣ благодарности прославляли услышавшаго ихъ Господа.

Какъ прекрасны эти всенародныя молитвованія! Какъ утѣшительна эта вѣра народная, что всякое благо на землѣ ниспосылается отъ Господа! И пока жива эта вѣра, намъ нѣтъ надобности страшиться того, что такъ грозно волнуетъ и страшитъ общество на Западѣ. Механическое, мертвое, безотрадное возрѣніе на міръ и природу — Боже, упаси насъ отъ него! — разрушая гармонию нашего внутренняго міра, устраняя живое, непосредственное и глубоко вѣрное пониманіе смысла

жизни, сказывается разрушительно и въ дѣйствительной жизни, возстановляя отдѣльныхъ людей и цѣлые классы другъ противъ друга. Какъ не припомнить радостное воззваніе: «Славаю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ то младенцамъ!» (Мат. 11, 25).

V. Осеннія думы.

Въ что-то невыразимо грустное въ созерцаніи осенней природы. Тоска невольно щемитъ сердце при видѣ пожелтѣвшихъ и опустѣвшихъ полей, при видѣ лѣса, потерявшаго свою пышную лѣтнюю одежду, при частомъ ненастьи, при свистѣ и завываніи вѣтра... Давно ли веселили сердце яркіе, сіяющіе дни—и вотъ теперь нависло сѣрое небо, обложили его низкія, тяжелыя, мрачныя тучи. Давно ли я наслаждался въ знойный лѣтній полдень прохладой могучаго бора, его свѣжимъ, чистымъ воздухомъ, среди котораго раздавалось пѣніе птицъ? Какъ пріятенъ былъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ пробѣгалъ по вершинамъ деревьевъ! Но вотъ старыя деревья давно облетѣли, и только кой-гдѣ на молодыхъ еще мелькаютъ увядшіе желтоватыя листочки, какъ бы напоминая о минувшемъ лѣтѣ. Лишь изрѣдка заблестятъ они багрянцемъ и золотомъ, когда коснутся ихъ лучи невысокаго осенняго солнца... Давно ли разноцвѣтный коверъ разстилался на лугахъ подъ ногами, веселя зрѣніе и улаждая обоняніе, — и вотъ теперь на землѣ всюду — иссохшіе листья, мягкіе и пухлые отъ сырости, да пожелтѣвшая трава... Унылая пора! Но отчего же тѣмъ не менѣе эта навѣвающая тоску осенняя природа такъ много говоритъ сердцу, — гораздо болѣе, чѣмъ свѣтлые лѣтніе дни? Не правда ли, есть какая-то своеобразная прелесть въ этомъ зрѣлищѣ осенняго замиранія?

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!

Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы *).

Въ самомъ дѣлѣ, природа, подобно людямъ, не говорить ли нашему сердцу больше и сильнѣе въ грустные дни? Или, быть-можетъ, невольное чувство грусти, навѣваемое осенней природой, болѣе сродно нашему сердцу, чѣмъ беззаботное веселье, и слезы — полезнѣе, чѣмъ смѣхъ? Стоишь, не отрываясь очами отъ грустной дали потемнѣвшихъ полей, слушаешь — не наслушаешься забыванья осенняго вѣтра — и мысль невольно устремляется къ грустнымъ, печальнымъ сторонамъ жизни, въ душѣ возникаютъ образы и картины давно минувшаго, вновь звучать отголоски какихъ-то забытыхъ, но хорошо знакомыхъ вздоховъ и стонувъ... Невольно вспомнишь о всемъ томъ, что крушитъ и омрачаетъ твою жизнь, о дорогихъ, невозвратимыхъ утратахъ, о горькихъ разочарованіяхъ и разбившихся впрахъ мечтахъ, и также невольно припомнишь слово Премудраго: «суета суетъ!» Не пойдутъ на умъ въ это время веселыя пѣсни, нѣтъ! Скорѣе вспомнишь о томъ могучемъ пѣвцѣ скорби, который во всей жизни человечества видѣлъ лишь одно исчезнувшее величіе, поблекшую красоту, однѣ развалины, который утверждалъ, что доля каждаго человека есть скорбь и страданія, что жизнь людская

«Пустынный дикій берегъ,
Гдѣ стонуть волны, пылью разсыпаясь,
И изъ себя выбрасываютъ только
Обломки скалъ и бѣлые скелеты».

Вспомнишь кстати и стараго мудреца, высказавшаго наблюдение, что грустный, меланхолическій взглядъ на жизнь пре-

*) Пушкинъ.

обладаетъ у всѣхъ великихъ и благородныхъ людей. Припомнишь всѣ эти отголоски — и твоя грусть какъ будто получить свое оправданіе...

Зловѣщій блескъ и пестрота деревь,
Багряныхъ листьевъ томный, легкій шелестъ,
Туманная и тихая лазурь
Надъ грустно сиротѣющей землею,
И, какъ предчувствіе сходящихъ бурь,
Порывистый, холодный вѣтръ порою,
Ущербъ, изнеможенье, и на всемъ
Та кроткая улыбка увяданья,
Что въ существѣ разумномъ мы зовемъ
Возвышенной стыдливостью *страданья?* *)

Такъ, безспорно, скорбь и страданія — удѣлъ человеческой жизни. Но посмотри внимательно кругомъ: среди омертвѣлыхъ полей ты замѣтишь свѣжую зелень новыхъ посѣвовъ — залогъ будущей жизни. Пройдетъ осень вмѣстѣ съ зимой — и природа воскреснетъ къ новой жизни. Такъ и христіанинъ среди горя и страданій земной жизни не долженъ забывать о великихъ обѣтованіяхъ Божіихъ. Скорби и страданія очищаютъ душу и готовятъ ее къ новой жизни, гдѣ уже не будетъ ни печали, ни воздыханія. Вспоминай это чаще, христіанинъ, и твоя скорбь растворится радостью, и ты согласишься съ тѣмъ, что

«Никогда нѣтъ такого горя,
Въ которомъ не было бѣ и радости!»

Научившись безропотно переносить страданія, ты приобретешь то возвышенное терпѣніе, то величавое спокойствіе духа, которыхъ не возмутятъ земныя невзгоды, потому что взоръ твой сквозь свинцовыя тучи скорбей проникнетъ въ ту

*) Тютчевъ.

область, гдѣ сіяетъ вѣчное солнце, гдѣ царитъ миръ и невозмутимая радость.

Тебѣ грустно смотрѣть на увядающіе цвѣты, на облетѣвшіе листья! Все это напоминаетъ тебѣ объ увядшей красотѣ, объ ослабѣвшихъ силахъ, объ отлетѣвшихъ надеждахъ. Но кто же внушилъ тебѣ, что вся жизнь твоя будетъ одной вѣчной весной, непрерывающимся празднествомъ, что все твое назначеніе въ томъ только и состоитъ, чтобы ѣсть, пить и веселиться? Развѣ съ дѣтства не говорили тебѣ о твоёмъ истинномъ назначеніи? Если ужъ о чемъ жалѣть и сокрушаться, то—вовсе не о потерянныхъ благахъ, а скорѣе о томъ, что ты не сумѣлъ какъ слѣдуетъ воспользоваться ими и уподобился стрекозѣ, которая лѣто цѣлое все пѣла. Можетъ-быть, при видѣ поздней осени, ты вспомнишь о ранней веснѣ твоей жизни,—о счастливомъ дѣтствѣ? Можетъ-быть, при видѣ убогихъ хатъ, темнѣющихъ вдали, ты вспомнишь о тихомъ родительскомъ кровѣ, въ душѣ твоей промелькнетъ кроткій образъ любящей матери, склонявшейся надъ твоимъ изголовьемъ, отца, который съ проникнутой любовью заботливостью внушалъ тебѣ строгія правила истинно-христіанскаго поведенія? Вспомнишь, можетъ-быть, и о томъ, какъ ты былъ чистъ и незлобивъ душою въ невозвратимые дни золотого дѣтства? О, ты будешь счастливъ, если эти свѣтлыя воспоминанія не омрачатся тотчасъ же другими,—горькими, печальными. Но много ли такихъ счастливецъ? Много ли такихъ, которые могутъ сказать о себѣ, что они рано научились цѣнить самоотверженную любовь родителей, что они не причинили имъ горя непокорностью, грубостью, самоволіемъ, рано усвоенными дурными привычками? Многие ли сумѣли цѣнить труды и заботы родительскіе, отвѣчая на нихъ добрымъ поведеніемъ и нѣжнѣйшимъ чувствомъ благодарности? Не чаще ли дѣти смотрятъ на заботы и жертвы для нихъ родителей, какъ на что-то должное съ ихъ стороны, для нихъ безусловно обя-

зательное и необходимое, и не умѣютъ понять и почувствовать истинной, чистой и безкорыстной любви? Слезы матери, ея безсонныя ночи, ея беспокойныя мучительныя думы... О, какъ я желалъ бы теперь исправить и загладить все горе, причиненное родителями въ моемъ дѣтствѣ, какъ любовно приникъ бы къ сердцу матери, съ какими сладкими слезами цѣловалъ ея руки, не знавшія устали въ уходѣ за дѣтьми! Увы, все это невозвратно и непоправимо... Дѣти, берегите дни дѣтства: только разъ въ жизни мы вкусимъ нѣжныя ласки матери; считайте минуты этихъ ласкъ за великое счастье, дорожите имъ. Только разъ въ жизни все въ насъ дышитъ чистотою сердца, невинностью и искренностью. Постарайтесь во всю жизнь сохранить эти качества, безъ которыхъ намъ не отверзутся райскія двери, да не омрачатъ яснаго неба души вашей мрачныя тучи нечистыхъ помысловъ, да не возмущаютъ его ваши капризы—эти зародыши «сердечной порчи, ржа сердца, моль любви, сѣмя злобы, мерзость Господу.»*) — и тогда вы избѣгнете горечи позднихъ слезъ раскаянія и сожалѣнія о невозвратимомъ прошломъ, жгучихъ, мучительныхъ слезъ...

Темнѣетъ даль осенняго ландшафта, вереницей тянутся по небу безъ конца мрачныя тучи, гонимыя вѣтромъ, вереницей встаютъ воспоминанія. Была пора дѣтства, настала весна юности. Какъ въ природѣ въ майскіе дни все дышитъ полною жизнью, такъ душа въ юные годы была полна надеждъ и стремленій... Казалось мнѣ, молодыя силы рвались на просторъ и только ждали своего приложенія. Чудные, прекрасные годы!.. Сколько было вѣры въ себя, въ возможность быстрого осуществленія всевозможныхъ плановъ и благихъ предначертаній! Но вмѣстѣ съ добрыми порывами незамѣтно развились дурныя наклонности дѣтства, вырвались на волю страсти, и

*) Слова о. Іоанна крившадтскаго.

сколько силъ растратилось совершенно безплодно! Разгоряченное воображеніе рисовало передо мною въ обворожительныхъ чертахъ картины моей будущей дѣятельности, а силы, вмѣсто разумнаго приготовленія къ ней непрерывнымъ трудомъ и усвоеніемъ истинно полезныхъ свѣдѣній, уходили на праздные споры, на всевозможныя излишества... И вотъ, когда наконецъ настала пора зрѣлаго возраста, пора дѣятельнаго приложенія своихъ силъ, у меня не оказалось ни достаточно выдержки и терпѣнія, ни трудолюбія, ни самыхъ необходимыхъ познаній, ни твердаго сознанія долга, ни любви къ ближнимъ... И вотъ это грустное поле, на которомъ такъ еще недавно красовалась тучная нива,—это поле, такъ недавно еще полное жизни, а теперь пустое и только кое-гдѣ усѣянное одиноко колеблющимися и поникающими долу стеблями, представляется мнѣ вѣрнымъ образомъ моей жизни. Но вѣдь съ этого поля собрали плоды. Вонъ тамъ, близъ жилия, темнѣютъ высокіе одонья и скирды хлѣба, которымъ будутъ кормиться много народа до будущаго урожая. Гдѣ же плоды моей дѣятельности? Гдѣ же тѣ планы и мечты, которыми такъ красна была весна моей жизни? Гдѣ самоотверженное служеніе общему благу? Гдѣ добросовѣстное исполненіе своего долга? Гдѣ добрые посѣвы для грядущихъ поколѣній, для жатвы будущаго? Увы, ихъ очень немного или и вовсе нѣтъ! Какъ увядшіе листья, отлетѣли когда-то гордыя надежды и мечтанія, и вмѣсто нихъ возникаетъ рядъ сѣрыхъ будничныхъ дней, съ жалкими самолюбивыми расчетами, съ мелкими интересами, со всей безтолковой суетой нашей жизни, съ нажитыми дурными привычками, съ безчисленнымъ множествомъ искусственныхъ потребностей, съ темными, наконецъ, пятнами на совѣсти... И говоритъ мнѣ замирающая осенняя природа, что и этому скоро настанетъ конецъ, и это все скоро такъ же исчезнетъ для тебя, какъ исчезнуть подъ снѣжнымъ покровомъ зимы эти изсохшіе листья, эти пожелтѣлыя поля... И тебя

самого пожнеть неумолимый серпъ смерти, подобно колосьямъ, когда-то весело шумѣвшимъ на этомъ полѣ... Грустно!.. Но не падай духомъ, не приходи въ отчаяніе! Можетъ-быть, и поздни твои сожалѣнія и твое раскаяніе, но безконечно милосердый Отецъ небесный еще длить дни твоей жизни и не отвергаетъ пришедшаго къ Нему даже и въ единонадесятый часъ. Постарайся, по крайней мѣрѣ, дорожить остальными днями и, умудренный горькимъ опытомъ, исправь, что возможно, изъ дурно сдѣланнаго тобою, отри, если можешь, слезы обиженныхъ, поддержи ослабѣвшаго брата, а главное — принеси слезы искренняго раскаянія и моли, моли со всей силой и теплотою души, чтобы Всемогущій Творецъ помогъ тебѣ провести остальные годы твоей жизни въ мирѣ и покаяніи, въ мирѣ съ Богомъ и ближними, и сподобилъ тебя честной старости... Смотри: это помертвѣлое поле вновь оживетъ и зашумитъ свѣтлыми колосьями, этотъ обнаженный лѣсъ вновь облачится въ недавнюю красу, и вся природа пробудится къ новой жизни. Моли Господа, чтобы и для тебя настала весна новой жизни, и чтобы, очистившись отъ всего земного, тлѣннаго и грѣшнаго, и ты воскресъ для новой, блаженной и никогда не старѣющей жизни!

Если же осень твоей жизни ясна, какъ бываютъ иногда ясны и свѣтлы осенніе дни, если она такъ же изобильна плодами, какъ послѣ благоприятнаго дѣла,—о, благодари тогда всемилостиваго Подателя щедротъ! Благодари его за золотые дни твоего дѣтства, если послѣдующая жизнь не помutilа чистоты твоего сердца, благодари за своихъ родителей, которые постарались заботливо вырастить молодой ростокъ твоей жизни и уберегли его отъ всевозможныхъ вредныхъ вліяній, благодари за весну твоей жизни, во время которой удалось тебѣ воспринять всѣ добрые посѣвы, благодари за красное лѣто твоей жизни, во время котораго тебѣ удалось потрудиться на нивѣ Божіей во благо ближнимъ и затотовить добрые

плоды въ виду приближающейся зимы,—благодари за все это съ искренними теплыми слезами: тебя можно назвать счастливейшимъ изъ смертныхъ! Радости зрѣлаго возраста и приближающейся къ концу осени твоей жизни, чистыя радости спокойной совѣсти и сознанія не тщетно прожитой жизни да будутъ для тебя предвѣщеніемъ вѣчныхъ радостей, которыя Богъ уготовалъ всѣмъ, возлюбившимъ Его...

VI. Масленица.

Настала масленица... Въ деревняхъ, селахъ, городахъ,— всюду,— куда ни приѣдешь, широкой разгулъ, пѣсни, пированье... Другъ друга поздравляютъ съ широкой масленицей. Но представьте себѣ: если бы кто-нибудь, войдя въ общество веселящихся, вдругъ сказалъ бы кому-нибудь, что съ нимъ стряслась какая-нибудь страшная бѣда—потеря имущества, близкаго человѣка, жены, сына—какъ бы вдругъ измѣнилось его лицо! Какая блѣдность покрывала бы щеки, разгорѣвшаяся отъ веселья! Какъ быстро онъ понялъ бы всю неумѣстность дальнѣйшаго веселаго пированья! А между тѣмъ всѣмъ, предающимся необузданному масленичному разгулу, именно и приходится напомнить нѣчто подобное этому...

Мы хорошо знаемъ, чему радовались именно въ это время, которое у насъ теперь называется масленицей, наши предки-язычники: они вѣровали въ добрыхъ и злыхъ боговъ, вѣровали въ то, что добрыя божества находятся въ борьбѣ съ злыми, враждебными человѣку, и примѣчали, что съ замѣтнымъ прибавленіемъ свѣта и тепла добрыя силы одолевали зло. Они съ увлеченіемъ сожигали «Марану», подъ которой разумѣли зиму или смерть, и радостно призывали приближавшуюся весну:

«Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію,

Съ льномъ высокѣмъ,
Съ корнемъ глубокѣмъ,
Съ хлѣбами обильными!

Такъ вѣрили наши предки, и ихъ веселье становится для насъ вполне понятнымъ. Чему же радуемся мы, христіане?

Зайдемъ въ православный храмъ и тамъ мы услышимъ плачь, горе, сѣтованіе. Что это значитъ? Это значитъ то, что св. Церковь, какъ разъ въ эту недѣлю безумнаго людскаго веселья и смѣха, вспоминаетъ событіе, безотраднѣе котораго ничего нельзя себѣ представить, съ которымъ не сравнится никакое горе, какъ бы оно ни было страшно,—притомъ такое, которое никогда и ни для кого изъ людей не теряетъ и никогда не потеряетъ, пока живетъ челоѣчество на землѣ, всей своей страшной бѣдственности,—именно грѣхопаденіе въ раю нашихъ прародителей.

Вся природа страдаетъ, пораженная проклятіемъ за грѣхъ челоѣка. Губительныя войны, страшныя болѣзни, изнурительныя труды, все горе челоѣческой жизни,—все это—слѣдствіа грѣхопаденія. Всѣ наши грѣхи, эти страшныя язвы души, имѣютъ начало въ этомъ первомъ грѣхопаденіи. Смерть явилась въ міръ, какъ прямое слѣдствіе грѣха. Вся наша жизнь проникнута грустью, и напрасно мы стараемся усыпить ее въ морѣ веселья и удовольствій. Мудрецы и поэты всѣхъ странъ въ величайшихъ своихъ произведеніяхъ говорятъ о скорби, какъ объ основномъ мотивѣ челоѣческой жизни.

Какой-то мудрецъ старыхъ лѣтъ ходилъ въ уединенномъ мѣстѣ, погруженный въ размышленіе о судьбахъ челоѣчества. Изъ своей задумчивости онъ былъ выведенъ вопросомъ:

— Ты, вѣрно, видѣлъ его? Скажи, куда пошелъ онъ; я устремлюсь вслѣдъ его и, можетъ-быть, достигну его.

Обратившись, мудрецъ увидѣлъ дѣвицу. На ней была одежда царскихъ дочерей, но изношенная и изорванная. Лицо ея

было мрачно и загорѣло, но черты его показывали бывшую нѣкогда высокую красоту. Осмотрѣвъ странницу, мудрецъ спросилъ ее:

— Что тебѣ нужно?

Она опять повторила:

— Ты, вѣрно, знаешь его, скажи, гдѣ и какъ мнѣ найти его?

— Но о чемъ это говоришь ты?—сказалъ мудрецъ.

— Ты развѣ не знаешь объ этомъ?—отвѣчала дѣва. — А я думаю, что нѣтъ челоѣка, который бы не зналъ о горѣ моемъ.

Мудрецъ съ участіемъ спросилъ ее:

— Скажи, въ чемъ горе твое, и, можетъ-быть, я придумаю, какъ пособить тебѣ...

— Подумай и пособи!—отвѣчала она. — Вотъ что я скажу тебѣ. Я была въ странѣ свѣтлой, исполненной радости. Мнѣ было тамъ хорошо, какъ хорошо! Готовился бракъ... Женихъ мой, не помню чертъ лица его, былъ неописанной красоты... Ужъ все почти я забыла... но помню, что все уже было готово къ браку, какъ вотъ кто-то пришелъ и говорилъ мнѣ такія сладкія рѣчи... Потомъ далъ мнѣ что-то выпить. Я выпила и тотчасъ впала въ безпамятство и заснула. Проснувшись,—ахъ, лучше бы мнѣ не просыпаться никогда!—проснувшись, я нашла себя на этой землѣ, мрачной и душной. Куда дѣвалось то мое свѣтлое жилище? Гдѣ мой женихъ и его радостныя очи,—я того не знала. На первыхъ порахъ я только бѣгала въ безпамятствѣ туда и сюда, рвала на себѣ волосы и била себя въ перси отъ сильной муги, томившей душу мою. Успокоившись немного, я рѣшилась искать потерянное... И вотъ сколько уже времени хожу по землѣ и не нахожу того, его же возлюбилъ душа моя. Днемъ спрашиваю солнце, а ночью луну и звѣзды, каждая сутки обходя кругомъ землю: не видали ль вы того, кого ищетъ душа моя?

И они не даютъ мнѣ отвѣта... Есть ли горы, гдѣ бы не слышался голосъ мой? Есть ли лѣса, гдѣ бы не раздавался вопль мой? Есть ли долины, которыхъ бы не истоптала нога моя? Но вотъ сколько уже времени блуждаю, ища потерянаго, и не нахожу. Но скажи, не знаешь ли ты, гдѣ то, о чемъ такъ тужить душа моя?

Мудрецъ подумалъ немного и сказалъ:

— Если бы ты назвала мнѣ имя жениха твоего и имя царства его и страны, гдѣ было свѣтлое жилище твое, я указалъ бы тебѣ туда дорогу, а по тому, какъ ты говоришь, никто не можетъ поруководить тебя. Развѣ не сжалится ли надъ тобою женихъ твой и не пошлетъ ли кого указать тебѣ дорогу въ потерянное тобою блаженное жилище или не придетъ ли самъ за тобою!

Сказавъ сіе, мудрецъ отвернулся, а дѣва пошла далѣе снова искать необрѣтаемаго *).

Что значить эта притча? Она изображаетъ природу чело-вѣка, тоскующаго о потерѣ рая и райскаго общенія съ Богомъ, ищущую Бога и не находящую Его. Въ этомъ иносказаніи—вся разгадка бѣдственности нашей жизни, полное объясненіе всѣхъ воплей и жалобъ на человѣческую жизнь.

Нечего сказать, подходящее время выбрали христіане для того, чтобы предаваться безумному веселью... Прилична ли радость при гробѣ мертвеца? Развѣ чело-вѣчество не умерло духовно, лишившись общенія съ Богомъ? Развѣ смерть не продолжаетъ собирать обильной жатвы среди грѣшнаго міра?

Но что же дѣлать? скажутъ, можетъ-быть, многіе. Таковъ народный обычай. Странно было бы итти одному противъ всѣхъ. Прекрасно. Но вѣдь мы знаемъ, что много, много народныхъ обычаевъ со временемъ исчезаетъ, что просвѣщеніе, развитіе болѣе разумныхъ взглядовъ ведетъ мало-по-малу къ

*) Письма о христіанской жизни еп. Теофана. 168—169.

изглаженію вредныхъ обычаевъ. Не справлялся ли еще въ очень недавнемъ прошломъ, да еще два раза въ годъ, весной и осенью, языческой праздникъ Ярилы, сопровождавшійся страшнымъ разгуломъ? Но несмотря на то, что народъ каждый разъ съ нетерпѣніемъ дожидался времени «игрища», наши святители, архіепископы Меодій и Амвросій, въ особенности же святитель Тихонъ Задонскій, искоренили вредный обычай. А масленица—развѣ не вредный обычай? Сколько пропадаетъ даромъ трудовыхъ народныхъ денегъ! Сколько разстраивается здоровья! О другихъ слѣдствіяхъ страшнаго разгула: сквернословіи, дракахъ, преждевременной гибели многихъ, и говорить нечего... Наша такъ называемая интеллигенція иногда любитъ говорить о своей любви къ народу... Но много ли сдѣлала она для вразумленія народа? Не раздѣляетъ ли она въ данномъ случаѣ сама общенароднаго заблужденія? Въ самомъ дѣлѣ, не пора ли каждому разумному чело-вѣку сказать мужественно свое слово о вредѣ такъ сказать узаконеннаго разгула? Не пора ли особенно школь притти въ данномъ случаѣ на помощь Церкви? Приводитъ насъ въ смущеніе и слѣдующее обстоятельство. Въ прежнія времена воспитанники учебныхъ заведеній вмѣстѣ съ масленицей освобождались отъ ученія на первую недѣлю Великаго поста. Теперь это, кажется, повсемѣстно отмѣнено, кромѣ духовноучебныхъ заведеній. Но разумно ли это? Способствуетъ ли это церковному, истинно-христіанскому воспитанію подрастающаго юношества? Посудите сами: на масленицу воспитанники увольняются, а съ чистаго понедѣльника—вновь за обыкновенную учебную работу. Для говѣнья предназначается Страстная седмица. Но многіе иногородные возвращаются домой только къ первымъ днямъ Страстной недѣли, особенно если ихъ въ дорогѣ застигнетъ весенняя распутица. Затѣмъ—радость свиданія, первые дни для разговоровъ, для отдыха... что же остается для говѣнья? Прибавьте къ этому, что во всѣхъ

учебныхъ заведеніяхъ послѣ Святой начинаются экзамены, самая страдная пора въ жизни ученика. Многие и многіе изъ нихъ, желая освободить для отдыха хотя первые дни Святой, спѣшатъ сдѣлать какъ можно больше на Страстной въ виду наступающей грозы. Иные прямо не говѣютъ или говѣютъ только для вида, для полученія свидѣтельства о говѣнии... Не грустно ли это, что наше юношество воспитывается почти совсѣмъ безъ впечатлѣній Великаго поста,—впечатлѣній, ложащихся глубоко на душу, неизгладимо сильныхъ, потрясающихъ юную душу, остающихся на всю жизнь?.. Или въ самомъ дѣлѣ такъ ужъ много можно сдѣлать въ одну учебную недѣлю, что ея нельзя и пожертвовать для этихъ впечатлѣній? Но лучше ли будетъ, если пріобрѣтеніе даже и громадныхъ званій сопряжено будетъ съ упадкомъ церковнаго воспитанія?! Объ этомъ, думается намъ, слѣдовало бы поглубже размыслить, тѣмъ болѣе, что и самое исправленіе замѣчаемаго нами пробѣла не представляетъ особеннаго затрудненія.

VII. День скорби.

(Великая пятница).

Вакія-то необъяснимыя тревожныя ощущенія волнуютъ душу. Душа чего-то ищетъ, къ чему-то стремится; все окружающее получаетъ какъ будто свой особый смыслъ; является желаніе удалиться куда-нибудь отъ житейской суеты, отъ обычныхъ тревогъ и заботъ и посвятить себя тихому вдумчивому размышленію. Предъ взоромъ христіанина неотступно стоитъ страдальческій образъ съ поникшею главою, съ потухшимъ взоромъ; невольно чувствуется, что въ Немъ заключено все: и надежды и печали, утѣшеніе и скорби, вѣра, жизнь и небеса, со всеми ихъ радостями и вѣчнымъ блаженствомъ...

«Пятокъ пасцѣ» — какою это великій день!

Если бы собрать все, что написано, что пережито и пере-чувствовано людьми подъ впечатлѣніями этого дня, если бы собрать всѣхъ величайшихъ мыслителей, ораторовъ и поэтовъ всѣхъ временъ, всего этого было бы недостаточно, чтобы изобразить всѣ ужасы, все грозное величіе и всю спасительность этого дня.

Было около полудня—и «распяли Его!» Такъ кратко сказали евангелисты объ этомъ величайшемъ событіи всемірной исторіи. О, какъ хотѣлось бы узнать всѣ подробности, всѣ обстоятельства, относящіяся къ этому событію! Но съ другой стороны — что можетъ быть сильнѣе, выразительнѣе этихъ

братскихъ словъ, въ которыхъ сосредоточенъ весь смыслъ, все значеніе этого событія!

Крестная казнь сопровождалась жесточайшими, невыносимыми страданіями. Неестественное протяженіе рукъ и всего тѣла, нестерпимыя муки при малѣйшемъ движеніи, судороги, воспаленія язвъ, подвергнутыхъ дѣйствию свѣжаго воздуха, неправильное кровообращеніе, приливъ крови къ головѣ, производящій ужасную головную боль, затрудненное дыханіе, мучительная жажда, смертельная тоска и томленіе духа... Поистинѣ адская злоба, превосходящая лютость кровожадныхъ звѣрей, могла изобрѣсти столь ужасную казнь!

Въ тотъ ужасный часъ, когда Искупителя поглощала бездна страданій, среди жесточайшихъ мукъ и безконечной скорби, Онъ молился за Своихъ мучителей: «Отче! прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ». Возможно ли изобразить всю силу сказавшейся въ этихъ словахъ безпредѣльной любви къ человѣчеству! Если Небо слышитъ наши молитвы, если Оно исполняетъ «во благихъ» наши желанія, то безъ сомнѣнія была услышана эта молитва Божественнаго Страдальца. Но ея не слышали, не желали слышать враги Христа. Страшная злоба окаменила сердца ихъ, сдѣлала ихъ кровожаднѣе лютыхъ звѣрей: въ лицѣ ихъ, предъ лицомъ безконечной кротости и всепрощающей любви, проявилась какъ бы сама олицетворенная ярость, изрыгающая все, что въ ней есть ядовознаго. Необузданная толпа народа, воины, вожди народные—каждый по-своему спѣшатъ выразить свое ожесточеніе и ненависть къ беззащитной жертвѣ. Сама природа какъ бы не вынесла этого ужаснаго зрѣлища людской злобы и низости. Среди полудня солнце внезапно помергло, мракъ покрывъ землю, и въ теченіе трехъ часовъ длилась ночь, пока Божественный Страдалецъ не поникъ главою и не испустилъ духъ. Какой глубокой смыслъ сокрытъ въ этомъ поразительномъ явленіи!

Мертвая тишина окружила теперь крестъ, близъ котораго такъ недавно еще раздавались неистовые крики злобы. Ужась предъ грознымъ знаменіемъ гнѣва Божія охватилъ всѣхъ и сковалъ богохульные уста. И вотъ среди безмолвнаго ужаса раздалось слова Страдальца: «Боже Мой, Боже Мой, почто Ты Меня оставилъ?» У насъ нѣтъ силъ разгадать тайну этого восклицанія: смерть — обычное и естественное явленіе для насъ, но ужасное и неестественное для Безгрѣшнаго; ужась жертвы, подъявшей бремя грѣховъ всего міра, послѣдній моментъ страшной борьбы со всѣми силами зла и ада... Нѣтъ, нѣтъ! какъ бы ни старались объяснить эти слова, мы чувствуемъ, что здѣсь совершилась непостижимая для насъ, ужасная тайна. Мы можемъ лишь съ трепетомъ сердца преклониться предъ ужасомъ, объявшимъ душу нашего Спасителя, и въ чувствѣ безпредѣльной благодарности и любви пасть у подножія Его креста...

Послѣдніе моменты неизобразимой человѣческими словами борьбы истощили Страдальца. Слабая искра жизни скоро угаснетъ. Утомленный до послѣдней степени, съ потухающими взорами, съ пересохшими устами, Спаситель восклицаетъ: «Жажду!» Близъ креста стоялъ сосудъ, полный укуса. Этимъ укусомъ напители губку, воткнули на трость иссопа и поднесли къ устамъ Исуса. Но только ли простое чувство жажды выразилось въ этомъ восклицаніи? Не слышится ли въ немъ нѣчто большее, — жажда побѣды, жажда совершенія подвига цѣлой жизни, жажда скорѣйшаго наступленія великой минуты всеобщаго искупленія? И вотъ эта минута настала. Раздалось великое, сильное слово, потрясающее небо и землю,— слово, сила котораго простирается на всю вѣчность, слово, важнѣе и значительнѣе котораго никогда не произносилось языкомъ человѣческимъ — «совершилось!» Величайшій подвигъ исполненъ; борьба окончена; насталъ мигъ побѣды и торжества. Отселѣ предъ нами — не без-

защитный Страдалецъ, но—Царь, побѣдившій міръ крестомъ и страданіями.

Вспомнимъ о неисчисленныхъ бѣдствіяхъ, порождаемыхъ грѣхомъ и злобою, о страшной власти зла надъ душою, о губительномъ вліяніи грѣха на всѣ наши отношенія, наконецъ вспомнимъ о той ужасной безднѣ, на краю которой мы скользимъ, готовые ежеминутно обрушиться, — и тогда мы отчасти поймемъ значеніе этого слова «совершилось!» Это — побѣдная пѣснь объ искупленіи челоѣчества, это — кличъ побѣдителя зла и смерти. Совершилось величайшее, необычайное событіе, опредѣленное отъ сложенія міра, возвѣщенное пророками, ожидаемое въ теченіе тысячелѣтій. Сокрушено все, что лишало насъ міра, что грозило вѣчной гибелью. Правосудіе Божіе удовлетворено; рукописаніе грѣховъ уничтожено. Искупленіе совершилось.

Свѣтлый міръ водворяется въ душѣ Побѣдителя смерти. Такъ недавно еще, въ минуту тяжелой борьбы, Онъ восклицалъ: «Боже Мой! почто Ты Меня оставилъ?» Теперь Онъ снова обращается къ Своему небесному Отцу и радостно передаетъ Ему духъ Свой. Умолкъ божественный голосъ, такъ часто изрекавшій благословенія и повелѣвавшій стихіямъ; угасъ небесный взоръ, проникавшій въ самые сокровенные тайники челоѣческаго сердца; перестало биться сердце, обнимавшее весь міръ любовію; охладѣли руки, простиравшіяся для исцѣленій, изсякъ источникъ жизни, но весь міръ наполняется волнами благодати Божіей, вмѣсто водъ потопа, каравшихъ нѣкогда беззаконія.

Кто можетъ изобразить значеніе этой смерти? Это величайшій подвигъ безконечной любви. Она важнѣе всѣхъ древнихъ и новыхъ чудесъ, безконечно важнѣе величайшихъ событий міра. Это — побѣда надъ адомъ, уничтоженіе царства грѣха и смерти. Пусть еще смерть собираетъ свою жатву на землѣ, пусть еще вторгается, какъ внезапная гостья, въ наши

земныя радости; пусть ежеминутно грозитъ каждому изъ насъ и попрежнему превращаетъ земной шаръ въ одну обширную могилу, — мы можемъ воскликнуть вмѣстѣ съ великимъ учителемъ: «смерть! гдѣ твое жало?»

Неисчислимы благотворныя слѣдствія смерти Христовой для души челоѣческой. Ученики Вильяма и Пенна думали распространить въ Америкѣ христіанскую цивилизацію, не упоминая о великихъ христіанскихъ догматахъ, трудились около полутора столѣтій, но не имѣли никакого успѣха. Однажды, какъ бы по внезапному вдохновенію, миссіонеръ раскрылъ Новый Завѣтъ и сталъ читать дикарямъ о страданіяхъ Спасителя. Изъ глазъ слушающихъ полились слезы, и они обратились ко Христу (Пуленъ, L'Oeuvre des Missions evangeliques. I t. in 12. Женева. 1867). Закоренѣлое въ порокахъ и заблужденіяхъ сердце челоѣка часто не поддается никакимъ увѣщаніямъ, не сдается ни подъ какими ударами судьбы, не повируется никакимъ велѣніямъ, но то, чего не достигаютъ никакія угрозы и внушенія, совершаетъ одинъ взглядъ грѣшника на крестъ Искупителя. При этомъ зрѣлищѣ сокрушается самое жестокое сердце, здѣсь побѣждается непобѣдимое зупорство, здѣсь проливаются слезы раскаянія. Божественная любовь, безконечное милосердіе побѣждаютъ душу; сила смерти Христовой проникаетъ въ самые сокровенные тайники челоѣческаго сердца и возбуждаетъ въ нихъ новую жизнь. Въ царствѣ смерти, среди тьмы и грѣха, страха и мученій, воскресаетъ новый челоѣкъ, возрождающійся къ святой и праведной жизни. Дивная сила смерти Христовой не только отвергаетъ святилище храма, колеблетъ землю, потрясаетъ скалы, проникаетъ въ могилы, но совершаетъ еще несравненно болѣе — грѣшника обращаетъ въ праведника и возрождаетъ къ новой духовной жизни.

VIII. День свѣтлой радости *).

Въ невыразимой печали провели субботній день апостолы и св. жены. Безъ сомнѣнія, всѣ они, будучи земляками, изъ родной Галилеи, а еще болѣе—связанные пламенною любовью къ своему возлюбленному Учителю, провели субботу вмѣстѣ или поблизости другъ отъ друга. Для всѣхъ ихъ эта суббота была воистину субботою тихихъ горькихъ слезъ, скорби и отчаянія. Святые жены присутствовали при погребеніи; «видѣша гробъ и яко положено бысть тѣло Его» (Лук. 23, 55), онѣ внимательно всматривались въ мѣсто, «гдѣ Его полагаху» (Мрк. 15, 47). Сверхъ того св. жены примѣтили, что Иосифъ и Никодимъ очень спѣшили погребеніемъ и не исполнили всего, что полагалось по иудейскимъ обычаямъ, да и нельзя было не спѣшить: погребеніе совершалось въ Великій пятокъ поздно вечеромъ, солнце уже скрывалось за іерусалимскими холмами, и наступала суббота, «великъ день». Въ теченіе субботняго покоя онѣ, безъ сомнѣнія, только и видѣли предъ собою, что потрясающія событія предыдущаго дня: малѣйшая подробность представлялась ихъ взору съ поражающей ясностью, и вотъ, наконецъ, все вниманіе ихъ приговывалось къ одной мысли, что не все еще сдѣлано для незабвеннаго Учителя, что предстоитъ еще окончить надлежащимъ образомъ Его погребеніе. Онѣ, готовые отдать свою жизнь за Иисуса, порывались теперь воздать послѣдній долгъ Почившему и заготовили

*) При составленіи настоящаго разсказа нами руководила мысль не проронить ни одной крупинки евангельскаго повѣствованія о воскресеніи. Только «изъ снесенія повѣствованій о семь всѣхъ четырехъ евангелистовъ слагается полная исторія событій этого единственнаго въ исторіи утра, утра Свѣтлаго Христова Воскресенія». Преосв. Михаилъ.

свѣжій благовонія и ароматы. И вотъ лишь только миновалъ срокъ субботняго покоя, «зѣло рано» (Лук. 24, 1), «еще сущей тмѣ» (Іоан. 20, 1), Марія Магдалина, Марія Іаковля, Іоанна, «жена Хузана, приставника Иродова, и ины, яже служаху Ему отъ имѣній своихъ» (Лук. 8, 3) при жизни и теперь вмѣстѣ съ нимъ и апостолами на праздникъ Пасхи «пришли отъ Галилеи» (Лук. 23, 55), устремились ко гробу, «носяще, яже уготоваша, ароматы» (Лук. 24, 1). Но раньше всѣхъ вышла изъ дому, «пламенѣя,—по выраженію св. Златоуста,—самою нѣжною любовію къ Учителю» (Бесѣд. на Іоан. 85, 4. Русск. пер. при Спб. Дух. Акад. ч. 2, Спб. 1885, 672), точно на крыльяхъ принеслась—пришла первая ко гробу св. Марія Магдалина, желая хотя «отъ мѣста получить какое-нибудь утѣшеніе» (тамъ же) въ своей неутолимой скорби. Но, о ужасъ! Марія предъ самымъ гробомъ остановилась какъ пораженная громомъ—«камень взять отъ гроба...» (Іоан. 20, 1). Едва придя въ себя отъ необычнаго изумленія и ужаса, она немедленно, уже ничего не видя и не слыша вокругъ себя, устремилась обратно и прямо «тече и приде къ Симону-Петру и къ другому ученику, его же любляше Иисусъ, и глагола има: взяша Господа отъ гроба и не вѣмъ, гдѣ положиша Его» (Іоан. 20, 2).

Между тѣмъ другія св. жены, отставшія по пути отъ Маріи, дорогой вспомнили о камнѣ, которымъ при погребеніи закрыли гробницу. Можетъ-быть, при этой мысли онѣ остановились въ недоумѣніи на пути и спрашивали одна другую: «кто могъ бы имъ отвалить камень?» Между тѣмъ уже разсвѣтало (Мк. 28, 1), когда онѣ подошли къ саду и вступили въ его изгородь.

Для ясности дальнѣйшаго разсказа изложимъ здѣсь то, что намъ извѣстно объ устройствѣ іудейскихъ гробницъ. Іерусалимъ окруженъ каменными горами и холмами. Въ этихъ-то горахъ іудеи и устраивали себѣ гробницы. Сперва вырубали въ скалѣ притворъ, изъ котораго обыкновенно узкая и низкая дверь вводила во внутренность каменной погребаль-

ной пещеры, высѣченной также въ углубленіи скалы. Въ пещерѣ уже находилось погребальное ложе. Въ гробницѣ, приготовленной было для себя Іосифомъ Аримавейскимъ, погребальное ложе находилось при входѣ въ пещеру съ правой стороны. Взойдя въ пещеру, мы увидѣли бы небольшой выступъ вдоль стѣны, съ ложемъ, выдолбленнымъ внутри этого выступа и имѣвшимъ съ боковъ такимъ образомъ какъ бы каменные стѣны. Во внутрь ихъ и положено было тѣло Господа. Сверху ложе прикрывалось также каменною доскою. Входъ въ пещеру закрывался камнемъ, который назывался «голалъ». Голалъ можно было вдвинуть въ отверстіе пещеры только соединенными усилиями нѣсколькихъ человѣкъ, «бѣ бо велий зѣло» (Мрк. 16, 4). Вотъ этотъ-то камень теперь и приводилъ въ недоумѣніе мѣроносицъ. Первые лучи солнца озарили уже востокъ (Мрк. 16, 2), и при свѣтѣ ихъ св. жены съ изумленіемъ и страхомъ, какъ нѣсколько раньше Марія Магдалина, «возрѣвше видѣвша, яко отваленъ бѣ камень». (Мрк. 16, 4). Предъ ними зіяло только темное отверстіе пещеры. Опаматовавшись отъ изумленія, св. жены всѣмъ сонмомъ устремляются въ священную гробницу. Взглянувъ при входѣ въ притворъ на голалъ, онѣ обмерли отъ страха: на отваленномъ камнѣ «сѣдѣше» ангель (Мѡ. 28, 2).

«Бѣ же зракъ его, яко молнія, и одѣяніе его было яко снѣгъ» (Мѡ. 28, 2—3).

Въ священномъ трепетѣ мѣроносицы пали на землю (Лук. 24, 5). «Ангель рече женамъ: не бойтесь вы: вѣмъ бо, яко Іисуса распятаго ищите. Нѣсть здѣ: воста бо, якоже рече. Приидите, видите мѣсто, идѣже лежа Господь. И скоро шедше рцѣте ученикомъ Его, яко воста отъ мертвыхъ: и се варяеть вы въ Галилеи: тамъ Его узрите. Се рѣхъ вамъ!» (Мѡ. 28, 5—7).

Повинуясь повелѣнію ангела, жены съ трепетомъ проникаютъ въ самую пещеру «и шедше во гробъ, видѣвша юношу, сѣдѣща въ десныхъ, одѣяна во одежду бѣлу». Новый ужасъ и новое ободреніе...

«Не ужасайтесь, Іисуса ищите Назарянина распятаго, — говорилъ женамъ ангель внутри пещеры. — Воста, нѣсть здѣ: се мѣсто, идѣже положиша Его. Но идите, рцѣте ученикомъ Его и Петрови, яко варяеть вы въ Галилеи: тамъ Его видите, яко же рече вамъ» (Мрк. 16, 5—7).

«Помяните, — говорили еще небесные вѣстники, — яко же глагола вамъ еще сый въ Галилеи, глаголя, яко подобаеть Сыну человѣческому предану быти въ рудѣ человѣкъ грѣшникъ, и пропяту быти, и въ третій день воскреснути».

«И помянуша глаголы Его» (Лук. 24, 6—8).

Выйдя изъ гроба, св. жены стремительно бросились въ городъ. Солнце уже показалось на горизонтѣ. Во время пути имъ попадалось, вѣроятно, не мало встрѣчныхъ изъ народа. Можетъ-быть, въ числѣ ихъ были и слуги Каіафы, спѣшившіе, по его порученію, удостовѣриться въ томъ, что Іисуса нѣтъ болѣе во гробѣ.

Враги Господа также должны были узнать потрясающую для нихъ вѣсть о Его воскресеніи. Ставя стражу при гробѣ, они невольно для себя готовили вѣстниковъ необычайнаго чуда.

«Галилейскій пророкъ лежитъ во гробѣ за моею, Каіафиной, печатью... Стража стоитъ безсмѣнно... Всѣ мѣры приняты. Остается лишь успокоить волненіе умовъ...» Такъ независимо отъ воли Каіафы мысли о Галилейскомъ пророкѣ пробѣгали въ его головѣ, пока онъ раннимъ утромъ того же дня произносилъ свои молитвы и совершалъ положенное по закону омовеніе, приготовляясь къ утреннему выходу во храмъ. Вдругъ вбѣгаетъ прислужникъ изъ назареевъ. «Господинъ, — началъ онъ торопливо, — господинъ, стража вернулась!» и, понизивъ голосъ, почти шопотомъ произнесъ: «говорять, гробъ пустъ, и *Его* тамъ нѣтъ!»

Каіафа растерялся. Молніей промелькнули въ его головѣ слова пророка о трехдневномъ срокѣ: наступаль, въ самомъ дѣлѣ, третій день...

Закутавшись наскоро въ мантию, первосвященникъ вышелъ

на галерею. При бѣловатомъ свѣтѣ утренней зари онъ могъ замѣтить испуганныя лица стражей и услышалъ странныя рѣчи...

«Все было тихо кругомъ. Наканунѣ садъ былъ совершенно пустъ. Вечерній обходъ не открылъ никого ни въ саду ни за оградой. Безлунная ночь была темна, и мертвая тишина, не возмущаемая ни малѣйшимъ дыханіемъ вѣтерка, давила свинцовой тяжестью, какъ передъ бурей. Намъ стало жутко... Мы разложили было костеръ передъ гробницей и уговорились не смыкать глазъ въ теченіе всей ночи. Незадолго до полуночи мы всѣ почувствовали, какъ будто земля тяжело вздохнула... Мы въ ужасѣ вскочили на ноги... Невозможно передать того, что было затѣмъ... Высоко всколебалась земля, шумно качнулись деревья, съ громомъ рухнулъ запечатлѣнный камень, ослѣпительная молнія, свергнувъ изъ гроба, повергла насъ на землю... Мы лежали въ безпамятствѣ... Очнувшись, мы увидали, что камень отваленъ и могила пуста...»

«Ни слова никому, если дорога вамъ жизнь, слышите— никому...» бормоталъ смущенный Каиафа. Распорядившись отвести стражу въ крѣпкое и безопасное мѣсто, первосвященникъ послалъ людей своихъ проверить ихъ извѣстіе. Можеть-быть, встрѣтивъ по дорогѣ св. женъ, спѣшившихъ отъ гроба, они смутили ихъ, окинувъ подозрительнымъ взглядомъ.

Цугливо пронеслись дальше мѣроносицы. «Имяше же ихъ трепеть и ужасъ: и никому же ничто жерѣша: бояху бо ся...» (Мрк. 16, 8).

Но не одни незнакомые встрѣчные, съ удивленіемъ взиравшіе на мѣроносицъ, — на пути имъ должны были встрѣтиться и тѣ, до которыхъ относилась радостная вѣсть; то были Петръ и Іоаннъ и за ними Магдалина. Подъ вліяніемъ охватившаго ихъ ужаса, мѣроносицы, едва взглянувъ, а, можеть-быть, и вовсе не замѣтивъ ихъ, продолжали стремительный бѣгъ свой домой и, только очутившись дома, среди своихъ, онѣ мало-по-малу пришли въ себя отъ ужаса и, успокоившись, «возвѣстиша вся сія» (Лук. 24, 10).

Получивши извѣстіе отъ Магдалины, апостолы Петръ и Іоаннъ немедленно, еще до возвращенія другихъ мѣроносицъ, устремляются ко гробу удостовѣриться собственными глазами, что случилось. Юный Іоаннъ далеко позади оставилъ своего спутника и, прибѣжавъ первымъ, остановился въ притворѣ, въ безмолвномъ изумленіи взирая на отверстый гробъ. Со страхомъ заглянувъ въ пещеру, онъ увидалъ, что пещера пуста. Чувство благоговѣйнаго страха удержало Іоанна. Но скоро подоспѣлъ Петръ, который стремительно чрезъ низкую дверь проникъ въ пещеру «и видѣ ризы едины лежащя, и сударь, иже бѣ на главѣ его, не съ ризами лежащъ, но особъ свить на единомъ мѣстѣ» (Іоан. 20, 7). Вслѣдъ за Петромъ въ пещеру вступилъ и Іоаннъ «и видѣ и вѣрова...»

Вотъ первый вѣрующій въ воскресеніе Господа послѣ св. женъ, которымъ благовѣстили ангелы. Что же привело къ вѣрѣ Іоанна? Безъ сомнѣнія то, что онъ со всей внимательностью любви принималъ въ свое сердце ученіе Іисуса. Но съ особенной силой отпечатлѣлись въ его духѣ слова Господа во время послѣдней Его бесѣды съ учениками, когда Онъ неоднократно говорилъ о Своей смерти и о Своемъ явленіи имъ послѣ воскресенія.

«Дѣти! не оставляю васъ сиротами; приду къ вамъ. Еще немного—и мѣръ уже не увидитъ Меня, а вы увидите Меня; ибо Я живу, и вы живы будете... Я иду приготовить вамъ мѣсто, и когда приготовлю, приду опять и возьму васъ къ Себѣ... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. Вы слышали, что Я сказалъ вамъ: иду отъ васъ и приду къ вамъ. Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что Я сказалъ: иду къ Отцу; ибо Отецъ Мой болѣе Меня. Вскорѣ вы не увидите Меня, и опять вскорѣ увидите Меня... Вы теперь имѣете печаль: но Я увижусь съ вами опять, и возрадуется сердце ваше...» (Іоан. гл. 14).

«Пелена и платъ сохранились во гробѣ, [притомъ не въ

безпорядочномъ видѣ — это удаляетъ всякое предположеніе о похищеніи тѣла Господа. Зачѣмъ понадобилось бы похитителямъ снимать пелены?»

«И возможно ли самое похищеніе? Кто могъ похитить? Враги? Да они только о томъ и старались, чтобы сберечь Его... Мы же всѣ сидѣли дома, за закрытыми дверями, въ страхъ отъ иудеевъ...»

«Нѣтъ, здѣсь произошло что-то другое, а никакъ не похищеніе».

Все это молніей пронеслось въ потрясенной душѣ любимаго ученика. Глубокой внутренней, самопогруженный духъ его быстро соображалъ всѣ обстоятельства, и великая истина воскресенія уже озаряла умъ его...

«Видѣ и вѣрова».

Петръ, очевидно, также не могъ согласиться съ догадкой Маріи Магдалины о похищеніи тѣла. Но состояніе души его, послѣ всего случившагося, притомъ отягченное глубокимъ сознаниемъ всей тяжести своей вины, было слишкомъ мрачно, чтобы въ немъ могла блеснуть радостная мысль о воскресеніи. Тяжкое недоумѣніе томило душу Петра...

Съ различными чувствами вернулись къ прочей братіи, апостоламъ, Петръ и Іоаннъ. Но тамъ мѣроносицы уже возвѣщали радостную вѣсть о воскресеніи Господа, слышанную ими отъ ангеловъ. Однако имъ не вѣрили. Спросили возвратившихся Петра и Іоанна, видѣли ли они ангеловъ? Нѣтъ, «духовное видѣніе было не для нихъ: ни тотъ ни другой ангела не видѣли». Вѣра къ словамъ мѣроносицъ погасла совсѣмъ. Іоаннъ могъ только сказать другимъ, что онъ лично увѣровалъ въ воскресеніе. «Не убо вѣдаху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути» (Іоан. 20, 9). Тѣмъ не менѣе слова мѣроносицъ радостно отдавались въ его сердцѣ, служа подтвержденіемъ блеснувшему въ немъ лучу вѣры, тѣмъ болѣе, что въ числѣ благовѣстницъ была его мать — Саломія.

Но никто еще не видѣлъ Самого Воскресшаго...

Марія Магдалина, по удаленіи Петра и Іоанна, одна осталась при гробѣ, — одна съ своей невыразимой скорбью, безъ малѣйшей искры упованія... Для нея теперь все окружающее, весь міръ былъ чуждъ и пустъ: не для нея сіяло только-что взошедшее солнце, не для нея сверкали алмазныя росинки, оставленныя сѣдымъ утреннимъ туманомъ, не для нея раздавалось пѣніе проснувшихся птицъ, не для нея благоухала садъ утреннимъ ароматомъ цвѣтовъ... Все лиговало, все радовалось кругомъ, но — увы! — не было Того, Кто такъ любилъ эти саронскія розы, эти галилейскія лиліи (Лук. 12, 27—28), этихъ слабыхъ пташекъ (Лук. 12, 6) и Кто одинъ умѣлъ вливать бальзамъ мира и отрады въ истерзанную душу... Душа Маріи была такъ потрясена всѣмъ случившимся, такъ занята одной мыслью о похищеніи тѣла Господа, что, увидавъ ангеловъ, она нисколько не смутилась, какъ будто то были обыкновенные люди. Два ангела находились внутри гроба: одинъ сидѣлъ на гробѣ «у главы», другой — «у ногу, идѣже бѣ лежало тѣло Іисусово» (Іоан. 20, 12).

«Жено, что плачешься?»

«Взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша Его» (Іоан. 20, 13).

Такъ даже видѣніе ангеловъ не могло утѣшить въ ней сильнаго душевнаго волненія и тревоги. Только присутствіе Самого Господа могло бы успокоить ее, Онъ одинъ и никто болѣе могъ превратить скорбь ея въ радость. И вотъ Онъ Самъ дѣйствительно передъ нею... Но и Его она узнаетъ не сразу. Слѣдуя безотчетно одной овладѣвшей ею думѣ, въ утреннемъ туманѣ, вся въ слезахъ, она принимаетъ Его за садовника, который въ этотъ часъ долженъ былъ явиться для уборки сада. Господь обращается къ ней съ тѣми же словами, какъ и ангелы:

«Жено, что плачешь? кого ищешь?»

Обрадовавшись надеждѣ, что незнакомецъ можетъ объяснить

ей исчезновеніе тѣла Господа, и, отверпувшись, можетъ-быть, нѣсколько въ сторону, чтобы скрыть слезы, застилавшія ей глаза, она спросила мнимаго садовника: «Господи нѣ, если ты вынесъ Его, скажи, гдѣ ты положилъ Его, и я возьму Его».

Глагола ей Иисусъ: «Маріе!»

Одно это слово, произнесенное столь знакомымъ ей торжественнымъ и въ то же время безконечно любящимъ голосомъ, мгновенно проникло ей въ сердце. Бросившись къ Нему и видимо стараясь коснуться Его ногъ или схватить край Его одежды, она вскрикнула на своемъ природномъ арамейскомъ нарѣчьи: «Раввуні!» «Учитель мой!» и затѣмъ какъ бы онѣмѣла отъ священнаго восторга...

О, этотъ мигъ, за который, безъ сомнѣнія, она не пожалѣла бы отдать цѣлой жизни, въ который вся ужасная скорбь ея мгновенно потонула въ лучахъ безпредѣльной радости!..

Въ священномъ трепетѣ она повергается къ стопамъ Спасителя, чтобы обнять ихъ, какъ бы не желая болѣе никогда разлучаться съ Нимъ, но мплостивый знакъ рукою останавливаетъ ее, и она снова слышитъ «сладчайшій» гласъ:

«Не прикасайся Мнѣ, не у бо вздохъ ко Отцу Моему. Иди же ко братіи Моей и рцы имъ: восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему» (Іоан. 20, 15—17). Не въ послѣдній разъ она еще видитъ Его. Однако Онъ скоро долженъ возвратиться къ Отцу Своему и потому повелѣваетъ поспѣшить ко братіи Его — апостоламъ и объявить имъ о Своемъ воскресеніи.

Да и зачѣмъ прикасаться ей, когда духъ ея всецѣло ощутилъ присутствіе Господа?

Сколько безконечной любви къ людямъ прозвучало въ этомъ трогательномъ и нѣжномъ названіи учениковъ «братією» въ устахъ Воскресшаго изъ мертвыхъ и готоваго итти ко Отцу прославленнаго Искупителя міра!.. (ср. Евр. 2, 11—12).

Когда Марія очнулась, Его уже не было, но въ сердцѣ ея

царила безмѣрная радость, въ ушахъ раздавались сладостнѣйшія рѣчи. На глазахъ были еще слезы, но — уже сладкія слезы...

Между тѣмъ надлежало немедленно исполнить повелѣніе Господа, и Марія понесла свою торжественную вѣсть, и для всѣхъ грядущихъ вѣговъ и родовъ прозвучали эти первыя слова, запечатлѣвшіяся навѣки въ сердцахъ тѣхъ, которыя въ первый разъ услышали ихъ: «я видѣла Господа!»

Но, очевидно, свидѣтельства одной Маріи было еще недостаточно: «двоихъ чловѣковъ свидѣтельство истинно есть» (Іоан. 8, 17). Навстрѣчу Маріи Магдалинѣ, которой, конечно, съ опасеніемъ хватились въ священномъ собраніи послѣ возвращенія Петра и Іоанна, спѣшила ко гробу другая Марія, сестра Божіей Матери. При встрѣчѣ Марія Магдалина безъ сомнѣнія сообщила своей спутницѣ радостную вѣсть, и обѣ поспѣшили въ собраніе апостоловъ, — «и се Иисусъ срѣтъ я, глаголя:

«Радуйтесь!»

Бросившись на землю, св. жены ухватились за ноги Его и поклонились Ему.

«Идите, возвѣстите братіи моей, — повторилъ еще разъ Господь Свое повелѣніе, — да идутъ въ Галилею, и ту Мѣ видятъ» (Мѣ. 28, 9—10).

Марія Магдалина вмѣстѣ съ другою Марією является въ собраніе апостоловъ. Исполненная неизреченной радости, она и безъ словъ была живымъ свидѣтелемъ воскресенія. Но страннымъ казалось, что видѣнія и явленія были только для женщинъ. Апостолы и на этотъ разъ остались при своемъ невѣріи... Развѣ только одинъ Іоаннъ, да еще одно изстрадавшееся сердце послѣ свидѣтельства Магдалины исполнились уже непреложнымъ убѣжденіемъ въ достовѣрности воскресенія. Мы говоримъ о Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Замѣчательно, что Она, безъ сомнѣнія болѣе всѣхъ любившая Своего Сына и Господа, не принимала участія въ раппемъ предпріятіи прочихъ женъ-мүроносцъ. Слагая въ сердцѣ Своемъ всѣ глаголы

Исуса и объ Исусѣ, съ наибольшимъ вниманіемъ принимая ко всѣмъ великимъ и чуднымъ происшествіямъ Его жизни отъ яслей до гроба, слыша объ ангелахъ, возвѣщавшихъ Его воскресеніе и припоминая ангеловъ, воспѣвшихъ Его Рождество, Она безъ сомнѣнія болѣе всѣхъ была приготовлена къ вѣрѣ въ воскресеніе. Внимательно слѣдя за событіями и на этотъ разъ, Она, можетъ-быть, и не открывала Своихъ мыслей другимъ, но въ глубинѣ души исповѣдывала и безъ сомнѣнія не разъ повторяла завѣтную мысль: «не можетъ-быть, чтобы Мой Божественный Сынъ навсегда остался во гробѣ!» Можетъ-быть, духомъ Она уже созерцала Сына Своего во славіи воскресенія. Можетъ-быть, Іоаннъ, теперь замѣнившій Ей Исуса и потому особенно близкій къ Ней, отъ Нея именно и получилъ скорую готовность къ вѣрѣ въ воскресеніе. Невѣроятно также, чтобы и Петръ, съ своимъ рѣшительнымъ характеромъ, нѣкогда первымъ исповѣдавшій свою вѣру во Христа, какъ Сына Божія, — Петръ, получившій извѣстіе отъ мурносицы, что ангелъ особенно ему повелѣлъ возвѣстить о воскресеніи Господа, чтобы и онъ раздѣлялъ общее невѣріе. Нѣтъ, въ его душѣ уже начала заниматься заря свѣтлаго дня воскресенія, и безъ сомнѣнія онъ не замедлилъ бы выразить свою вѣру и утвердить въ ней братію, но... въ немъ не было на этотъ разъ прежней рѣшительности. Въ его душѣ послѣ его паденія произошелъ глубокой внутренней переворотъ. О, если бы къ Господу можно было имѣть такой же доступъ, какъ прежде, онъ отыскалъ бы Его, повергся бы къ стопамъ Его и пролилъ бы источники слезъ... Но теперь не то: Господь посылаетъ Своихъ вѣстниковъ, является необычайнымъ образомъ, какъ и кому хочетъ. Онъ утѣшилъ уже Своимъ явленіемъ одну скорбящую душу: Онъ явился Маріи Магдалинѣ. Отчего же Онъ оставляетъ ея безъ утѣшенія, какъ бы въ сторонѣ? Или грѣхъ его, хотя и омытый слезами искреннѣйшаго раскаянія, стоитъ преградою между имъ и Воскресшимъ? Такое ду-

шевное состояніе было болѣе чѣмъ невыносимо для Петра, оно требовало скорѣйшаго разрѣшенія... И вотъ Господь является Петру... При какихъ обстоятельствахъ, что происходило при этомъ явленіи — намъ неизвѣстно. Мы знаемъ только, что оно произвело рѣшительное дѣйствіе на учениковъ; это явленіе было уже не женщиной: сомнѣніямъ нѣтъ болѣе мѣста — «Христосъ воскрес!»

Но, чтобы и Петръ не былъ единственнымъ свидѣтелемъ изъ числа апостоловъ, Господь соблаговолилъ еще явиться Іакову, Своему ближайшему родственнику по плоти. Онъ позже другихъ примкнулъ къ сонму учениковъ, но глубоко увѣровалъ въ ученіе Христа. Слава святости и великаго подвижничества озаряла его. Строжайшимъ образомъ соблюдалъ онъ внутреннюю правду и обрядовую чистоту, возбуждая удивленіе и глубокое уваженіе къ себѣ даже между іудеями. Бѣлая одежда и широкая повязка на изможденномъ лицѣ придавали его наружности особую внушительность. Безъ сомнѣнія, всѣ смолгли, когда Іаковъ вступилъ въ священное собраніе... На его лицѣ свѣтилось радостное настроеніе души его. Ставъ посрединѣ, Іаковъ торжественно произнесъ:

«Воистину Христосъ воскрес!» (I Кор. 15, 7).

Такимъ образомъ апостолы совершенно подготовлены были къ тому, чтобы удостоиться всѣмъ вмѣстѣ радостнѣйшаго лицезрѣнія воскресшаго Господа, Который дѣйствительно и явился имъ вечеромъ того же незабвеннаго дня. Теперь посмотримъ, что между тѣмъ происходило въ Іерусалимѣ.

Возвышенныя части города: Сіонъ, Акра, Морія заняты были просторными домами іерусалимской знати, саддукеевъ, иродіанъ, откупщиковъ дани, царскими дворцами Ирода Великаго и Маггавеевъ и величественными зданіями храма. У подножій холмовъ, точно муравейникъ, «Безета» *) кишѣла безчислен-

*) Низменная часть города.

ными толпами народа. Посреди Безеты тянулася Сыроварная улица, главная артерія Іерусалима, а справа и слѣва отъ нея, безпорядочно цѣпляясь за склопы холмовъ, шли неправильныя, извилистыя и очень узкія улицы, застроенныя домами съ плоскими крышами, въ нѣсколько этажей, выступающихъ одинъ надъ другимъ, съ рѣшетчатыми сквозными балконами или съ крытыми переходами, переброшенными черезъ улицы отъ дома до дома. Тамъ и сямъ попадались базары, столь же тѣсныя и темныя, какъ и улицы. Полосатыя покрывала натянуты были во всю длину переходовъ, защищая отъ палящихъ лучей весенняго палестинскаго солнца, но въ то же время производя страшную духоту и жаръ вслѣдствіе задержки свободного движенія воздуха. Необыкновенное множество народа толпилось на улицахъ, наполняя дома и 480 синагогъ іерусалимскихъ. Каждый годъ сходились къ празднику Пасхи сыны Израиля со всѣхъ предѣловъ Римской имперіи: «паряне и мидяне, и еламиты, и живущіи въ Месопотаміи, во Іудеи же и Каппадокіи, въ Понтѣ и во Асіи, во Фригіи же и Памфиліи, во Египтѣ и во странахъ Ливіи, яже при Кириніи, и приходящіи римляне, іудеи же и пришельцы, критяне и аравляне...» Многоязычный говоръ стономъ стоялъ на улицахъ. Чаше другихъ слышались звуки греческаго и арамейскаго языка. Съ оживленной жестикуляціей, страстно волнуясь и споря между собою, передавали другъ другу поразительную новость о томъ, что тѣла Іисусова сегодня утромъ не нашли во гробѣ, несмотря на стражу и печать. Гдѣ дѣлось тѣло—никто не зналъ. Обшарили всѣ углы, но ничего не нашли. Самые ловкіе сыщики, вышолопные въ полиціи Ирода—да сгинетъ его память на землѣ!—вернулись съ попсковъ ни съ чѣмъ.

— Пророкъ говоритъ, что Онъ въ третій день воскреснетъ...

— Да возможно ли это?

— Что жъ въ этомъ невѣроятнаго? Развѣ Самуилъ не являлся съ того свѣта Саулу? Илія и Енохъ развѣ умерли?

Не придуть ли они вновь на землю? Не только сами пророки, но кости ихъ воскрешали умершихъ!..

— Но вѣдь Іисусъ предавъ позорной казни!?

— Что жъ изъ этого? Развѣ наши предки не казнили пророковъ? Развѣ Іисусъ не воскресилъ юношу въ Наинѣ или дочь Іаира?

— А развѣ вы позабыли о томъ, что такъ недавно еще Опъ воздвигъ изъ гроба четверодневнаго Лазаря?

— Да сколько среди насъ здѣсь свидѣтелей со всей земли Израиля, которые видѣли и другія не менѣ поразительныя чудеса великаго пророка?!

Такъ припоминали многое другое, всѣ благодѣянія Іисуса, всѣ Его животворныя бесѣды, и лучезарный образъ Христа, въ дивной, божественной красотѣ, какъ живой воскресалъ въ душахъ многочисленныхъ поклонниковъ, собравшихся въ Іерусалимѣ.

Удостоверившись въ истинѣ донесенія сгражи, Каиафа, крайне встревоженный, спѣшилъ принять энергическія мѣры. Положеніе казалось ему крайне опаснымъ. «Толпа вѣдь всегда переменчива. Правда, ее легко было возбудить три дня тому назадъ, но недѣлей раньше развѣ не гремѣло «осанна» во славу Іисуса? О, эта чернь, бессмысленная, невѣжественная въ законѣ!!! Она склонна болѣе всего вѣрить всему чудесному. Весь Іерусалимъ полонъ разсказами о какихъ-то таинственныхъ явленіяхъ съ того свѣта; говорятъ, что лица, давно умершія, являлись своимъ знакомымъ и привѣтствовали ихъ съ радостной, загадочной улыбкой. При такомъ настроеніи толпы легко можетъ произойти крутой поворотъ въ мысляхъ, и тогда на кого обрушится ярость взволнованнаго народа, кто поставитъ ей границы? Ужасно! Кровь леденѣетъ отъ этихъ мыслей. Что же дѣлать? Что дѣлать теперь? Собрать немедленно, безотлагательно синедріонъ...»

Такъ волновался и такъ рѣшилъ растерявшійся Каиафа. Сине-

дріонъ собрался, собрался въ странномъ смущеніи и ужасѣ. Конечно, здѣсь не было и рѣчи ни о дѣйствительности чуда ни о безпристрастномъ разслѣдованіи; тѣмъ болѣе для закоренѣлыхъ сердець не могло быть и вопроса о вѣрѣ... Оставалось одно средство — прибѣгнуть ко лжи. Во лжи оставалось единственное прибѣжище. И вотъ снова призываютъ стражниковъ и, не придумавъ ничего лучшаго, внушаютъ имъ распространять нелѣпую и смѣшную сказку о похищеніи тѣла Іисусова во время сна стражи у гроба. . Глупо и смѣшно!! Но что же дѣлать? Что отвѣчать на догадки и вопросы толпы? А лучше бы всего какъ-нибудь замять, похоронить дѣло...

Такъ волновались вожди народа въ то время, какъ въ небольшомъ обществѣ учениковъ Христовыхъ уже радостно раздавалось «Христосъ воскрес!» а среди безчисленнаго собравшагося на праздникъ народа подготавлилась свѣжая воспримчивая весенняя почва для близкаго предстоящаго посѣва слова Божія ²⁾...

К О Н Е Ц Ъ.

²⁾ Матеріаломъ и руководствомъ, кромѣ св. Четвероевангелія, служили намъ „Толковое Евангеліе“ пр. Михаила, „О евангеліяхъ и евангельской исторіи“ его же, сочиненія св. Іоанна Златоустаго, „Исторія евангельская“ въ академическихъ лекціяхъ А. В. Горскаго, изданія Православнаго Палестинскаго Общества, брошюра „Воскресеніе Христово“ извѣстнаго знатока церковной археологіи М. Соловьева и др.